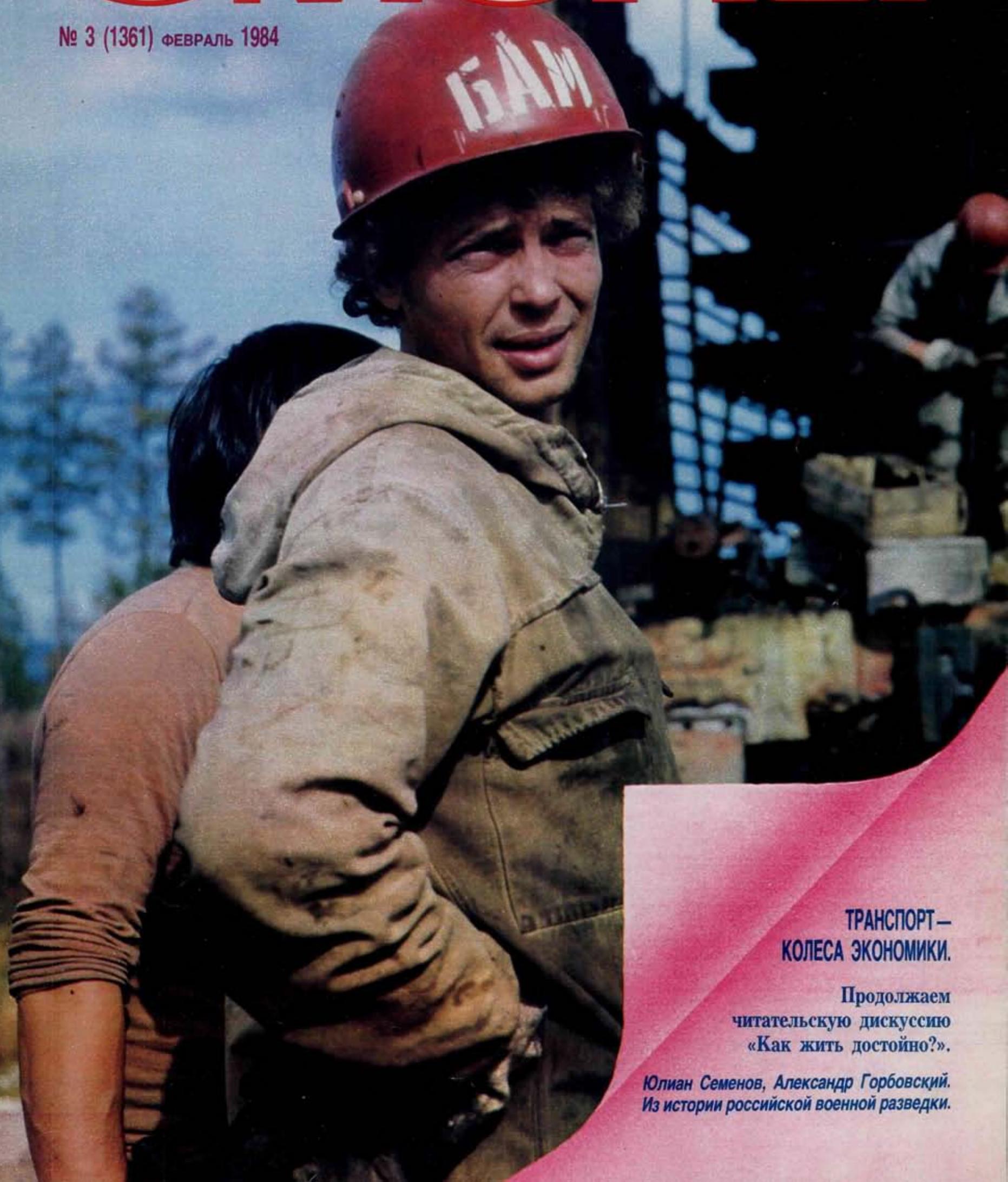

ISSN 0131—6656

смена

№ 3 (1361) ФЕВРАЛЬ 1984

TRANSPORT –
КОЛЕСА ЭКОНОМИКИ.

Продолжаем
читательскую дискуссию
«Как жить достойно?».

Юлиан Семенов, Александр Горбовский.
Из истории российской военной разведки.

МОЛОДЕЖЬ НА ТРА ЧЕТКОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Дисциплина труда

В НОМЕРЕ ВЫСТУПАЮТ:

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ТРАНСПОРТА ГОСПЛАНА СССР:

«...создать такую эффективную транспортную систему, которая обеспечит полное удовлетворение растущего спроса населения и народного хозяйства в перевозках».

ВОДИТЕЛЬ:

«Наша профессия стала массовой и легкодоступной... Но, с другой стороны, как возросли требования к водителю! Насколько мы отвечаем этим требованиям?»

ЖУРНАЛИСТ:

«Общее дело делают металлурги и железнодорожники, и, казалось бы, кому-кому, а им-то надо быть добрыми партнерами... Пора остановить набравший слишком сильный ход ком взаимных обид».

ИНЖЕНЕР-КАПИТАН:

«В наше время на речном флоте появились, по сути дела, новые специальности... Подготовить настоящего судоводителя — тоже немалая проблема».

Транспорт — связующее звено всех отраслей народного хозяйства. Многое было сделано для его развития в прошлой пятилетке. В эти годы широким фронтом развернулись работы на таких Всесоюзных ударных комсомольских стройках, как Байкало-Амурская магистраль, порт Восточный, строительство автодорог в Западной Сибири... Введено 3,4 тысячи километров новых железных дорог, более 4 тысяч километров вторых путей.

На речном транспорте подходит к завершению создание Единой глубоководной системы Европейской части СССР. Освоены новые речные пути в Западной Сибири и на Дальнем Востоке.

Развивалась сеть автомобильных дорог с твердым покрытием — построено 80 тысяч километров вместо намечавшихся 60 тысяч.

Введена в действие и реконструирована 81 взлетно-посадочная полоса. Особенно быстрыми темпами воздушный транспорт развивался в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Все виды транспорта затронул научно-технический прогресс. Это более мощный железнодорожный и автомобильный состав, новые суда, большегрузные контейнеры. Это электрификация дорог; внедрение вычислительной техники, автоматики и телемеханики для управления транспортными процессами; совершенствование планирования, технологии работы, внедрение передового опыта. Высокими темпами — на 83 процента — вырос грузооборот на самом экономичном трубопроводном транспорте.

Да, сделано немало. Грузооборот транспорта увеличился на 23 процента, а пассажирооборот — на 19. Но в то же время потребности экономики, нужды людей в перевозках, особенно железнодорожных, удовлетворялись, надо признать, не полностью.

Комиссия, созданная решением Госплана СССР, разрабатывает комплексную программу для радикального решения транспортных проблем. Главная задача ее — создать такую эффективную транспортную систему, которая обеспечит полное удовлетворение растущего спроса населения и народного хозяйства в перевозках. Отмечу три основные части комплексной программы: развитие материально-технической базы транспорта; лучшее использование достижений научно-технического прогресса; повышение согласованности в работе всех транспортных звеньев и четкое их взаимодействие с другими отраслями экономики.

Больше половины всего грузооборота приходится на железные дороги. Именно здесь в последние годы сложилась напряженная обстановка. С чем это связано? Рост объема перевозок превысил возможности дорог. Не все резервы еще используются. Кроме того, есть еще нерациональные, встречные перевозки — они составляют примерно 6—8 процентов годового объема. Только за счет ликвидации нерациональных перевозок можно в течение пятилетки достичь дополнительно свыше 150 мил-

лионов тонн грузов. Положение на железных дорогах вызывает особое внимание к их работе, требует совершенствования транспортно-экономических связей и рационализации перевозок.

Что предстоит сделать уже в этом пятилетии? В планах — техническое перевооружение, усиление всей железнодорожной сети и в особенности ликвидация ее «узких мест» на направлениях, связывающих европейскую часть страны с Уралом, Казахстаном, Сибирью и Дальним Востоком. Для этого надо построить не менее 3,6 тысячи новых и 5 тысяч километров вторых путей, электрифицировать 6 тысяч километров дорог. Кроме того, предстоит реконструкция железнодорожных узлов, припортовых станций, локомотивных депо. Это наиболее эффективные средства повысить пропускную способность действующей сети дорог. Если сравнить с прошлой пятилеткой, то на развитие железнодорожного транспорта выделено средств почти на треть больше. А на строительно-монтажные работы — больше на 40 процентов.

Нельзя забывать и о ремонте техники. На развитие ремонтной базы Министерству путей сообщения выделено более 200 миллионов рублей — в полтора раза больше, чем в десятой пятилетке. При этом планируется как строительство

Дмитрий ЗОТОВ,
начальник
отдела транспорта
Госплана СССР

новых, так и реконструкция старых ремонтных заводов в Новосибирске, Ярославле, Оренбурге, Улан-Удэ, Чите.

Увеличится количество локомотивов — больше чем на треть. Повысится их мощность: у электровозов — до 10 и более тысяч лошадиных сил, у тепловозов — до 4—6 тысяч сил в одной секции. Потребуется больше вагонов. Это тоже предусмотрено в планах на пятилетку. Причем вагоны будут улучшенной конструкции, повышенной грузоподъемности и вместимости.

Здесь надо сказать, что многое можно сделать уже сейчас, не дожидаясь полного завершения пятилетней программы строительства, реконструкции и технического перевооружения. Напомню, что еще года четыре назад московские железнодорожники первыми в отрасли организовали движение тяжеловесных — в два-три раза больше нормы — составов. Вести тяжеловесные поезда задача очень непростая. Таким рейсам должна предшествовать большая инженерная работа, повышение мастерства машинистов. Но отдача новой технологии стоит этих забот. Расчеты показывают, что за счет повышения интенсивности движения и веса поездов можно получить значительный прирост объема перевозок в нынешней пятилетке.

В Москве же родилась и другая очень важная инициатива: коллективы столичных предприятий, имеющих подъездные пути, решили сами ремонтировать вагоны. Это во многих случаях дешевле и быстрее, учитывая нынешние трудности железнодорожников. Пред-

полагается, что ускорение ремонта равнозначно сорока тысячам дополнительных вагонов в год. Почки москвичей обретает размах — уже тысячи предприятий заключили с транспортниками договоры на ремонт вагонов.

...Теперь о нерациональных, излишне дальних и встречных перевозках. Они снижаются, но опыт междуведомственной комиссии при Госплане СССР показывает, что возможности в этом направлении значительны. В планах на текущее пятилетие и до 1990 года намечен широкий круг мероприятий. Отмечу некоторые из них.

Новые нефтеперерабатывающие заводы будут строиться непосредственно в районах большого потребления нефтепродуктов, чтобы не везти готовую продукцию на дальние расстояния. Планируется увеличение объемов обогащения угля в местах его добычи, использование на электростанциях наиболее рациональных видов топлива. В транспортировке нефти и нефтепродуктов будет расти доля трубопроводного транспорта. Совершенствуются размещение, специализация и кооперация предприятий, совершенствуется и схема грузо-потоков.

Наша страна — крупная морская держава. На севере, юге, западе и востоке мы имеем выходы в моря и океаны. На

ДОРОГИ СЕГ

одиннадцатую пятилетку поставлены важные задачи по лучшему использованию флота, портов, судоремонтных заводов, организации перевозок грузов и пассажиров. Грузооборот морского транспорта увеличится на 8—9 процентов. Для этого надо укрепить его материальную базу.

Старые суда будут списываться, а взамен их на морских трассах появятся новые, более высокого качества. Мы продолжаем расширять передовую технологию перевозок — контейнерную, лихтеровозную, пакетную, ролкерную и паромную. В Арктику выйдут новые транспортные суда многоцелевого назначения.

На международных морских путях мы осуществляем широкую интеграцию и научно-техническое сотрудничество в рамках СЭВ: поддерживаем торговлю, экономические связи с развивающимися и капиталистическими странами. Ныне на долю морского транспорта приходится около 45 процентов перевозок экспортных и импортных грузов.

Для Каспия будет построена серия новых железнодорожных паромов; пополнится паромный флот, связывающий Сахалин с материком. Продолжается строительство атомных ледоколов для увеличения перевозок в арктические районы, ведется сооружение атомных грузовых судов.

На юге войдет в строй первая очередь нового района порта Южный (в Григорьевском лимане) мощностью около 5,5 миллиона тонн в год. Это в известной мере освободит от перевалки Ильинский порт. Реконструируются и строятся

ИСДОРГЕ[°] ОСТЬ, ЧУВСТВО ХОЗЯИНА

новые перегрузочные комплексы в Ленинградском, Владивостокском, Калининградском, Одесском, Мурманском и ряде других портов.

Современные высокоавтоматизированные суда предъявляют более высокие требования к техническому обслуживанию флота и к судоремонтной промышленности. Поэтому вводятся новые мощности для обслуживания и ремонта атомных судов, развиваются доковое хозяйство и причальный фронт. И еще очень важное дело: предстоит осуществить в широких масштабах применение автоматизированных систем управления работой флота, портов, судоремонтной промышленности.

Реки. Темпы роста перевозок речным транспортом более высокие, чем железнодорожным и морским — до 19—20 процентов, а в восточных бассейнах — до 26—28 процентов.

Предстоит решить задачу государственной важности — обеспечить непрерывно растущие потребности районов Сибири и Дальнего Востока, промышленное освоение которых происходит огромными темпами.

Здесь необходимо выполнить большие дноуглубительные работы; привести в судоходное состояние новые участки рек Аган, Вах, Большой Салем, Пур,

продукты с Нижней Волги. В целом тоннаж самоходного грузового флота увеличится более чем на миллион тонн.

Для пассажиров строятся комфортабельные теплоходы на 200, 360 и 400 мест, суда на подводных крыльях и воздушной подушке. Новые мощные ледоколы и транспортные суда с усиленным корпусом продлят сроки навигации на многих реках и водохранилищах.

Так же, как и на морских, развертывается работа на речных берегах. Прежде всего это касается Сибири и Дальнего Востока. Продолжится строительство крупных портов в Уренгое, Надыме, Лабытнанги, Сергине, Нижневартовске. Каждый мощностью по переработке более 5 миллионов тонн разных грузов в год, с механизированными причалами. Расширяются и оснащаются новой техникой порты в Томске, Осипове, Якутске, Красноярске, Комсомольске-на-Амуре и других городах.

Средств, направленных на развитие флота, портов, промышленных объектов, значительно больше, чем в прошлой пятилетке. Значит, велика должна быть и отдача. Планируем, что производительность труда работников, занятых на перевозках, возрастет на 15 процентов.

Неослабного внимания хозяйственных, партийных и советских органов требует работа транспорта. Конечно, за последнее время здесь наметились положительные тенденции. Но, пожалуй, на транспорте больше чем где-либо резервов и неиспользованных возможностей, которые можно в короткие сроки привести в действие.

Из текста выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на декабрьском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС

ОДНЯ И ЗАВТРА

Васюган, Казым и некоторых других, общей протяженностью более 1800 километров.

Много дел на реках всей страны. В основном должно завершиться создание Единой глубоководной системы Европейской части СССР. Заполняются до проектных отметок и будут освоены для судоходства водохранилища Волжско-Камского бассейна. Следующий этап — подготовительные работы по переброске части стока северных рек в бассейн Волги, Нижне-Камской и Чебоксарской ГЭС. На всей этой системе, общей протяженностью 6,3 тысячи километров, обеспечиваются гарантированные глубины для крупнотоннажных судов.

За годы пятилетки надо переключить с железных дорог на реки 30—40 миллионов тонн различных грузов — немалые объемы нефти и нефтепродуктов, угля, леса, руды, удобрений, цемента...

Одно из важнейших направлений в совершенствовании структуры речного флота — его усиленное пополнение несамоходными судами. Из них формируются большегрузные толкаемые составы. Грузоподъемность одного такого состава будет составлять до 30 тысяч тонн — это, скажу для сравнения, 500 железнодорожных цистерн.

Самоходный флот пополнится теплоходами и танкерами большой вместимости, судами смешанного плавания типа «река — море» (последние предназначены в основном для экспортных и импортных перевозок, плавания по северным рекам и в Арктике). Новая серия судов-овоощевозов будет доставлять

тысяч в Нечерноземье. Это столько же, сколько было построено в 10-й пятилетке, но в последующие годы темпы возрастут в несколько раз.

В области ремонта, содержания, увеличения пропускной способности дорог должна проводиться единая техническая политика. С этой целью создан и действует координационный совет при Минавтодоре РСФСР. Советам Министров союзных республик определены поставки материалов и механизмов для строительства и ремонта дорог.

Воздушный транспорт. Его применение в одиннадцатой пятилетке не будет иметь себе равных — за всю историю развития гражданской авиации. В наибольшей степени это относится к восточным и северным регионам. Строительство новых и реконструкция старых аэропортов союзного значения ведутся в Красноярске, Минске, Якутске, Магадане, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Норильске, Караганде, Свердловске. На местных линиях будет построено 46 новых и реконструировано 15 взлетно-посадочных полос. Новые аэропорты оснащаются современными автоматическими системами посадки и взлета самолетов, новой техникой и оборудованием.

Знакомый всем самолет ИЛ-86 получит широкое внедрение. Замена им на некоторых направлениях самолета Ту-154 позволит практически вдвое сократить загруженность воздушного пространства, снизить частоту взлетов-посадок в портах. За счет этого появится резерв пропускной способности аэропортов.

Давно стало привычным применение авиации в народном хозяйстве. Большой объем работы предстоит у авиаторов в освоении нефтегазоносных районов Западной Сибири. Уже в первые годы пятилетки вертолетчики налетали здесь свыше полутора миллиона часов. Весомый вклад внесут авиаторы и в реализацию Продовольственной программы — обрабатывая с воздуха поля, обслуживая тружеников села.

И в гражданской авиации, как на других видах транспорта, внедряются автоматизированные системы управления. К концу пятилетки планируется в основном завершить создание отраслевой АСУ.

Но спустимся снова на землю. Есть вид транспорта внешне, может быть, малопримечательный, но тоже крайне важный — промышленный, который действует внутри предприятий. В основном это железнодорожный транспорт. Здесь необходимо повышать темпы реконструкции и технического перевооружения, улучшать использование подвижного состава, добиваться ритмичности погрузки и выгрузки. Для освоения различных объемов перевозок (а к 1985 году они составят 13,5 миллиарда тонн) промышленному транспорту будет поставлено 9300 тепловозов, свыше 16 тысяч думпкаров, около 30 тысяч специальных цистерн.

Ускоренными темпами внедряются непрерывные и специализированные ви-

ды транспорта — конвейерного, пневмо-контейнерного, гидравлического и других, особенно в горнодобывающей и химической промышленности, на предприятиях промышленности стройматериалов.

В Грузинской ССР уже действуют две очереди пневмоконтейнерного трубопровода Шулавери — Марнеули общей протяженностью 42 километра. Проектируется опытно-промышленный углеводородный Белово — Новосибирск длиной 250 километров. Начнет он действовать в этом году.

Расширяется производство оборудования для канатно-подвесных дорог, ленточных конвейеров, пневмотранспорта... Госкомитетом СССР по науке и технике разработана комплексная научно-техническая программа по внедрению транспортных систем на новых технологических принципах.

Таковы в общих чертах перспективы развития транспорта в одиннадцатой пятилетке. Надо еще сказать о том, что актуально почти для всех транспортных отраслей — это перевозки в контейнерах и пакетах, одно из главных направлений научно-технического прогресса.

И в заключение — о проблеме, которая волнует всех транспортников. Это несогласованность в действиях разных ведомств. Скажем, придет в речной или морской порт судно с грузом, а железнодорожники вагоны еще не подали. Уходит время, а где-то лихорадят предприятия, оставшиеся на «голодном пайке». На стыках ведомств таких случаев еще немало. Возникают конфликты между железнодорожниками и предприятиями. Автомобилистами и речниками...

Но взаимные обиды, естественно, на пользу делу не идут. Несколько лет назад в Ленинграде железнодорожники, автомобилисты, моряки и докеры решили отказаться от взаимных претензий и перейти к практической взаимопомощи. Они организовали соревнование за согласованную работу всех транспортных звеньев. Был создан совет по координации действий транспортников. Что это дало? Прежде всего резкое сокращение простое всех видов техники, четкий ритм в работе смежников.

Инициативу ленинградцев подхватили во многих транспортных узлах — Таллине, Калининграде, Горьком, Ильичевске... В Таллине, например, докеры и железнодорожники всего лишь за год работы по новому методу увеличили объем переработки грузов почти на тридцать процентов! Интересно, что содружество смежников уже выходит на новый уровень, за рамки чисто производственных дел. Так, в Ильичевске смежники сообща разрабатывают и выполняют комплексный план социально-экономического развития транспортного узла.

Речь о том, что не все проблемы решаются только «вверху» — в министерствах. Госплане (хотя я ни в коей мере не хочу уменьшить ответственность высших хозяйственных и плановых органов). Там, где ленинградскому методу обеспечивают действенный, неформальный поддержку общественные организации, в том числе комсомольские, содружество транспортников становится большой силой.

МЕСТО ЗА РУЛЕМ

Михаил НОМЕРОВСКИЙ,
водитель автобуса первого
автопарка Москвы, бригадир
комсомольско-молодежного
маршрута № 108, кавалер
орденов Трудовой Славы
II и III степеней

Недавно на цехком вызвали молодого водителя автобуса. Особых проступков у него не было, в аварии не попадал. Но вот записей на него в специальном журнале — полстраницы. То график движения сорвет, регулярность рейсовломает, то прежде времени вернется с маршрута из-за поломки машины. Не для «разноса» мы его вызвали — понять хотели, что происходит с молодым рабочим, может, какая помощь нужна. Спрашиваем:

— Почему ты после обеда не смог выехать на линию?

— Двигатель перегрелся.

— А воды долить разве трудно? У тебя же два часа свободного времени было!

И посмеялся над его объяснением хочется, и грустно становится. Разговариваем-то со взрослым вроде бы человеком. А у него проблема — ведро воды налить.

Председатель цехкома Владимир Лутошкин, тоже шофер, не выдерживает:

— Я сам с тобой пару раз ездил. Каскадер ты, а не водитель! Я двумя руками в поручни вцепился, бога молил — живым доехать. И дверь ты всю

дорогу не закрывал. А когда я тебе об этом сказал, что ты мне ответил?

— Так я не знал, кто ты такой.

— А какая разница, кто? Обычному пассажиру, значит, хамить можно?

Пытаемся разобраться, что мешает парню работать normally. Говорит, машина старая, рассыпается вся.

— Но не все же сразу? Не все узлы в один момент отказывают? Ты бы проверял их почше.

Молчит...

Потом обещает, что «больше не будет». Но мы-то видим: он не просто многое не умеет — не хочет уметь. И понять не хочет, какая ответственность легла на него с первым же самостоятельным рейсом. Это только кажется, что водитель автобуса работает в одиночку, индивидуально. На самом деле он незримо, но прочно связан со многими людьми. Его бессмысленная «каскадерская» гонка по маршруту оборачивается в первую очередь нарушением интервалов движения. А расплачиваются за это товарищи по бригаде — на них вместят раздражение заждавшийся автобуса пассажир.

Да и самому шоферу нет резона устраивать автогонки: автобусы быстрой изнашиваются. При таком отношении что ж удивляться, что машина «рассыпается вся»? Технику до плохого состояния доводят обычно сами же водители.

Меня до сих пор изумляет одно обстоятельство. Руль автобуса доверяют только после двадцати лет. К этому времени все ребята уже в армии отслужили. То есть вполне взрослые, зрелые люди должны быть. Зрелые если не в профессиональном, то в человеческом, гражданском отношении. А втолковывать нередко приходится, как видите, элементарные вещи.

Наша профессия стала массовой и легкодоступной. Раньше, рассказывают ветераны, даже водителю первого класса непросто было устроиться работать на автобус. Сейчас в каждой машине — объявление о приеме на работу с третьим классом, наборе учеников. Это и понятно: растут города, растет количество транспорта. Но, с другой стороны, насколько возросли требования к водителю!

Больше мощность и габариты современных машин. Больше человеческих жизней за спиной водителя. Плотнее движение на дорогах. Вряд ли наши старшие коллеги лет двадцать назад испытывали такие нервные перегрузки, такой напряженный ритм работы, как сейчас. Но насколько мы отвечаем этим новым требованиям?

Должен сказать, количество жалоб пассажиров и дорожно-транспортных происшествий практически не уменьшается. А «привозят» их в основном молодые, начинающие водители. Другого и ожидать трудно, если учесть, как плохо готовят водителей в учебном комбинате нашего главка. Сужу не по одному примеру. Элементарных вещей порой не знают выпускники комбината. Спроси: какой тормозной путь у «ЛиАЗ» и «Икаруса»? Молчат. Каковы габариты автобуса? Та же реакция. В правилах движения почти все плавают, дорожные знаки путают.

Мы, конечно, стараемся не выпускать таких водителей на линию. Наставники долго возятся с ними. Но у нас все же не учебное заведение, не можем мы дать каждому нужные знания в полном объеме. Отсюда и жалобы.

Пожалуй, нигде так не важно знание техники, как в нашей работе. Дело не только в том, что на этом знании строят

профессиональное мастерство. Когда чувствуешь мотор, словно собственное сердце — спокоен за пассажиров, за их безопасность. Поэтому никакие недостатки в подготовке водителей не повод для самооправдания. Ну, хорошо, не знаешь, не обучили — возьми в руки справочники, учебники, обратись к наставникам.

Нет таких курсов, где учили бы самостоятельности, самодисциплине, ответственности.

Как-то говорил с одним из молодых водителей, из тех, кто уже об увольнении подумывает. «В объявлении написано, — объясняет он, — что у вас много получают. А у меня больше полутора сотен не выходит». «Да не получают», — говорю ему. — Зарабатывают!»

Нет, вижу, не понимает разницы. Он то думал, достаточно научиться «крутить барабан», а остальное само собой приложится.

Не приложится. Самому приходится овладевать многими качествами. Умению общаться с людьми, например. Продупреждать конфликтные ситуации с пассажирами. Не терять самообладания в сложной дорожной обстановке. Поддерживать жесткую самодисциплину и самоконтроль. Обязательно участвовать в ремонте своей машины. Словом, многое нужно, когда ты отвечаешь за людей. А это требует отдачи как физических, так и душевных сил. С получением водительских прав профессиональная учеба не заканчивается.

Невольно задумываешься: почему так поздно взрослеют молодые, почему в двадцать лет сохраняют такие наивные представления о рабочей жизни? Почему настроены только на материальные блага профессии и не поймут, что их еще надо уметь заработать? А это непросто.

Самое меньшее два-три года нужно, чтобы получился неплохой водитель. Многим такой срок кажется слишком большим, и они увольняются, соблазнившись еще каким-то объявлением, благо недостатка в них нет. А на их место приходят зачастую стол же неспособные нести груз рабочей ответственности новички. И все повторяется сначала...

Слышал, в Свердловске придумали систему отбора шоферов такси. В нем участвуют разные специалисты, в том числе и психологи. Их цель — точно выяснить, насколько человек пригоден к выбранной профессии. Наверное, неплохо бы завести такую систему в каждой отрасли, и в первую очередь на общественном транспорте.

Если наивность, инфантильность молодых вовремя не изжиты, то подобные свойства характера человек «тянет» за собой и в зрелый возраст. Приходится встречаться с и удивительной безответственностью великокровастных отцов семейств. Расспрашиваем на собрании водителя:

— Почему вы пятнадцатого не вышли на работу?

— Жена заболела, не мог оставить.

— А две недели назад?

— Не допустили к работе.

— «Дунул», что ли?

— Ну да...

«Дунул» — это значит трубка, в которую он утром дышал, показала наличие алкоголя. Разговор получается совершенно детский. Существуют азы профессии, которые этот человек до сих пор не усвоил: не подведи товарищей, не пытайся сесть за руль, если не уверен в себе. И вот стоит он перед нами, как провинившийся школьник, и думаем, что с ним делать. А если б случайно прошел медконтроль?

Так что же нам делать? Стоит ведь перед нами не школьник — мужчина лет под сорок. Стыдно нам уже его воспитывать. Стыдно говорить слова об ответственности, о срыве графика. Он-то давно не новичок, водитель со стажем. Хорошо знает машину, знает и то, что требуется от шофера. А вот назвать его сложившимся, зрелым рабочим не могу. Потому что его знания в делах никак не реализуются. В деле он ненадежен.

Водителей, можно сказать, контролируют миллионы людей: непорядки на общественном транспорте видны всем. А непорядков еще хватает. Для пассажира они обрачиваются долгими ожиданиями на остановках, переполненными машинами, испорченным настроением. Тут есть и объективные причины — нехватка людей, машин, но в конечном счете очень многое зависит от водителя. От его профессионализма и чувства ответственности. Я привел простые примеры: одному шоферу не хватило силы воли отставить рюмку накануне рабочего дня, другой забыл долить воду в радиатор. В результате две машины встали на прикол. Сколько стоит таких в автопарках сейчас? Стоит из-за легкомыслия или безответственности шофера.

Так создаются трудности буквально на пустом месте. А ведь есть еще трудности действительные, с которыми шоферу приходится встречаться каждый день. Начну с самого начала — с получения машины.

Мне приходилось получать автобусы на Ликинском автозаводе. Поручи не укреплены, сиденья лежат в салоне навалом... Краска с кузова отлетает в первый же год, потому что красят с грубым нарушением технологии. Кузов протекает... (А кому, кстати, упреки по этому поводу? Все тому же водителю.) Двигатель всего через сорок — пятьдесят тысяч километров начинает дымить. Положенной мощности — 180 сил — он не дает, часто выходит из строя. Так что даже если мы выделим новичку самую новую машину, вряд ли он будет долго радоваться.

Я не знаю, как работают на заводе «АРЕМЗ», ремонтирующем двигатели. Но одна треть моторов, полученных

оттуда, непригодна для эксплуатации. Однажды на один автобус ставили по-очередно семь(!) «отремонтированных» двигателей. Первый стучал, у второго масло пробивало, у третьего поршней не оказалось — и так до седьмого! Вот и представьте, сколько времени простоял шофер на ремонте, сколько на этом средств в трубу вылетело.

В подобных ситуациях легко можно сказать себе — а что от меня зависит? — и махнуть на все рукой. Действительно, того, кто послабее характером, ежедневные неурядицы могут довести чуть ли не до отчаяния. Мне и самому, признаюсь, иногда хотелось бросить все и уйти на другую работу. Но всегда что-то удерживало. Наверное, пример моих старших товарищей. Несмотря ни на какие трудности, у многих шоферов автобусы как новенькие, редко ломаются. Никаких срывов графика и замечаний. Они каждую деталь в машине своими руками перебрали, сменников к тому же приучили. Не считались, что выполняют работу за бракоделов с других предприятий. Да и среди молодых шоферов немало таких, что не уступают ветеранам. Посмотришь на них — и стыдно становится за тех, кто собирается искать работу попроще.

Эталон водителя для меня — Владимир Николаевич Лютиков, Герой Социалистического Труда. До последних дней жизни Лютиков не расставался с автопарком — работал водителем-наставником, учил молодых, тренировал любителей автомоногорбия. Его уроки помогли мне дважды побеждать на Всесоюзных конкурсах водителей автобусов.

Весной состоялся первый московский городской конкурс на приз имени Лютикова. Наша команда победила, и почетный кубок занял свое место в музее автопарка, рядом с бюстом Владимира Николаевича. Ученики не подвели своего учителя.

Не подвели... Вот если бы так всегда! Не только на конкурсах, но и в повседневной жизни показывать такую же организованность, порядок, слаженность. И не лидерам, а всем водителям. Для этого даже не столько высочайшее мастерство требуется, сколько ощущение чувства долга.

Конечно, я понимаю, что мало взыть к рабочей совести, не меняя ничего в организации труда. У нас, например, большинство сложностей создается из-за того, что техническая база обслуживания не соответствует количеству автобусов. Парк был рассчитан на 500 машин, а их сейчас уже около восьмисот. Даже поставить автобус на смотровую канаву проблема.

На этой почве возникали конфликты со слесарями по срокам и качеству ремонта. Правда, не все конфликтовали с ремонтниками. Кое-кто был даже доволен «передышкой», не торопил мастеров. Не случайно же до недавнего времени зону ТО-2 называли «зоной отдыха».

Но вот начали внедрять бригадный подряд у водителей и слесарей. У водителей улучшилась регулярность движения, меньше стало нарушений, лучше состояние техники. А у бригад ремонтников появилась заинтересованность в том, чтобы быстрее и качественнее отремонтировать машину. Но вспомним: бригадный подряд — это же инициатива самих рабочих! Тех рабочих, кто не опускал руки перед трудностями, а искал выход из положения, искал инструмент для наведения порядка на своем рабочем месте.

Теперь требуется и другая инициатива — нужны люди, которые смогли бы продолжить, широко развернуть хорошее дело.

Пока бригадный подряд внедряется медленно. Нам спускают план — насколько увеличить число подрядных бригад. Но никакая директива «сверху» не поможет, если мы сами порой безразличны к беспорядку, если у самого рабочего нет решимости его преодолеть.

НА СТЫКАХ ОБИЛ

Валерий МИКУШИН

Состав, троюча на стыках, вышел на паутину станционных путей. Впереди дышит дымами труб громадина Челябинского металлургического завода.

— Зеленый, — взглянув в окно, сказал машинист.

Помощник привычно продублировал:

— Вижу зеленый.

Значит, поезд пройдет станцию без остановки, прямо на заводские подъездные пути. Торопятся металлурги: пять доменных печей «сыедают» ежесуточно тысячи тонн агломерата, руды, окатышей, кокса, известия... Да мало ли чего надо предприятию, выпускающему ежегодно миллионы тонн чугуна, стали, проката! Завод полностью зависит от магистрали. Случись сбой в ее работе, и перейдут на тихий ход доменных печи, встанут конвертеры и мартены, затихнут прокатные станы. Транспортный конвейер должен работать безостановочно. На завод — сырье, обратно — металл.

Общее дело делают металлурги и железнодорожники, и, казалось бы, кому-кому, а им-то надо быть добрыми партнерами...

Об этом мы и беседуем с начальником смены заводского управления железнодорожного транспорта Г. Сопельцевым.

— Конечно, надо нам быть в полном согласии. — И тут же, тяжело вздохнув, начальник смены рассказывает: — Обработав и разгрузив составы, мы выставляем их на «Металлургическую» — эта станция является воротами завода — и затем часами ждем, пока к ним подадут локомотивы. Дождемся до того, что забиваем готовыми к отправлению поездами не только все пути станции примыкания, но и линии шестнадцати заводских станций. В очень неловком положении мы оказываемся: ведь как строго спрашиваем с цехов за несвоевременную разгрузку, снимаем для работы с вагонами специалистов основного производства, а потом эти самые составы стоят без движения. Выигранные при быстрой разгрузке минуты с лизгой перекрываются часами вынужденных простое, штрафами. Причем помочь от наших смежников — вагонистов и диспетчеров дороги — практически никакой. Звонишь им, объясняешь обстановку, просишь дать быстрее локомотивы, а тебе в ответ буркнут что-нибудь невразумительное и положат трубку. Глядя на них, и машинисты выводной колонны Челябинского локомотивного депо не спешат убирать наши составы. Трудно в такой обстановке работать. Раньше, замечу, мы как-то находили с магистралью взаимоприемлемые решения, сегодня нас и слушать не хотят. В лучшем случае пояснят кратко: обстановка — сложная на дороге, не давас.

Не сразу такое укладывается в голове: общее дело и — «не давас». Общие дела подобным образом не делаю, соглашайтесь. И к товарищам по

работе так относиться тоже не принято. Ведь нетрудно догадаться, к каким результатам это отношение приведет.

А ведь еще не столь давно, когда речь заходила о сокращении простое вагонов на промышленных предприятиях, в числе лучших непременно назывался и Челябинский металлургический. Завод был тут, что называется, на коне: простой вагонов ежегодно сокращались, заводское железнодорожное хозяйство развивалось. А главное: реконструировали станцию «Металлургическая» — одну из крупнейших Челябинского отделения Южно-Уральской железной дороги. Свыше тысячи вагонов в сутки проходит на завод и столько же — обратно.

Встретившись на самом высоком уровне, смежники решили полюбовно: одну часть работ делаете вы, другую — мы. Завод выбрал (иначе не скажешь, потому что финансирование обеспечивалось с громадными трудностями) нужные средства и оплатил работы по строительству трех сортировочных парков, сортировочной горки и ряда других объектов. Для окончательного обновления станции осталось сделать полугорку, спрямить профиль пути в парке отправления, довести, как говорится, до ума станционные здания. Согласно первоначальному договору, работы эти — за магистралью. Были за магистралью и... остаются до сих пор. Вот уже пять лет транспортники с завидным упорством отказываются от собственных обещаний. И недавно на запрос металлургов пришел ответ из МПС: работы по «Металлургической» вновь не включены в план.

Ну, а раз не окончена реконструкция — не дают отдачи уже затраченные миллионы. Планами обновления станции предусматривалось сокращение простой вагонов при их обработке и сдаче на час. Фактически же... просто выросли на два с лишним часа. Парадоксально звучит, но условия работы заводчан и транспортников ухудшились. Да-да, ухудшились, несмотря на проделанную уже работу. Получилось так, что поезда идут на завод под «зеленый» беспрепятственно, а обратно выехать не могут из-за нехватки путей.

— Да, просто вагонов из-за затянувшейся реконструкции возросли, — соглашается начальник грузового отдела Челябинского отделения дороги А. С. Новицкий. — И вину за это несем мы, железнодорожники. Честное слово, неудобно даже перед металлургами. Но что сделаешь, если МПС не выделяет средств.

Но, как выясняется, далеко не всем железнодорожникам неудобно. От многих приходилось слышать и такое:

— А может, металлургам закончить реконструкцию за свой счет?

Вот так. Возможно, именно в надежде на это и тянут железнодорожники с реконструкцией? Хотя если не все, то уж часть работ и можно было бы при желании завершить. Знакомая, к сожалению, позиция: а вдруг кто-то вырут, кто-то расщедрится, кто-то организует... А это «вдруг» не наступает и не наступает. А ведь это они, железнодорожники.

дорожники, не выполнили условий договора, они подвели партнеров!

И вот нет между смежниками ни мира, ни согласия. И катится, катится, разрастаясь, ком взаимных обид и претензий. Как остановить его нарастающее движение? Ведь убытки терпят и те и другие.

Не только скомканная реконструкция тормозит работу «Металлургической». Немало у нее и других бед. И первая — отсутствие нормальных условий для работы. До сих пор не налажено водоснабжение стационарных помещений. Все удобства — во дворе. Рабочие после смены вынуждены мыться у колодца, что в полукилометре от станции. Из рук вон плохо работает связь. Доходит до того, что без телефона остаются маневровые диспетчеры.

— Согласитесь, непросто работать в таких условиях.

Не согласиться с начальником «Металлургической» Б. Г. Прищепой действительно невозможно. И продолжение разговора легко угадывается: «Вот и не идет к нам молодежь». Не идет, естественно.

Одна из бед станции — отсутствие пневмопочты.

Представьте себе стоящие на путях десятки составов, каждый более чем полукилометровой длины. Номер каждого вагона вносится в определенные ведомости. И потом с этими бумагами работницы станции бегут за километр в товарную контору. Именно бегут, потому что документацию надо оформлять быстро: поезда ждать не могут. В любую погоду. Кому понравится такая работа? А рядом тянутся трубопроводы пневмопочты, которая не пущена из-за нехватки ряда узлов.

А знаете, кто должен был поставить эти узлы? Металлургический завод...

Катится, катится разделивший смежников ком обид!

На заводе, когда я заговорил о бездействующей пневмопочте, услышал в ответ:

— Что им там нужно? Цементирующие кольца? Отводы большого радиуса? Монтаж воздуходувки? Да это для нас мелочи! Сделаем. Что им еще надо?

Можно было подумать, что металлурги не знали раньше о необходимости комплектации оборудования для пневмопочты. Знали, конечно, только действовали по принципу: раз, дескать, вы нам не делаете — так и от нас ничего не получите.

К слову сказать, холодно в помещениях станции тоже по вине заводчан: температура пара и горячей воды значительно ниже, чем предусмотрено. Обращались железнодорожники на заводскую ТЭЦ — безрезультатно. Энергетики с подножкой шутят: работать, мол, надо, тогда не замерзнете! А работникам станции зимой не до шуток. Сидят в кабинетах, накинув на плечи пальто, ватники, укутавшись в платки. И недобро глядят в сторону завода: обиды на металлургов копят. Иной раз можно пойти навстречу заводчанам, помочь им привинуть соединения, выручить порожняком. Но припомните старое, сошлютесь на какую-нибудь инструкцию (благо у железнодорожников их более чем достаточно) — и откажут в помощи: не положено. Как хотите, так и выкручивайтесь.

Раскатился злополучный ком несогласия и неприязни так, что увлеченые им заводчане и транспортники не могут задержать его движения, даже когда вроде бы и хотят этого...

Как-то, стремясь увязать воедино интересы металлургов и железнодорожников, их полномочные представители договорились о введении единой нормы простоя вагонов для

станции «Металлургическая» и завода. Выгода новшества была очевидной: смежники будут напрямую заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее обработать и пропустить поезд. Но...

Начались споры: кому записывать простой? Тянутся они и тянутся. И ни одна сторона не уступает, ссылаясь на различные правила, инструкции, циркуляры. Ждут, чтобы соперникступил.

Да, уже не о партнерстве тут речь, а о соперничестве. А просто между тем неуклонно растут. Не проще и полезнее ли для общего дела, государственного дела сообща бороться за их сокращение? Нет, во взаимной неуступчивости смешились цели: вместо борьбы с простыми борьба за то, чтобы спихнуть их на счет партнера. Такова логика противостояния.

Признаюсь, очень рассчитывал я, что молодые работники завода и магистраль не заражены общим настроением, не тают друг на друга обид. Ведь поводов для постоянных деловых контактов у них достаточно. Огрехов в работе много, и совместные рейды, проверки, хорошо скоординированные мероприятия могли бы принести немалую пользу. Дел невпроворот. Но вот что я услышал в комитетах комсомола завода и станции.

Александр Казанин, секретарь комитета комсомола Челябинского металлургического завода:

— Комсомольцы нашего завода проводили как-то — правда, давненько уже — рейд по проверке качества поступающих вагонов. Но, кажется, особенного эффекта это не дало... Контакты с комсомольцами станции «Металлургическая» и Челябинского отделения дороги? Нет у нас их. Никаких. А зачем это? У нас свои проблемы. У железнодорожников — свои.

Галина Подольская, секретарь комсомольской организации станции «Металлургическая»:

— Условия работы у нас на станции тяжелые. А тут еще металлурги постоянно палки в колеса ставят. С нас требуют увеличения количества порожняка, который передается по регулировке на соседние магистрали. А завод держит вагоны под разгрузкой в несколько раз больше, чем положено. То и дело у них что-то ломается — или вагоноопрокидыватели, или ремонтная машина, или локомотив, или вагон с рельсов сойдет... Никаких контактов с заводским комсомолом мы не поддерживаем. Даже не встречались ни разу. Что у нас общего? Наше дело — транспорт, их — вагонный сталь...

Вот и производственный и нравственный вывод!

Казалось бы, давно уже ясно всем: в условиях сложнейшего современного производства, когда от одного предприятия тянутся связывающие нити к десяткам других, беды и промахи одного неминуемо сказываются на ходе у партнеров.

Вот появился у Челябинского металлургического еще один поставщик сырья — Костромской горно-обогатительный комбинат. Слов нет, хорошие окатыши идут в Челябинск из Карелии. Но почему-то на комбинате не предусмотрели пункта подготовки вагонов. В результате на завод они поступают неисправные: у многих вагонов не открываются или не закрываются разгрузочные люки. Что делать, не отправлять же окатыши обратно!

Посылают эти агломераты на вагоноопрокидыватель, что категорически запрещено. Ну, а после такой разгрузки вагоны приходят в еще большую негодность. Вот и получается: утром на оперативках в цехах говорят о необходимости бережного отношения к подвижному составу, в обед сознательно ломают его, а к вечеру сетуют на нехватку вагонов...

По дорожному хозяйству завода, и без того пребывающему постоянно в лихорадочном состоянии, новая напасть ударила весьма сильно. Будь у завода иные отношения с магистралью, возможно, железнодорожники и могли бы в чем-то помочь заводу. Но, как честно говорит Галина Подольская, не знают на «Металлургической», что там планируют заводчане для улучшения работы своего транспортно-складского хозяйства. Не знают, что особенно мешает им работать в нужном ритме. Знают только, как мы помним, что «вечно у металлургов что-то ломается».

Есть такие цифры: только за пять месяцев этого года металлурги с «помощью» железнодорожников, выразившейся в отсутствии всякой помощи, задержали сверх нормы свыше десяти тысяч вагонов. Этих вагонов недосчитались на многих предприятиях Урала, где попросту не во что было отгрузить уже изготовленную продукцию.

Завод и магистраль утонули во взаимных обидах, а у других предприятий из-за этого ломается нормальный ритм работы.

Начальник Челябинского отделения дороги И. П. Воробьев:

— В прошлом году за задержку вагонов под погрузочно-разгрузочными операциями Челябинский металлургический завод оштрафован более чем на 600 тысяч рублей. Нынче положение не улучшается. Хуже стали работать металлурги, значительно хуже. Намеченные мероприятия не выполняются, повреждаемость вагонов растет, а ремонтировать их завод не хочет. Трудно с металлургами работать...

Директор металлургического завода О. И. Тищенко:

— Дорога подводит нас все чаще и чаще. От нее зависит четкая и ритмичная работа завода, транспортники же не помогают нам, а предпочитают оставаться в роли посторонних наблюдателей, лишь фиксируя улучшения предприятия...

Споры между заводом и дорогой все продолжаются.

Что же привело к создавшемуся положению? Взаимная неуступчивость, нежелание понять партнера, вникнуть в его проблемы. Привычка прикрываться его недоработками, когда речь заходит о собственных промахах.

Спросишь у металлургов, почему они не поставляют обещанное оборудование для пневмопочты, а они в ответ: «Железнодорожники не строят сортировочную полугорку». Пристыдились работников локомотивного депо за то, что не в срок подаются электровозы, а они заведут разговор о сломавшемся на заводе вагоноопрокидывателе...

А ведь речь идет об отношении к народному добру.

И словно не слышали в Челябинске о почине передовых предприятий Москвы и столичного железнодорожного узла, заключивших между собой договоры, в которых четко сформулированы взаимные обязательства. Не знают, какое громадное количество вагонов вовлечено дополнительно в оборот благодаря такому сотрудничеству. Что во многом благодаря ему столичные железнодорожники перешли на вождение тяжеловесных составов. И уже многие промышленные предприятия страны, имеющие подъездные пути, заключили с транспортниками договоры на ремонт вагонов.

Пора бы уже челябинским металлургам и железнодорожникам превратиться из бывших партнеров в добрых соседей. Пора остановить набравший слишком сильный ход ком взаимных обид. И самой надежной преградой на его пути могут и должны стать взаимовыручка, уважение к работе смежника, ясное понимание, что заняты и те и другие одним делом.

СИБИРЬ НА ВАЛУ

Михаил ФИЛАТОВ,
старший инженер-капитан
Министерства
речного флота РСФСР

После поездки по Сибири знаменитый путешественник и исследователь Фрицофф Нансен на титульном листе книги «В страну будущего» изобразил человека за штурвалом на фоне лучей восходящего солнца. Люди за штурвалами — работники речного флота — решают сейчас основные транспортные проблемы в восточных регионах страны.

Посмотрите на карту известных ударных комсомольских строек: Самотлор, Уренгой, Норильск, Саяно-Шушенская ГЭС... Многие стройки расположены на могучих сибирских реках — Оби, Енисее, Кольме, Амуре, на их притоках.

Реки — это не только романтика. Это прежде всего экономика. Широкое освоение Сибири поставило большие задачи и перед речниками. За одиннадцатую пятилетку перевозки в восточных бассейнах должны быть доведены до 152—160 миллионов тонн грузов в год. Для районов нефтегазовой добычи намечается увеличить перевозки грузов с 16,4 до 22 миллионов тонн — примерно на тридцать процентов.

Эти цифры я привел, чтобы показать, какая ответственность ложится на речников за организацию эффективной эксплуатации судов и безаварийное плавание.

Мне хорошо знаком характер многих сибирских рек. Коварная Паясина, необыкновенно мощный Енисей, внешне ленивая и спокойная, но часто обманчивая Обь... Ни одна из рек не гарантирует судоводителю безмажтного плавания, легкой прогулки. Наоборот, водить суда стало значительно труднее. Трудность не в одних капризах природы. Увеличилось количество судов, их мощность и грузоподъемность, «включились в работу» недавно освоенные, сложные по путевым условиям реки, появились суда, способные выходить в море.

Анализируя опыт последних навигаций, я убедился, что более половины ошибок и нарушений в сложных ситуациях допускают речники со стажем работы до двух лет. То есть выпускники училищ, техникумов. Малый стаж не единственная из причин. Бывает и так, что молодого курсанта, проходившего практику, допустили, на Оке, по распределению направили на Енисей. Но ведь условия на этих реках несравнимы! Капитаны ночной недосыпают, опекая новичков...

В наше время на речном флоте появились, по сути дела, новые специальности. Раньше проще было. Скажем, рулевой стоял за штурвалом, моторист занимался двигателями. Теперь появилась профессия рулевого-моториста. Совмещение профессий у нас вело широкую и затронуло многих работников флота. Почти на всех судах, кроме крупных пассажирских,

ИРСКИЕ ИТАЛИИ

каждый человек несет практически двойную ответственность. Об этом говорят даже сами названия новых должностей: рулевой-моторист, штурман-помощник, механика, капитан-механик. Такая мера ответственности требует и особых качеств от человека — он должен больше знать, больше уметь. Подготовить настоящего судоводителя при все возрастающих требованиях к его мастерству — тоже немалая проблема.

Очевидно, самый верный путь подготовки опытных речников — прямые связи училищ и экипажей судов. Так, несколько лет дружат экипаж грузового теплохода «Тюменский-6» и курсанты тюменского ГПТУ-14. Ребята проходят практику на этом теплоходе, а потом направляются сюда же на постоянную работу. И, что очень важно, возвращаются в свой экипаж после службы в армии. Поэтому не случайно комсомольско-молодежный коллектив судна носит звание «Экипаж коммунистического труда». План перевозок для нефте- и газодобывающей Тюмени перевыполняется, судно всегда в отличном состоянии. Все командиры теплохода прошли курс обучения и получили удостоверение крановщиков. Такая взаимозаменяемость позволила работать быстро и производительно, до минимума сократить стоянку под разгрузкой в северных поселках. Экипаж намерен пятилетний план выполнить за четыре года.

Ясно, что на качество судовождения огромное влияние оказывают путевые условия бассейна. К примеру, участок от Красноярска до Стрелки больше чем наполовину состоит из различных препятствий — это перекаты, шиверы, пороги. Естественно, на таких участках судоводитель чувствует себя неуютно. И случаются еще удары о подводные препятствия, посадки на грунт. Материальные убытки от этих происшествий достаточно велики.

Но путевые условия подавлены волею человека, и их можно в значительной степени изменить. Это и делается во всех бассейнах, правда, не одинаково эффективно. Можно сравнить та-

кие цифры. В Камском бассейне насыщенность путей освещенными навигационными знаками вдвое выше, чем в Ленском. А среднее количество транспортных происшествий втройне ниже. Как видите, зависимость прямая. И вообще в Сибири обеспеченность плавзнаками на один километр пути в два раза хуже, чем в Центре. Этим и объясняются ошибки молодых судоводителей. Винить одних путейцев, занятых обслуживанием водных трасс, было бы несправедливо. Современных речных знаков ощущимо не хватает. Те же, что есть, путейцы не успевают поддерживать в идеальном состоянии — флот их маломощен, тихоходен и своевременно не обновляется. Дело в том, что средств на такие цели Минречфлоту выделяется мало, это и создает дополнительные трудности. Освоение Севера и Сибири требует разработки специальной программы судоходства, комплексного обустройства и улучшения речных дорог.

Конечно, никакие объективные обстоятельства не снимают с речника личной ответственности. С этой точки зрения имеют важнейшее значение правильный подбор и воспитание кадров. Однако в кадрах-то мы и испытываем острый дефицит. Учитывая разнущее значение речного флота в Сибири, я вижу здесь широкое поле деятельности и для комсомольских организаций крупных портовых городов — таких, как Тюмень, Красноярск, Омск, Новосибирск...

Речной флот становится таким же важным, ударным объектом, как широко известные стройки Сибири. Надо бы и в речные училища, как на важнейшее дело, направлять молодежь по комсомольским путевкам, отбирая предварительно самых дисциплинированных, толковых, влюбленных в свою реку и в свой край парней — завтраших сибирских речников. Впереди их ждут новые навигации, новые рейсы — трудные и неповторимые плавания по своим равнинным северным рекам. Ждет дело, требующее настоящего мужского характера, твердой воли и большой ответственности.

Транспорт — важнейшая отрасль народного хозяйства, без четкой работы которого невозможно развитие всей экономики. Транспорт серьезно облегчает или, наоборот, затрудняет жизнь каждого из нас. И потому в разговоре о транспорте вряд ли возможны равнодушные. Подборка сегодняшних материалов о молодежи на транспорте, разумеется, не исчерпывает всех проблем, связанных с его работой. Мы рассчитываем продолжить разговор с вашей помощью, дорогие читатели. Выскажите свое мнение о затронутых вопросах, поделитесь личными наблюдениями, соображениями о том, как можно усовершенствовать работу транспорта.

ЖДЕМ
ВАШИХ
ОТКЛИКОВ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛITERATURNO-HUDOZHESTVENNYIY
I OSHCHESTVENNO-POLITICHESKIY
JURNAL CENTRAL'NOGO KOMITETA VLKSM

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 3 (1361) ФЕВРАЛЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
«Мы строим БАМ».

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

1 МОЛОДЕЖЬ НА ТРАНСПОРТЕ:
ЧЕТКОСТЬ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ,
ЧУВСТВО ХОЗЯИНА.

6 ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ:
«КАК ЖИТЬ ДОСТОЙНО? СОГЛАСНО ИДЕЕ
ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?»
Ирина ОВЧИННИКОВА.
«НЕ РЯДИСЬ В НЕУДАЧНИКА».

8 Рассказ Елены ЗЫКОВОЙ
«СЕРЕБРЯНАЯ ПУЛЯ».

12 Владимир ВАСИН,
олимпийский чемпион.
«ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ УСТАЛОСТИ».

14 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.
«МОСКВА, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, 14».

16 ОТЕЧЕСТВО.
«В ЛАДОНИХ ВУЛКАНОВ».
Фotoочерк Олега ДЗЮБЫ и Игоря ВАЙНШТЕЙНА.

18 Стихи Дмитрия ФИЛИМОНОВА.

22 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».

24 Юлиан СЕМЕНОВ, Александр ГОРБОВСКИЙ.
«РАЗОБЛАЧЕНИЕ».

28 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

29 Повесть Олега ШМЕЛЕВА
«СКАТЕРТЬ НА ТРАВЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрушов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1984 г.

Ирина ОВЧИННИКОВА

еловеку двадцать три года. Человек не работает, не учится — лежит с утра до вечера на диване и читает. А то и не читает — просто смотрит в окно. «Ничего не делаю, ничего не хочу, не мечтаю, не желаю» — строчка из его (точнее, ее) исповедального письма. Что это — вариации на темы Обломова? А может быть, болезнь, требующая вовсе не журналистского, а медицинского вмешательства?

Болезнь, судя по письму девушки, такова, что позволяет передвигаться и, значит, что-то со своей собственной жизнью делать. А человек, повторяю, лежит. Почему же? А потому, что ждет кого-то сильного, кто придет, возьмет за руку, сташт с дивана, поведет куда-то.

У девушки не приняли документы в московское медицинское училище: требовалась постоянная прописка. Эта неудача оказалась столь неожиданной, что никакие другие попытки осуществить мечту о медицинском образовании предприняты не были. Хотя можно было, очевидно, предложить любой больнице свои услуги в качестве санитарки, получить в конце концов прописку по лимиту и, следовательно, поступить в медицинское училище, а потом, возможно, и в институт.

Но всюду, куда девушка приходила с вопросом, что же ей делать, советовали ехать домой, учиться и работать. Совет казался оскорбительным, и странная жизнь без сколько-нибудь ясного будущего продолжалась. (Я столь подробно пересказываю письмо Любы Т. из статьи «Диван в чужой квартире» (№ 17, 1983 г.) потому, что оно вызвало самое большое количество откликов в нашей читательской почте за последние месяцы.)

Итак, девушка окончила каким-то образом техникум бухгалтерского учета (удалось скрыть отсутствие прописки), устроилась по специальности. Тоска. Кругом скучные, озабоченные своими делами женщины, бухгалтерское дело ненавистно (что вполне понятно, если человек стремился в медицину). Уволилась, и вот снова диван в тетиной квартире, неопределенное существование и раздражение, граничащее с озлобленностью на вся и на всех, равнодушных к ее неудавшейся судьбе.

Такая вот грустная история. Судить о ней издалека, из благополучного далека, добавлю, разумеется, и трудно и рискованно. Человек всегда сложнее того, что он сам о себе рассказывает. К тому же мало кто способен отразить в своем сознании собственную жизнь вполне беспощадно. Чуть-чуть, а играем мы с самими собой, чуть-чуть, а искажаем свой облик, стремясь вроде бы раскрыться другому до донышка. Эпистолярный жанр в этом смысле — штука особенно лукавая.

И все же, все же... Откуда она берется (особенно часто именно в молодых людях), эта странная убежденность в том, что, во-первых, все тебе полагается с самого начала жизни самого что ни на есть первого сорта, а, во-вторых, этот первый сорт должен достаться как бы сам собой, по щучьему велению, чтобы ни труда, ни упорства, ни преодоления — ничего не требовалось на пути к заветной цели.

Идея блудечка с голубой каемочкой, на котором тебе преподносится твое будущее в нарядной упаковке, конечно, не нова. Я не случайно вспомнила про щуку, которая все устроила Иванушке-

дурочку, как говорится, в лучшем виде. Потому что не случайно сказки всех времен и народов изобилуют такого рода щуками. Джинн ли это, снабдивший Алладина волшебной лампой или сообщивший Али-Бабе таинственное слово «сезам», старик ли Хоттабыч, с чьей помощью ленивый мальчик стал получать свои пятерки, да и прочие чудеса — суть не что иное, как выражение человеческой мечты о том, чтобы кто-то всемогущий пришел и осчастлишил.

Но задумаемся: можно ли всю жизнь подчинять несбыточной мечте? Это, во-первых. А во-вторых, мы не знаем ничего о том, хорошо ли жилось тем, кто поселился во дворцах, возведенных по мановению волшебной палочки. Сказки в этом месте всегда и кончаются: стали жить-поживать... А как жить, как поживать? Не соскучились ли оттого, что и желать уже нечего?

Это, конечно, так, к слову. А серьезно вот что.

Жизнь наших детей складывается подчас так гладко, до такой уж степени никаких усилий не надо им прилагать, чтобы все свершалось одно за другим, как бы само собой: детский сад, школа средняя, высшая (стоит только всерьез

ряю, самокритична. Она корит себя и за то, что учится неважно, и за то, что бегом перестала заниматься, хотя ей это было бы очень полезно, и многое другое начинала, да бросала, не доводила до конца. Но все-таки она оглядывается вокруг себя, ищет того, кто бы устроил ее жизнь, чтобы было, как в сказке. Она не понимает, что никто не сочинит эту сказку, кроме нее же самой. Кстати, и пример есть в ее письме весьма выразительный. Когда только пришла в училище, организовала вечер поэзии. Чувствуется по всему, это было значительное событие и в ее собственной жизни и в жизни подруг. Но кто же мешал его повторить? Почему большинство ничего не было?

Тут в самый раз и о цели в жизни поговорить. Скажем, хорошая семья — разве не цель? Еще какая! Может быть, в природе не существует целей, достижение которых требует такой же огромной душевой работы, как эта. Но ведь никто другой, кроме тебя самого, даже самые близкие родственники, эту работу не произведет. Тут уж действительно ни на какое чудо рассчитывать не приходится.

Недовольство собой в молодую пору,

Еще я знаю инженера из подмосковного города Электросталь, который вот уже скоро пятнадцать лет все свое свободное время посвящает глухим детям. Ездит с ними на экскурсии, ремонтирует необходимую им аппаратуру. Не сообщаю его имени в печати только потому, что знаю: такая огласка будет ему неприятна.

Знаю молодую женщину, очень красивую. Сразу после школы она пошла работать в суд секретарем, потому что мечтала о юридическом институте. И там, в суде, во время очень сложного процесса полюбила одного из подсудимых, совершившего тяжкое преступление. Вернее, прониклась такой мерой жалости и сочувствия, что не заметила, как и то и другое переросло в любовь. Девушка вышла за него замуж и решила ждать. И ждет — уже три года. Осталось шесть. Она видит своего любимого два раза в год. Им осталось двенадцать свиданий. И я думаю, что человек выйдет из немыслимого испытания, которому сам себя подверг, преображенными тем удивительным чувством, какое выпало на его долю.

Эту последнюю историю я рассказываю для горьковчанки Влады Пашиано-

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ: «КАК ЖИТЬ? СОГЛАСНО ИДЕЕ ИЛИ СОГЛАСНО ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ?»

захотеть), работа (только руки протяни — положат в них дело), что стоит возникнуть на этом накатанном пути хоть малейшему препятствию, как тут же наступает безысходное уныние, эти самые руки, которых ждут, которые нужны до зарезу, бессильно опускаются.

Оле Шабаловой девятнадцать лет. То самое, чего не удалось достичь автору предыдущего письма, у нее получилось. Учится в большом областном городе, в фармакологическом училище. И будущая специальность вроде нравится. А на душе похожая мазета. «Когда училась в школе, думала, что потом будет что-то необыкновенно интересное, словно другой жизни ждала».

А жизнь оказалась не «другой» — точно такой же. «То ли группа такая подобралась (одни девочки), то ли еще что-то, а только никому ничего не надо, никто ничего не хочет», — пишет Оля. Несколько человек пытались было расшевелить остальных, да ничего из этого не вышло. Я, например, организовала вечер поэзии, и на том наши культурные мероприятия окончились. Подружки мои говорят только про мальчиков, книга практически не читают, разве что в кино изредка сходим — вот и все.

Вы в своем журнале часто пишете, что нужна цель в жизни. А может, ее ни у кого и нет, этой цели? Может, просто все живут для того только, чтобы была, например, семья хорошая да работа по душе?»

Итак, все та же скуча; никто никуда за руку не тянет, умных людей нет (впрочем, Оля самокритично замечает, что, вполне вероятно, «умным» не о чем было бы с ней говорить). И кажется девочке, что жизнь проходит мимо, что ничего не сбылось из того, о чем грезилось.

Но кто же тут-то виноват? Оля, повтор-

яю, Ей не исполнилось еще и двадцати, но она уверена: ничего хорошего на свет не свет. И любви нет тоже. Ее придумали те, кто сочиняет книги и снимает кинофильмы. А задушевные письма, которые печатаются в газетах и журналах, составляют, уверена Влада, журналисты «в воспитательных целях».

В школе она училась плохо. Почему? «Лень было» — не только не стесняясь, а вроде даже бравируя: «Я человек плохой, даже ужасный», — кокетничает она. И вместе с тем слабые успехи в учении были (и остались, кажется) причиной немалой уязвленности. «Иду по школе, и кажется: все на меня смотрят и все знают, что я двоечница. Меня постоянно преследовало чувство угнетенности, неполноты какой-то». Взять бы себя в руки, переломить, преодолеть ту самую лень, какой, в общем-то, кто не подвержен. Нет, это трудно. Легче обозлиться на тех, у кого все получается, кому все легко дается.

Влада всмотрелась в этих удачливых и пришла к выводу, что все они мерзавцы. И самое тревожное, что в своей ненависти к тем, чья жизнь не трясется на ухабах, а течет благополучно, Влада не одиноска. Этим же чувством пронизано письмо не называвшей себя шестнадцатилетней девочки из Магадана. Что-то в ее жизни, конечно, не ладится (окончив, судя по всему, восемь классов, она почему-то нигде дальше не учится, не работает), но повод ли это впадать в панику из-за того, что другие как ни в чем не бывало ходят, улыбаются, говорят друг с другом? Да к тому же осмеливаются давать советы, сочувствовать.

Есть и еще один общий мотив в письмах двух молоденьких человеконенавистниц: обе они не верят в то, что на свете существуют сильные чувства, что когда-нибудь и в их жизни появится Он,

один из тех, о ком пишут в книгах. Нет, девочки убедили себя: надеяться не на что. Повсюду им мерещатся негодяи, и надо только как-нибудь дотянуть до конца дней, а там, как пишет Влада, «чай».

Можно, конечно, попросту отмахнуться от всех этих «страданий». Можно высокомерно усмехнуться: «Дескать, жареный петух тебя, девочка, не клявал». Но девочке от этого легче не станет. Девочке сейчас больше всего на свете нужна встреча. И еще ей необходимо понять: принца она встретит такого, какого достойна, какому равновелика сама.

Вы чувствуете, мой юный читатель, про что я говорю? Как маленький ребенок вдруг говорит: «Я сам!» — и хватает в руки вилку, пытается зашнуровать ботинки, так и молодому человеку на пороге взрослости настал миг сказать: «Я сам!» — и в самом себе поискать точку опоры, не определив которую невозможно перевернуть мир, в том числе и свой собственный.

«Напишите мне что-нибудь», — просит Влада, — напишите». И вот я стараюсь написать ей и другим таким же, как она, кто заблудился на пути к самому себе. Но о чём же? И как написать, чтобы не оттолкнуть, чтобы не оказаться в позе всезнающего моралиста, почтенного к тому же возраста, когда все эти молодые мучения давно позади и потому кажутся никчемными. Нет, они могут быть как раз очень полезными, если, перемучившись, переосмыслив многое, человек станет, наконец, строже к себе

дорог ей, позволил себе в трамвае нагрубить старику. И Злата, стоявшая рядом, дала ему, этому своему «другу», пощечину.

Я не убеждена, что это лучший способ проявить свое неравнодушие, свою готовность защищать слабых, но все-таки — способ. Способ действия, способ поведения, ничем, конечно, не похожий на тот, при котором человек просто жалеет и оплакивает себя, любимого, погибающего среди людского безразличия. Ярость, подчас охватывающая Злату, конечно, отличается от той тихой ненависти, что душит, но не находит выхода.

Куда как просто считать, что утверждение «Человек — хозяин своей судьбы» — красивые слова, не более. Сложнее поверить в их истинность. Потому что тот, кто поверил, уже не может лежать на диване — он должен как-то поступать. Как именно? Может быть, кому-то сослужит добрую службу изречение, которое попалось мне в одном древнем трактате: «Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы самого себя, то именно этот другой — величайший победитель в битве».

Вот он, пожалуй, ключ. И как хотелось бы вручить его Вадиму С., адресом которого на пять ближайших лет стал Красноярский край. Впрочем, мне кажется, Вадим и сам ближе других подошел к потайному месту, где этот ключ лежит, — знаете, как в детской игре «холодно — горячо». Да ведь в том еще дело, что принять такой ключ из чужих

крайней мере десяток судеб — не из дальнего, из близкого окружения, — судеб, которые тоже могли бы лечь в основу повести или романа.

Меня воспитала удивительная женщина. Будучи четырнадцатилетней девочкой, она неловко соскочила с трапеции в гимнастическом зале. Тяжелое костное заболевание. Годы лежания то в одной, то в другой клинике, включая Ленинградскую военно-медицинскую академию. Вот так, лежа, споря в жесточайшем жару, окончил человек вначале школу, потом один за другим два института — педагогический и медицинский. Стал не просто врачом, а врачом участковым. И значит, десятки вызовов в день: с этажа на этаж, с этажа на этаж. Вначале с тяжелейшим аппаратом на ноге, потом в ортопедической обуви, потом на протезе.

Она умерла недавно от общего заграждения крови, случившегося после того, как в приемном покое Московской первой городской больницы, где она проработала около сорока лет, ее ранил пьяный негодяй. Тому, кто слышал речи, произносившиеся над ее гробом, никогда бы не пришло в голову, что говорились они о человеке, который мог бы быть инвалидом первой группы, мог бы большую часть жизни неподвижно пролежать в постели, вместо того, чтобы самоотверженно лечить других, бросаясь (в полном смысле слова) на первый зов о помощи.

Несколько лет назад журналистская судьба свела меня с молодым учителем физики. Красивый, рослый, незаурядно одаренный, этот человек внезапно ослеп. Он был прекрасным студентом Новосибирского университета, блестящим, подающим немалые надежды сотрудником Института ядерной физики, и в результате несчастья у него были все основания стать инвалидом. Он им не стал, а стал обыкновенным учителем, о котором буквально два года спустя после начала работы в школе заговорил весь город. Сейчас он заведует отделом технических средств обучения в научно-исследовательском институте и пожаловалась на то, что жизнь его не состоялась, никак не может.

Недавно мне рассказали о мальчике, который оглох вскоре после рождения. Титанический труд родителей, занимавшихся с ним по особой системе, плюс собственная его незаурядная воля поставили этого мальчика не только в один ряд с нормально слышащими сверстниками, но и позволили обойти их по многим позициям. Выдержав конкурс, он поступил после окончания школы (обычной, массовой) в художественное училище и живет полноценной жизнью, о какой, вероятно, и мечтают (ничего, правда, не делая для того, чтобы эта мечта осуществилась) многие из тех, кто в простирации ожидает, когда в их судьбах что-то само собой повернется к лучшему.

Боюсь, как бы не поняли меня так, будто я призываю к тому, чтобы спасение утопающих предоставить самим утопающим. Вот уж нет! В одном недавнем читательском письме на меня произвела огромное впечатление горькая укоризна: «Как мало мы делаем для тех, кто ошибается». И правда ведь — мало. У кого из нас не случалось в жизни момента, часа, когда так нужны были помочь, поддержка. Делом, а то и просто словом. От тягостных разочарований, от бессмыслиц блужданий по лабиринтам собственной души могут спасти и совет доброжелательного, умудренного жизненным опытом старшего друга и плечо сверстника. Только непростительной приглашенностью нравственного чувства у людей, оказавшихся рядом, можно объяснить то состояние одиночества, в котором оказалась, например, девушка, долгое время не находившая в себе сил подняться с дивана.

Читатель, очевидно, заметил: я заго-

ворила об этой девушке и об этой судьбе в прошедшем времени. Не вследствие пренебрежения стилистическими тонкостями. Пока писалась и готовилась к печати эта статья, девушка перестала быть анонимом. Она пришла в редакцию «Смены» и встретила здесь людей, изъявивших готовность принять самое деятельное участие в ее судьбе. Нельзя пока еще объяснять, что дело сделано, но тот самый путь, какой предлагался автору анонимного письма (пойти в любую московскую больницу и поработать санитаркой), вероятно, и окажется для Любы Т. способом приблизиться к осуществлению мечты, верность которой дает все основания надеяться: Люба своего добьется.

Остается лишь пожалеть о том, что за другими дверьми (а стучалась она действительно во многие) не нашлось никого, кто подсказал бы ей и помог сделать этот не столь уж сложный шаг. А ведь прежде чем «улечься на диван», Люба обходила один за другим немало кабинетов. Вполне допускаю, что хозяева этих кабинетов люди не злые. Возможно, они просто не могли додуматься, как облегчить Любину участь без того, чтобы нарушить действующие правила и установления. Но подобрить ее, снять при ней же телефонную трубку, чтобы посоветоваться с кем-то толковым о том, как придать нормальное течение нездавшейся человеческой судьбе, каждого из них, безусловно, следовало.

«Спасайтесь от позора не страдать», — сказал поэт. Речь, разумеется, о том состоянии духовного довольства, при котором чужая беда вообще не ощущается, не тревожит. Вот почему, ни в коем случае не снимая с так называемых неудачников ответственности за их собственные поступки, просчеты и усилия, хотелось бы привлечь к ним внимание тех, от кого подчас очень многое зависит, кто не только может, но попросту обязан остановиться, прислушаться, вникнуть и что-то — непременно! — предпринять.

Между прочим, все письма, ставшие предметом моих рассуждений, — отклики на статью с весьма выразительным названием «Спеши на помощь» («Смена» № 7, 1983 г.). И вот я думаю: как же все-таки странно, что ни в одном из этих писем нет слова о комитетах комсомола (школьном, училищном, районном, городском), словно вообще нет дверей с надписью «Комитет ВЛКСМ», дверей, поступивших в которые уж точно можно рассчитывать и на сочувствие и на содействие. Полагаю, что этот факт должен нас тоже обеспокоить.

Стечье обстоятельств — и так ведь можно расценить незадачи, приключившиеся в жизни авторов писем. И добавить: неблагоприятных обстоятельств. И успокоить собственную совесть — у большинства-то в конце концов все в порядке: люди учатся, работают, женятся, выходят замуж, растят детей.

Но тем, кто остался в меньшинстве, от этого не легче. Не стоит ссылаться на большие числа. Счет человеческим жизням идет на единицы — это давно и не нами замечено. Грустно, что мы подчас усваиваем эту истину лишь тогда, когда сталкиваемся с ней на собственном опыте. Мне плохо, у меня не получается — бессмысленно уговаривать меня, убеждать, дескать, другим-то хорошо.

Оглянитесь вокруг (повнимательнее, пожалуйста!), прислушайтесь. Вдруг где-то совсем рядом, по соседству, вот так же бьется в силах «неблагоприятных обстоятельств» одинокая душа. Надо помочь ей из этих силок выпутаться. «Спасайтесь от позора не страдать». «Не сострадать» — позволю я себе добавить, рискуя нарушить звонкий ритм поэтической строки во имя того, чтобы ввести в норму, выровнять ритм пусть даже одной единственной человеческой жизни.

АЧОРОЖКА

и терпимее к другим. В один прекрасный день, когда вдруг почувствуюшь, что готов, созрел судить себя беспощаднее, чем соседа, сослуживца, товарища, можешь сказать себе: я — человек.

Снова и снова перебираю, перечитываю «молодые» письма. И думаю: есть все основания надеяться, что так в конце концов и будет. Может быть, потому, что попалось среди них письмо **Златы Костишиной из Одессы?**

Злате семнадцать. Она десятиклассница. Но чем удивительно ее письмо? Не о себе в нем тревога, не о своих неурядицах печаль. Все оно пронизано беспокойством о той волне равнодушия, которая, ей кажется, захлестывает и ее самое. По крайней мере захлестывала. Двое дерутся — десять стоят, наблюдают, как их же товарища избивают в кровь. Однокласснику угрожает колония — никто не сказал о нем доброго слова. «Но он же рос вместе с нами, жил среди нас столько лет», — с горечью пишет девушка.

Злату «утешают»: все, дескать, такие, не расстраивайся. А она не утешается. И прекрасно! Лев Толстой предупреждал, что один из самых обычных соблазнов, ведущих к самым большим бедствиям, есть соблазн словами: «Все так делают». Не знаю, известно ли Злате это толстовское предупреждение, но, кажется мне, соблазн успокоить свою совесть таким вот способом она избежала.

Ей удалось — она в этом уверена — победить собственное равнодушие (а с ним так удобно, так уютно жить, жить по принципу «не трогайте меня, и я вас не трону») и возненавидеть его в других так же, как хамство, пошлость, цинизм. И она уже успела доказать, что прочно держится на завоеванных позициях. Юноша, которого девушка считала своим другом, который (во всяком случае, в какой-то момент так казалось)

рук невозможно — обязательно надо найти самому.

Но почему же, почему, чтобы стало наконец «горячо», надо вот так поплутать, столько всего наломать в собственной (да и не только собственной) жизни. Читавшие Вадимово письмо и диву даешься. Ну, все вроде было человеку дано — дорога сама под ногиложилась. Так нет же. Очень уж хотелось выделиться из толпы, а те способы, которые требовали труда, тяжкого, с потом и кровью, не подходили. Посему выбиралась путь, какой «протоптанней и легче»: ума-то особого не требуется, чтобы явиться ночью с гитарой под окна заснувшего дома и орать дурным голосом, пока эти окна не начнут одно за другим открываться. Весело! Игра!

Ну, а чем подобные игры кончаются — дело известное. И вот понадобился такой печальный конец, чтобы уже не мальчик, а мужчина понял, что нет на свете доброго дяди, который возьмет тебя за ручку и сделает праведником, отвратив от дурацкого балджа и дурачков, недостойных человека игр.

«Надо молитвенно желать быть лучше», — взывал когда-то Достоевский. Прошу заметить: желать надо не того, чтобы лучше стали окружающие, а чтобы лучше стали ты сам. Кстати говоря, это вещи тесно связанные: тот, кто сам щедр, бескорыстен, кому интересны люди, тому они и кажутся добре, лучше, чем даже есть на самом деле. Это закон.

К чему я это говорю? А к тому, что негоже человеку превращаться в листок на ветру, жить по формуле «куда кривая вывезет». Удобно внушать себе, что Николай Островский, Алексей Маресьев или Владислав Титов — все это личности исключительные. Потому, дескать, и стали в конце концов литературными героями, легендой. Но я знаю по

Елена Зыкова — молодая сценаристка, участник Всесоюзного совещания молодых сценаристов в Ташкенте. По ее сценарию снято несколько фильмов. Начинала же она как журналист в периодической печати, публиковала в «Смене» и других изданиях очерки об искусстве, спорте, на темы морали.

Предлагаемый рассказ «Серебряная пуля» — первая проба Елены Зыковой в прозе. Здесь особый интерес автора, пристальное внимание привлекает проблема становления характера, взросления личности. Два плана рассказа, реальный и сказочный, сливаются друг с другом и ярче высвечивают нравственный облик героя, подростка Бубы. Думается, рассказ Елены Зыковой «Серебряная пуля» — хорошее начало молодого прозаика. Пожелаем ей доброго пути в литературу.

Валерий ОСИПОВ

Елена ЗЫКОВА

РАССКАЗ

Mаленькая рощица была на горе, и, чтобы на нее подняться, Бубе приходилось все время тянуть мать за руку, а на особо трудных участках буквально втаскивать ее. Мать, держа в руках пилу, крахтела, охала и ругалась себе под нос. И все старалась опереться на пилу, как на палку.

— Мама, отдайте пилу, — попросил Буба.

— Бездельник! — ни к кому не обращаясь, выкрикнула мать, и вдруг сама, как молоденькая, вспрыгнула на бугор. Пила задрожала и запела в ее руках.

— Твой брат — бездельник, — пояснила мать.

Они остановились на вершине горки, и мать, положив на землю свое орудие, подняла руки и глубоко вдохнула воздух. Мать была почти старенькая, а Буба — поздний ребенок. И последний: отец умер, и могила его со скромным крестом находилась на холмике прямо во дворе, чуть в стороне под деревьями.

— Какое дерево? — спросил Буба, оглядывая край рощицы.

Мать подняла пилу.

— Ни одна порядочная девушка не посмотрит в его сторону, — сказала она, продолжая свою любимую тему о бездельнике, старшем брате Гиви. — Там должна быть зарубка. Гурам зарубку оставил. — Это уже относилось к дереву.

Буба глазел по сторонам: внизу, под горкой, находилось его селение, вернее, маленький городок, чуть влево — море. Люди копошились на пляжах, а маленькие улочки были пусты. Буба отыскал глазами свой дом с небольшим виноградником за высоким забором. Потом пароходик у пирса. На нем они работали с братом Гиви. Гиви водил этот маленький пароходик, а Буба продавал билеты.

— Вот зарубка Гурама, — сказала мать, проводя жесткой ладонью по бугристой коре дерева. — Сказал, это можно, оно мертвое, сухое.

— Зачем сейчас дрова, мама? — спросил Буба.

Мать по-хозяйски, оценивая как покупку, оглядела дерево.

— Потом будет поздно. Потом холод и надо сразу топить... А ты еще мал судить.

Буба пожал плечами — он привык к причудам матери.

Она то ругает Гиви, то защищает его от всех соседей. Она и Бубу может «тюкнуть», если он нечутко отзовется о старшем мужчине рода Габелая.

Мужчина Гиви Габелая и вправду обещал матери свалить и распилить дерево. Но сегодня утром его даже Федя-постоялец не мог добудиться. Мало того, что Гиви так и не открыл глаза, он еще начал брыкаться и попал Федье ногой под дых. Федя-постоялец скочился, отковылял в сторону, а потом начал ругаться.

— Я вашего малахольного сына, тетя Тамара, теперь словом не трону, не то что рука.

Мать на это обиделась, даже оскорбилась и никак не могла простить — то ли Гиви, в который раз обманувшего ее, то ли «этого оскорбителя» постояльца Федью.

Наконец они взялись за пилу. Сухое дерево поддавалось легко. И вдруг раз — изогнулась пила, и стоп.

— Чертов день, — буркнула мать, вытягивая из дерева пилу. На ладонь к Бубе упало что-то металлическое и сплющенное.

— Мама, — прошептал Буба. — Это же пуля, старинная пуля, честное слово! Что с вами, мама?

Он остановился перед матерью, протягивая ей на ладони пулю, но мать даже не посмотрела на нее. Она выпрямилась и застыла. Она смотрела вдаль, на море, поверх головы Бубы, остановившись на какой-то мысли.

— Мама! — снова позвал Буба. Мать глубоко вздохнула.

— Чертов день! — повторила она. — Такое горе вдруг напало.

Она положила руку на грудь и тихо опустилась на траву. Буба подсели к ней, продолжая разглядывать пулю.

— Ей, наверно, тысячи лет, — сказал он. — Тут в кого-то стреляли...

— Такое горе, — тихо сказала мать. — Будто сына убили.

— Гиви? — спросил Буба и посмотрел на мать.

— Гиви? — переспросила она. — Бездельник твой Гиви. Кому надо в него стрелять?

А дальше продолжалось то, что обычно.

— Это хозяин в доме, ты скажи? — кричала мать. — Это мужчина рода Габелая, ты скажи? Нет, — так же внезапно успокоилась она. — Ни одна девушка не посмотрит в его сторону!

Она увидела, что Буба ее не слушает, а все разглядывает свою пушку.

— Брось ее, — вдруг непривычно тихо, просяще сказала мать и добавила уже тверже: — Брось...

— Что вы, мама! — воскликнул Буба. — Она же из серебра!

— Тыфу ты, — разозлилась и снова закричала мать. — В древности пушку из серебра отливали для оборонной! Брось! Серебро! Ты беден? Ты беден! — вос-

клинула она гордо. — И что тебе надо? А что надо твоему бездельнику брату? Чего вам не хватает?

Внезапно голос из пароходного динамика прервал ее. Мать замолчала.

...быть нельзя,
Все это было, как во сне.
Остались вместе ты и я,
И это танго в тишине!

Мать подняла пилу и стала спускаться с горки, оглядываясь на Бубу.

— Пусть мужчина из нашего рода придет, свалит, распилит, принесет, положит, — говорила она. — Пусть исправит свой грех, пусть...

Над пирсом, над пляжем, над редкими отдыхающими, над нырявшими в море мальчишками монотонно и очень грустно несся голос из пароходного динамика.

— Кто хочет поездить... хорошо... на нашем катере? — спрашивал голос по-русски, но с сильным акцентом и делал паузу, словно ждал ответа. Ответа не было.

— Выкупайте наши билеты, — заканчивал голос, и после него сразу врубалась музыка, и снова обрывом начиналось все то же танго.

...было, как во сне.
Остались вместе ты и я,
И это танго в тишине.

Буба подбежал к пароходику. У трапа стоял Гиви и отрывал билеты, отворачивая от пассажиров, проходивших на пароходик, помятое лицо с красными глазами.

— Где ты ходишь? — спросил Гиви, и Буба увидел, как ему трудно произносить слова.

— Кто хочет поездить на нашем быстроходном лайнере? — грустно спросил из динамика Арчил-моторист.

— Мы! — крикнул Буба, задыхнувшись от бега. — С мамой пилили дерево...

— Вай! — хватаясь за больную голову, яростно прошептал Гиви. — Мать моя! Зачем вы позорите вашего сына?! Зачем идете в гору одна, больная и старая?! Ваш сын сказал, и он спилит, клянусь! — почти воскликнул Гиви и сморщился от головной боли.

— Скорей выкупайте наши билеты, — попросил из динамика Арчил и закашлялся. Гиви снял с шеи рулон билетов и надел его на Бубу. Пролавал он билеты только по необходимости.

— А ты ходишь, — упрекнул он. — Унизайся тут за тебя...

Он оставил «унизяться» младшего брата и твердой походкой поднялся в рубку. Молча забрал у толстого и грустного Арчила микрофон и сказал не слишком весело, но спокойно и ровно:

— Дорогие хозяева и гости нашего города! Приглашаем вас вместе с нами совершить увлекательное путешествие...

Буба внизу у трапа отрывал пассажирам билеты. Буба жульничал. Он складывал полученные за билеты деньги в правый карман, а когда пассажиры выходили с пароходика, отбирал у них эти билеты, разглаживал их, а

СЕРЕБРЯН

вырученные за них деньги во второй раз клал в левый карман. Потом из правого кармана сдавал деньги, куда положено, а из левого тоже сдавал — брату Гиви.

К Бубе подошел фотограф и, кинув на Гиви, сказал:

— Фотографируемся сегодня?

Вряд ли Гиви станет сегодня фотографироваться, подумал Буба и отрицательно кинул головой. Но у фотографа глаз был наметан, и, как только он увидел, что на пароходик прошла крупная рыжая девица, и Гиви, обращаясь специально к ней, воспринял духом, громко проговорил в динамике: «Девушка с золотыми волосами, гостья нашего города, торопитесь совершить увлекательное путешествие...», — фотограф подмигнул Бубе.

— Фотографируемся, чтобы я так жил!

Гиви стоял в рубке у штурвала и, глядя вниз уже совсем на другую, черноволосую, девушку у борта, увлеченно рассказывал, забыв, что совсем недавно, утром, ему было так плохо:

— Много-много веков назад, когда море еще не было таким синим, а деревья не были такими большими, в Иверской башне вон на той высокой черной горе была заточена молодая красивая княжна...

Гиви каждый раз рассказывал историю по-разному, что-то уходило из его рассказа, что-то привыкало, но всегда это была грустная история о любви юноши к заточенной княжне, о его подвиге во имя ее спасения и о его гибели.

— Гиви, — как-то спросил Буба, — а как на самом деле было?

Гиви зажал рукой микрофон.

— Откуда я знаю. Может, вообще ничего не было...

Гиви не верил в легенды, он только хотел, чтобы в них, а значит, чуть позже и в него поверили золотоволосые, черноволосые, русые и другие девушки, катающиеся на его пароходике.

— И юноша упал над обрывом и только прошептал имя княжны... — Имена в рассказах Гиви тоже всегда менялись. Перемены зависели от увлечений брата. Буба сидел рядом с Арчилом-мотористом, тот вертел в толстых пальцах пушку и умоляюще поглядывал на Бубу.

— Можно на зуб... — сказал Арчил, почему-то лизнув пушку языком.

— А то можно перстень заказать... с русалкой и слова там... пророческие...

Буба отрицательно чмокнул губами.

— А можно сделать ложечку для соли и жене подарить?

— Откуда жена-то? — спросил Буба.

— Жена-то? Ну да... — согласился Арчил. — А можно тогда... не знаю даже, — растерялся он. Буба осторожно вытащил пушку из волосатых пальцев Арчила.

— Пусть как есть, — сказал он и пошел к рубке.

— А можно просто подарить товарищу?! — отчаянно крикнул ему вслед Арчил.

Рисунок Наталии СЕДУЛИНОЙ

ая пулья

На причале Буба собрал у пассажиров билеты, аккуратно разгладил их и сложил в сумку. Фотограф, стоя рядом, терпеливо ждал, когда Гиви сойдет с пароходика. Отдыхающих в городе было не так-то много, как в других популярных курортных городах, и у фотографа было мало работы. Работу ему давал в основном Гиви. Возвращаясь из рейса, он всегда с кем-нибудь фотографировался на память. Фотографировался по двум причинам: надо было дать работу фотографу и запечатлеть рядом с собою девушку, в которую влюбился. И в каждую он был искренне, «смертельно» влюблен.

Сейчас Гиви спустился с трапа с новой девушкой.

— Вы не будете любезны нас сфотографировать? — давно заученной фразой обратился он к фотографу. Фотограф уже был готов и только ждал, чтобы Гиви принял свою обычную позу: голова откинута, ноги расставлены, а правая рука так тяжело лежит на плече девушки, словно Гиви — раненый боец, а эта девушка — санитарка.

— Будем любезны, — тоже заученной фразой ответил фотограф и «щелкнул» несколько раз. А Буба попытался вклинииться:

— Гини, и вот когда мы пилили...

— О мама! Зачем вы позорите вашего старшего сына?! — не дал ему договорить Гиви. — Разве вы не знаете, что раз ваш сын сказал...

— Гиви! — окликнула его «санитарка».

Гиви занервничал.
— Возьму у Тенгиза машину и приезжу, сказал же, привезу, — торопясь за девушкой, бормотал он. — Скажи, пусть не волнуется, а?

И он пошел за девушкой по пирсу.

— Гиви! — окликнул Буба. — Куда ты?

— В библиотеку, — как всегда, откликнулся тот, не оборачиваясь.

Гиви учился, а Буба пошел к фотографу. Фотограф жил по соседству, через двор. Жил он один. У него не было жены и семьи вообще, и, пожалуй, кроме пароходика, Гиви, Арчила и Бубы, у него вообще никого не было. Везде — и в доме и на стенах дома — висели фотографии. На одних фотографиях совсем не было людей. Были на них вечерние и утренние пейзажи, старинные замки и полуразрушенные крепости, море, закат солнца и одинокий пароходик у пирса. А на других фотографиях были только люди: старики и старухи, дети и женщины с густыми черными волосами, с прозрачными, как морская вода, глазами. Буба знал, что это люди, живущие в их городке и приезжающие сюда отдыхать. Но на фотографиях они казались какими-то неземными.

— Я мало нашел людей, — сказал фотограф. — И я их ищу.

— Но их так много, — возразил Буба.

— И все равно я их ищу. Понимаешь, я хочу снять всех людей сразу, чтобы они были все разные, но все вместе, и на фоне всего: и гор, и неба, и моря... Представляешь, это будет портрет одного самого красивого, самого прекрасного

человека на фоне самого удивительного пейзажа. Ты понимаешь меня?

— Не очень.

— Ничего, — успокоил фотограф. — Вырастешь — поймешь.

И он протянул Бубе фотографию. На ней был Гиви. Один, без девушки, без позы. Буба не сразу узнал брата. Лучше был Гиви? Красивее? Нет... Он был просто другим.

— Люди все добрые, умные и красивые, — продолжал фотограф, — они все разные, не все знают об этом и думают, что непохожи в этом друг на друга.

— Ха, — усмехнулся Буба. — Я непохож на своего брата.

Фотограф посмотрел на него внимательно и грустно.

— Ты не знаешь Гиви. Ты похож на него, а он на тебя. Вы братья.

...Брат Гиви сидел с Федькой-постояльцем на Федькиной раскладушке во дворе, а мама бегала вокруг и ругала Гиви. Гиви, здоровенный и волосатый, действительно внешне совсем непохожий на тонкого и хрупкого Бубу, сидел, по-быччины наклонив голову, и «держивался».

Федька осторожно держал руками стакан пива и пил маленькими глотками.

Фотограф нацелился фотографировать разбушевавшуюся мать, а Буба просто разглядывал брата и не находил в этом ничего утешительного.

— Нет в доме хозяина! — кричала мать. — Нет в доме главы!

— Нет! — подтвердил Федька-постоялец, смакуя пиво.

— Отец умирал, — сказала мать и замерла на месте, прикрыв глаза, а когда открыла их снова, голос у нее возмущенно звенел. — Он был хозяин! И в доме все было! И за стол садилось двадцать человек каждое утро. И каждый вечер садилось сорок! Теперь у нас нет хозяина и нет ничего! И нет такого стола! И я должна брать деньги с этих бедных людей, — мать показала руками на здоровенного, сытого Федора, — и платить эти деньги другим людям, чтобы помогли держать дом, потому что старший сын — бездельник!

— Справедливо, — сказал Федор. — Вот я хозяин. Я кормилец. Я мужчина. Водить пароход? Разве для мужчины это занятие?

— Не занятие, — еще не сообразил, к чему клонит Федька, встанила мать.

— Такси надо водить, а не пароход. Вот ты прилетел в Москву, а я тебя встречаю. Я тебя посадил, другого посадил, третьего посадил! Я лишнего не возьму — я по счетчику возьму. А знаешь, сколько по счетчику до центра? Пятьнадцать рэ. С тебя пятнадцать рэ, с этого и с того! И, главное, каждый едет! — поразившись этой своей мысли, воскликнул Федька. — А ты — пароход! Виноград, персики, перчики! Торгуй, не воруй, а?

Тут Гиви схватил Федьку за грудки, расплескал пиво.

— Жулик! — крикнул Гиви. — Ты и есть самый жулик...

— Не самый, — спокойно заявил Федька.

— А кто ворует? Кто ворует? — ничего не поняв, закричала мать. — У нас в роду Габелая... были князья!

Буба тоже было кинулся на Федьку, но тот ткнул рукой, зацепил пальцем и порвал на Бубе рубашку. И все увидели на цепочке пулю.

— У вас и на рынке все князья, — не отрывая глаз от пули, автоматически пробормотал Федька. — Если серебряная, то по нынешним ценам — стольник. — Федька потянулся рукой к пуле. Буба отскочил.

— Дай, — сказал Гиви и тоже протянул руку. — Что это?

— Это пуля, — сказал фотограф. — Старинная серебряная пуля.

— Говорила, брось, — снова встрияла мать. — Она поссорит детей!

— Я нашел ее в деревне, на горе, — подошел Буба к фотографу, боязливо оглядываясь на Гиви.

— В какой-нибудь битве или погоне она прошла сквозь человека и застряла в этом самом деревне, — сказал фотограф. — И убила чьего-нибудь предка. Твоего или... моего.

— Она сидела в этом дереве тысячу лет, наверное,—тихо сказал Буба.
— В том самом дереве, которое твой брат так и не спилил, так и не распилил, так и не привез! — закричала мать.
— Мама! — умоляюще взревел Гиви, потому что все начиналось сначала.— Раз Гиви сказал, что привезет, значит, привезу! — И добавил устало:— Возьму у Тенгиза машину и привезу.
— От твоего Тенгиза жена ушла,— отмахнулась мать.— И ты такой же.

Дверцы огромного блестящего ящика распахнулись, и в нем оказалась девочка. Худенькая, высокая, с белыми волосами. Она грациозно подняла тонкие руки и легко спрыгнула на сцену. В зале зааплодировали, и фотограф, Арчил и Буба захлопали тоже. Буба смотрел на девочку во все глаза. А в это время чудеса на сцене продолжались. Маленький, суетливый человечек, смешно дергаясь и прыгая вокруг беленькой собачки, уговаривал ее залезть в этот самый цветной ящик. Наконец маленький уговорил собачку, двери ящика закрыли, громыхнула музыка, погас свет на секунду, а может, и не погас, а дрогнул, и из цветного шкафа, сияя ослепительной улыбкой и копной ярко-рыжих волос, с ослепительно красивым георгием в руке выпорхнула огромная тетя. Она кланялась и улыбалась публике, взмахивая этим георгием, словно собираясь бросить его в зал, но вдруг передумала и протянула цветок маленькому. Даже в зале заметили, что маленький смущился.

— Штучки! — сказал Арчил.— Интересно, сколько им платят за эти игры? Буба не отрывал глаз от девочки.

...Интересно, придет она на пароход? — думал Буба, медленно идя по темным уличкам городка между фотографом и Арчилом. Арчил рассказывал про свою жену Нану.

— Она говорит: куда мне пятого ребенка? Я света белого не вижу, глаза покрасить некогда... Она мне говорит, тебя нет и нет, а я все есть и есть, и все в детях. Я думал, я ей что-то подарю.— Арчил покосился на Бубу.— Она и родит мне пятого...

— Не родит,— сказал фотограф.— Потому что ты все равно ничего путного не подаришь...

А впереди какая-то возня, шум, сдавленный крик. Темная улица, силуэты людей в блеклом свете дальнего фонаря.

— Это же не семья без пятого ребенка,— закончил Арчил, и они остановились.

— Гиви бывает! — крикнул Буба и побежал.

— Дочитался,— сказал фотограф и пропустил следом.

Они еще не успели подбежать, а люди, лупившие Гиви, кинулись в разные стороны, а Гиви остался лежать.

— Вай, Гиви,— сказал Арчил, тяжело опускаясь на колени рядом.— Это не Гиви! — обрадовался он, присмотревшись.

Буба и фотограф осторожно перевернули незнакомого человека. Они не обратили внимания на его непривычную для их глаз одежду, на белую рубаху и темный плащ, на бороду и усы. Они только увидели, что человек без сознания и весь в крови.

— Арчил,— позвал фотограф.— Буди доктора.

— Гляди-ка,— сказал Арчил, поднимая с земли и протягивая Бубе окровавленный кинжал. Кинжал был старинный, и ручка его была в драгоценных камнях. Буба только мельком глянул.

— Буди дядю Гурама! — разозлился он.

Раненый вдруг открыл глаза.

— Генаца-вале,— прошептал он, и Буба с фотографом низко склонились над ним.— Спрячьте меня у Тамар Габелая.

— Это моя мать,— прошептал Буба.

— Ты из рода Габелая, брат,— слабо улыбнулся раненый.— Скорей, прошу...

— Что случилось? — спросил он.

...Это не мой двор, перепутали! — подумал Буба, но уж теперь было все равно, парень истекал кровью.

— Несчастье случилось! — рассердился Буба.— Не видишь? Помоги.

Человек подошел, и факел осветил его лицо. «Вообще не наш тип! — подумал Буба.

Но тут двери высокого крыльца с другой стороны распахнулись, и в окружении мужчин с факелами в руках на пороге встала мать Бубы. Голова ее была покрыта, черный плащ скрывал фигуру, и только снизу выглядывал подол белой рубахи с кружевами. В жизни ничего подобного у матери не было. Да и мать была совсем не такая, как обычно,— гордая, высокая, спокойная. Но задумываться, почему она такая, откуда у нее взялись эти рубаха и плащ, Бубе было некогда.

— Мама,— сказал Буба,— его кто-то порезал...

Он боялся, что мать сейчас по своей манере заголосит, закричит, запричитает, разбудит соседей, все сбегутся... Но мать тихо склонилась над ним.

— Жив, слава богу,— сказала она.— Думала, не дождусь. Отнесем его в башню.

Они пошли темным, действительно очень длинным двором, люди с факелами осторожно несли раненого. Скрипнули в темноте двери башни, и они оказались в небольшой зале, стены были из камня. Раненого положили в темном углу на скамьях. Мать жестом приказала зажечь свечи и отослала людей. Раненый поднял тонкую, белую руку и поманил к себе Бубу.

— Вахтанг,— сказал он Бубе, и Буба удивился, что раненый знает его настоящее имя, которым никто никогда его не звал.

— Ты из рода Габелая, Вахтанг,— сказал раненый.— Не забудь об этом...

— Я из рода Габелая,— как заклинание прошептал Буба.

Утром Буба пощелкал выключателем в целях проверки и, толкнув калитку во двор к фотографу, в растерянности остановился: чудеса, только уже другие, продолжались.

У кухонного стола во дворе стояла огромная рыжая тетя из цветного ящика, что-торезала на доске и плакала. В садике, среди кустов роз, примявшись траву, стояла девочка и спокойно, словно это было можно только ей, ела с маленького дерева сливы.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Вахтанг,— сказал Буба и гордо вскинул голову.

— Очень трудно и официально,— сказала девочка и сморшилась.— А как тебя зовут по-домашнему?

— Буба.

— Значит, Буба,— решила девочка и шагнула через куст роз, примявшись косточку от сливы бросила за ворота.— А я Наташа.

— А как тебя зовут по-домашнему? — спросил Буба.

— Тата.

— Нет,— сказал Буба.— Наташа мне больше нравится. По-нашему Нателла.

— Благодарю.— Девочка грациозно поклонилась, прямо как на сцене.— Лучше по-нашему, хорошо?

В это время из дома выбежал маленький человечек в майке и тренировочных штанах с вытянутыми коленками и понесся через двор по тропинке. На ходу он кинул рыхлую тетю:

— Публике, Клава, только публике!

Рыжая Клава всхлипывала и утирала глаза, но слезы катились еще обильней. Плача, она не прекращала что-то резать.

Фотограф засмеялся. Он сидел в кресле-качалке, держал в руках фотоаппарат и смеялся. Маленький заметил Бубу, затормозил на ходу, поклонился, сказал:

— Привет, юный друг.— И снова повернулся к Клаве.

— Георгин, Клавдия Ивановна,— он умышленно подчеркнул, что называет Клаву по имени-отчеству,— георгин надо бросать публике, а не мне.

— Они любят друг друга,— сказал фотограф Бубе, кивая на Клаву и туалет, куда скрылся маленький.— Но она большая, а он маленький.

— Он не маленький,— поправил его Буба.— Он просто маленького роста.

— Верно,— согласился фотограф.— Клава любит его и плачет от этой любви.

— Глупости,— засмеялась Наташа.— Клава плачет от лука.

Только теперь Буба увидел, что Клава режет лук.

В это самое время загудела машина во дворе Бубы, и все побежали смотреть, кто приехал.

Во дворе у матери стояли «Жигули», в них были дрова, и Гиви улыбался во весь рот.

Посреди двора стояли мать, распрямив спину, гордо вскинув голову, поглядывая на собравшихся соседей, и Федька-постоялец с бутылкой пива.

— Когда отец умирал,— воскликнула мать,— он знал, что его старший сын будет возить дрова. А не в такси работать.

Фотограф, видя, как яростно накинулся Гиви на дрова, молниеносно перетаскивая их из машины во двор, сказал Бубе:

— Я знал. Я знал, что наступит время чудес.

Буба опоздал к пароходику. Но зато он уговорил кататься и Клаву и маленького, только Наташа не сразу согласилась. В детстве у нее была морская болезнь, и сейчас она «боялась рецидива».

Гиви стоял у трапа с рулоном билетов.

— Где ты ходишь? — сказал он и напялил на Бубу билеты, а сам пошел по трапу легкой походкой.

На пароходику Гиви разрешил Наташе подняться в рубку. Туда прибежал и Буба.

— Можно? — кивнул он на штурвал.

— Валый.— Широким жестом Гиви уступил место младшему брату.

— Это что? — ткнула Наташа пальчиком в далекую гору на берегу.

— О-о! — сказал Гиви.— Это древняя история...

— Можно? — попросил Буба.

— Естественно.— Широта души Гиви не знала пределов.

И Буба рассказал про крепость и башню, в которую много веков назад заточили молодую княжну, и про то, как любил ее один человек, но был смертельно ранен при попытке спасти девушку, и тогда встал на его место младший брат из рода этого старинного и спас девушку, и не взяла его ни сабля, ни пушка. Она слушала, не прерывая. И остался этот младший брат жить в веках, и спасенная княжна любила его до глубокой старости. И было это давно, много веков назад, и повторится еще много раз, пока живы люди, способные на подвиг, и пока есть любовь на свете...

Когда все сошли на берег и потянулись по пирсу, Гиви задержал Бубу.

— Давай,— сказал он и протянул руку.

— Что? — спросил Буба, делая вид, что не понимает.

— На библиотеку.— Гиви кивнул на карман Бубы.

— Не будет тебе больше на твоем чтение,— твердо сказал Буба.

— А кому будет? — усмехнулся Гиви.— Тебе, что ли?

Буба покачал головой.

— Так ты вообще дыбать отказываешься? — удивился Гиви. Буба сунул Гиви сумку с билетами.

— Знаешь, сам дыбай, если... если ты не из нашего рода!

Гиви аж присвистнул. А Буба спокойно повернулся и пошел прочь.

— Эй,— тихо окликнул он.— А что ты на пароходе рассказывал? Это правда, эй?!

Буба не ответил.

Весь вечер, пока в зеленом театре шло представление, Буба шатался вокруг. Он слышал и смех из зала, и аплодисменты, и голос маленького. Но лучше всего он, казалось, видел Наташу. Он видел ее и не видя. То она такая, как есть: беленькая и в джинсах, то такая, как его мать этими неожиданными, неизвестно откуда взявшимися, сказочными ночами: строгая, гордая, величественная, но только совсем юная, ну, такая, как есть. То она виделась ему княжной Нателлой, запертой в Иверской башне, ожидавшей его, Бубу, спасителя.

Он подождал, пока они разгримировались и вышли. Клава робко взяла маленького под руку, отчего он весь как-то сразу перекосился, и они медленно пошли вперед. Наташа и Буба так же медленно шли сзади. Темнота скоро скрыла от них Клаву и маленького.

— Я обязательно поступлю в цирковое училище,— сказала Наташа. Звенели цикады. Пахло цветами, море было слышно.— А ты?

— Я еще не знаю,— сказал Буба.

— Это незнание — просто болезнь нынешней молодежи, ни один не знает, чего он хочет. А в большинстве своем вообще никто ничего не хочет,— вздохнула, как взрослая, Наташа.

— Я хочу,— сказал Буба.— Я знаю, я хочу стать мужчиной.

— Наверное, это неминуемо,— улыбнулась Наташа.

— Нет, ты не поняла. Я хочу стать человеком... в общем, понимаешь? — Буба запутался, он не знал, как объяснить ей.

— Хороший человек — это еще не профессия,— усмехнулась Наташа.

— Я не про то... — Буба замолчал. Интересно, подумал он, что будет, если рассказать ей все? Ведь не сумасшедший же он в самом деле и не смеется ему то, что происходило вчера.

— У нас во дворе, в башне, лежит один раненый...

— Большой, что ли? — заинтересовалась Наташа.— В какой башне?

— Нет, не большой, раненый. А башня в нашем замке.

Даже в темноте он увидел, как широко раскрылись глаза Наташи.

— Он из нашего рода. Габелая. Его ранили кинжалом, и я...

— А-а! — Ее глаза потухли. — Ты, наверное, был очень нервным ребенком, — сказала Наташа. — Но у вас такой климат: море, свежие фрукты, овощи... Все пройдет.

— Да нет, — огорчился Буба. — Он мне родственник. Кажется, он мне брат, этот раненый.

— У тебя брат Гиви, — отрезала Наташа.

Он проводил ее до калитки, она не задержалась, и калитка за ней быстро захлопнулась.

Он постоял в темноте. Глупости все, конечно. Наверное, он и в самом деле был в детстве нервным ребенком, а матери, когда она вся в заботах, некогда было обратить на это внимание. К тому же он поздний ребенок. Наташа права: нервный.

Мать одна с факелом в руках спокойно ждала его на высоком крыльце.

— Пойдем. Он ждет нас, — сказала она. Буба пошел за ней по длинному двору.

— Мама, Гиви пришел? — спросил он.

— Нет, — ответила она не оборачиваясь и добавила строго и спокойно: — Бездельник.

Они вошли в башню. Тот, из рода Габелая, лежал на кровати, закинув голову, и был по-прежнему бледен и слаб. Борода его нелепо торчала вверх. Как и в прошлый раз, он сделал легкое движение рукой, и Буба приблизился.

— Брат, — сказал раненый. — Ты должен освободить княжну из Иверской башни.

— Когда?

— Завтра, Вахтант.

— А Гиви? — спросил Буба и повернулся к матери.

— А! — Мать махнула рукой. — Подведет Гиви.

— Я готов! — сказал Буба.

— Это опасно, — сказала мать, и слезы блеснули и в один миг высохли в ее глазах. — Будь готов ко всему, мой мальчик. Стань мужчиной.

— Стану, — сказал Буба.

Гиви поднял стакан и насмешливо произнес:

— Давайте выпьем за успех этого безнадежного предприятия!

— За будущее не пьют, — всерьез сказала рыжая Клава.

— Что вы говорите?! — засмеялся Гиви. — Тогда давайте выпьем, чтобы что-то, когда-то, где-то... произошло! — И он многозначительно посмотрел на Наташину подружку. Та улыбнулась, опустив глаза.

— Буба! Мы с тобой! — восхлипнул фотограф. — Ты пойдешь освобождать, а мы внизу подождем, шашлык сделаем...

— Картошки напечем, — добавила Клава.

А Наташа слушала, слушала и разозлилась.

— Да вы что все, сумасшедшие, что ли?

— Наташенька, ему, может, понадобится помочь, там целый род против него одного, понимаешь? — сказал маленький.

— Дети! — пожала плечиками Наташа. — Взрослые вы мои дети! А ты тоже, — обратилась она к Бубе. — Что ты их слушаешь? Спустишь на землю. Какой здравомыслящий человек тебе поверит?

— Ты, — сказал Буба.

— Для чего этому верить? — спросила Наташа.

— Я женюсь на тебе потом, — сказал Буба. — И ты мне должна верить.

— Пожалуй, не стоит торопиться! — засмеялась она.

— Мы не торопясь, — сказал Буба.

— Ну ладно, давай называть вещи своими именами, — стала серьезной Наташа. — Мы духовно разные, понимаешь? И дальше будем расходиться все больше и больше...

Буба не понял.

— Я буду водить большой пароход, — сказал он.

— Высокий полет! — насмешливо пропела Наташа. — Ну и кто ты?

— Я грузин! — сказал Буба.

— Кепку носишь? — вдруг ни с того ни с сего рассмеялась Наташа. — Вот такой «аэродром» носишь? — Она красиво показала руками над своей головой.

— Когда холодно, — растерялся Буба.

— Знаешь что, — сказала Наташа. — У меня в жизни есть планы, и рядом с собой я хочу видеть не тебя в «аэродроме», а интересного, реального человека, нормального, понимаешь? А ты... Ну кто ты?..

— А ты-то кто?! — завопил вдруг Гиви, наглость Наташи не имела предела, он не мог больше слушать. — Подумаешь, королева испанская!

— Гиви! — одернул его Буба. Брат уже был нетрезв.

Гиви обнял Бубу за плечи, погладил пальцами серебряную пулю.

— Не бойся, я поеду с тобой. Я тебя одного не оставлю, не думай. И мы победим, да! — Ненавистным взглядом он стрельнул в Наташу и заодно в ее подружку. — Мужчины нашего рода не бросают друг друга в трудную минуту! — И он крепко сжал Бубины плечи.

— Какого такого рода? — насмешливо спросила Наташа.

— Рода Габелая! — гордо произнес Гиви.

Буба смотрел на Наташу.

— А знаешь, кого я сегодня спасу? — тихо сказал он ей. — Тебя!

Наташа засмеялась и пошла в дом.

Кто-то вдруг закричал за забором. Первым Гиви, а за ним и все вскочили из-за стола и бросились во двор к матери Бубы.

Мать уже носилась по двору и маленькими кулаками размахивала перед лицом Гиви.

— Ты взял! — кричала мать на Гиви. — Куда они могли деться, куда?!

Гиви тупо молчал.

— Отец умирал, — на секунду затихла мать. — Он знал, что не будет в доме хозяина, он знал, что и дров не будет!

— Что стряслось? — спросил у Гиви фотограф.

— Дрова сперли, — ответил Гиви, пряча красные глаза.

— Будь проклят тот день, когда я родила на свет этого красноглазого детеныша! — вскричала мать, тыча кулаком в Гиви.

— Что я, их съел? — завопил Гиви.

— Ты их пропил.

Но тут в наступившей вроде тишине закричал Буба. И все теперь обернулись на него. Буба рассстегнул рубашку. На груди не было старинной серебряной пули.

— Где? — спросил он и пошел на брата, сжимая кулаки. — Где, я тебя спрашиваю?

И хотя Буба был младшим, но ярость его была так велика, что Гиви начал отступать. И даже мать испугалась. Она подбежала к Бубе и забормотала, удерживая его за руки.

— Может, и не брал, может, и не брал, — говорила она. — Разве один унесет такую тяжесть?

— Где, я тебя спрашиваю? — кричал Буба.

— Да будь они прокляты, эти дрова! — замахала руками мать. — Что мы, бедные люди? — И она повернулась к соседям. — Нарубим еще, напилим еще.

И Гиви вдруг опустился перед матерью на колени и, уткнувшись в ее темное платье, заплакал, как маленький.

Мать обняла его, опустилась с ним рядом на землю и, гладя здорового своего взрослого сына по голове, вздохнула:

— Чертов день! Провались он! — И обратилась к Бубе: — Оставь его. Он не брал. Стань хоть ты мужчиной!

Буба один долго ехал в электричке по берегу моря. Садилось солнце, и ему было грустно. Словно с уходом солнца уходило что-то и из его жизни. В электричке было шумно. Загорелые отдыхающие играли в карты, пели песни, а море сверкало красной водой.

Уже стоя на Иверской горе, он, проводив солнце, обернулся к деревьям и увидел, что деревьев нет, а на их месте возвышается черный, мрачный замок с башней.

Спрятавшись в ночи, Буба прошел по стене замка, пересек длинный двор.

В маленькой черной двери было маленькое оконце с решеткой. Он толкнул решетку, она неожиданно легко подалась и со звоном упала на пол. Буба замер. Но все было тихо.

— Наташа! — позвал он.

— Я не могу вылезти, — зашептала она. — Дай руку.

Он протянул руку, и в окошке показалась девушка — это была не Наташа, чуть похожая на нее, но нет, совсем не Наташа.

— Здравствуйте! — разочарованно протянул Буба. — Ты кто?

— Нателла, — удивилась девушка. — Княжна Нателла. Ведь ты за мной?

— За тобой. Нателла, за тобой, — покоропился успокоить ее Буба. — Давай шпарь с горы вниз к морю, садись в электричку, и через час ты дома.

— Как тебя зовут? — спросила Нателла.

— Буба, — сказал Буба.

— А как тебя зовут по-настоящему?

— Вахтант.

— Значит, Вахтант, — улыбнулась Нателла и побежала, подхватив полы длинного платья. Буба понесся за ней.

Их бегство обнаружили, и теперь отовсюду бежали люди, зажигались огни, бряцало оружие. На Бубу налетали, ударяли саблями, но от него все отскакивало, и громкий смех его разносился по всему замку. Люди смутились. Они не перестали преследовать Бубу, но теперь вопили об оборотнях и нечистой силе. Они вопили в панике открыв ворота, и Нателла первая, а за ней Буба, громко смеясь, выбежали на обрыв. Внизу, под обрывом, сверкало лунное море, и горела огнями электричка. На стене замка стояли два человека в дорогих одеждах и смотрели, как благополучно удаляет Буба.

— Это мог сделать только мужчина из рода Габелая, — сказал старший.

— Это дело нечистой силы, отец. Это оборотень, — сказал тот, что помоложе. — И взять его можно одним. Серебряной пулей.

В лунном свете на ладони молодого сверкнула пуля. Он прицелился и выстрелил.

Буба вскинул руки на краю горы, словно собираясь взлететь над морем, над вечностью, и почувствовал страшную боль в спине.

— Вахтант! — далеко внизу закричал женский голос.

Это звала Нателла.

«Не может быть... как больно! — подумал Буба. — Не может быть...»

Он добрался до дома только к утру. По еще не проснувшейся уличке его вел Гиви, а кровь капала сквозь пальцы и оставалась на асфальте.

— Прости меня, — говорил Гиви, поддерживая брата. — Я не знал... я не очень верил... мы вылечим тебя... и теперь все будет по-другому, ты веришь мне, Вахтант, ты веришь?!

И он еще что-то говорил Бубе, а тот смотрел на него, любовался братом, и верил, и забывал про боль в груди, и снова смеялся.

Под виноградником спал Федька, а на крылечке сидела Наташа.

— Наконец-то, — сказала она. — Ваша мама бегала, искала вас до ночи, потом сама куда-то пропала, и все наши исчезли и фотограф. Ну, слава богу! Ты врал, Буба? Никуда ты не ездишь и никого не освобождал, да? — И тут Наташа увидела кровь. — Не может быть, Буба... — сказала она.

И Буба видел, что она по-прежнему ничему не верит.

— Как мне... больно, Наташа, — сказал он, и качнулся, и упал бы, если бы не поддержал брат.

По улице к его дому бежали фотограф, маленький, рыжая Клава, Арчил со своей женой Наной и четырьмя детьми. Нана не могла бежать, она ждала пятого ребенка и шла быстро. Арчил осторожно поддерживал ее, сияя от счастья. И еще были соседи, и дети, и старики — много народа. Буба обернулся. Под виноградом на раскладушке, не просыпаясь, спал Федька-постоялец, но из дома вышла мать и встала рядом с Бубой и Гиви.

— Как ты вырос! — сказал Гиви.

— Совсем взрослый мужчина, — добавила мать.

— Мени, кажется, убили, мама? — спросил Буба. Она спокойно и гордо ответила:

— Сын мой будет жить.

Они все вместе поднимались на гору, на которой они пилили с матерью дерево и где Буба нашел серебряную пулю. Буба шел впереди, рядом с Гиви, они оба поддерживали мать. Они растянулись цепочкой и уже почти достигли вершины. Буба обернулся назад, на свой дом. В распахнутой калитке он видел непроснувшегося Федьку и застывшую на пороге Наташу. Фигурка ее все уменьшалась и уменьшалась.

— А для фотографии мне все-таки кого-то не хватает, — тихо сказал фотограф, но Буба услышал и понял, что кого-то не хватает и ему.

— Вахтант! — закричал сзади женский голос. Буба вспомнил, что так звала его Нателла. Он обернулся сразу, и все расступились. Протягивая к нему руки, поднималась на гору Наташа.

— Я поняла, Вахтант, — сказала она просто. — Я с тобой.

Буба улыбнулся. Он расстегнул рубашку, снял с цепочки серебряную пулю и, подойдя к дереву на краю обрыва, аккуратно вложил пулю на прежнее место.

— Теперь, кажется, все, — сказал он и подал руку Наташе.

— Никому не расходиться! — закричал фотограф. Он быстро выстроил всех у дерева. А за ним было бесконечное, сначала ярко-голубое, а потом темнеющее море. И небо. Фотограф поставил фотоаппарат и сам пристроился в группу со всеми вместе.

Они замерли, улыбаясь, как одно счастливое, прекрасное лицо.

РАННЮЮ
ОСЕНЬЮ
НАЧИНАЮТ
ЛЫЖНИЦЫ ВАЗА.
ВЗАМЕН ЛЬЖ
ПОКА НЕ ВЫПАЛ СНЕГ.—

потребностью каждого молодого человека... Однако для многих юношей и девушек спорт все еще остается только зрелищем. До сих пор в стороне от регулярных занятий физкультурой и спортом остаются две трети молодых производственников». Жизнь диктует необходимость вовлечения в физкультурное наследие страны лыжероллеров.

Работники управления социального благосостояния Волжского автозавода имени В. И. Ленина, обеспокоенные тем, что молодые рабочие не всегда могут найти себе занятие после работы, решили организовать массовый турнир по мини-футболу. Придумали нестандартную формулу: к участию допускались команды, сформированные по любому принципу — сборная знакомых, общежития или просто компания знакомых, причем матчи проводились по упрощенным правилам на обычных школьных площадках, от участников же требовалась высокая спортивная квалификация. Организаторы получили поддержку администрации города, «ВСЕЙ БРИГАДОЙ — НА СТАДИОН!»

БРИГАДА СЛЕСАРЕЙ-СБОРЩИКОВ «ЗАПОРОЖТРАНСФОРМАТОР» имени В. И. Ленина — на звание лучшей по производственным показателям.

ДВИЖЕНИЕ

Однажды, во время поездки спортсменов-олимпийцев на КамАЗ, ко мне обратился молодой бетонщик, парень богатырского телосложения: «Вы говорите, что всем нужно заниматься спортом, сдавать нормы ГТО, а если с меня за смену семь пото- дых. А если с меня за мороз, если у меня, так сойдет, даже в мороз, зачем мне тренировки и соревнова- сил невозврат, зачем мне обойтись?»

Разве на эти вопросы ответишь одной фразой? Вот и захотелось мне поговорить о том, для чего же нужна рабочему человеку физкультура.

Есть у меня добрый знакомый, мастер спорта, докер-механик из Одесского порта. Виктор Леоненко. В наше время большинство погрузочно-разгрузочных операций в портах механизировано. Но как бы ни облегчали труд портового рабочего механизмы, все равно требуется физическая сила, приходится попадать на крепость мускулов. После работы Виктор сколько раз в неделю обязательно ходит в спортзал порта, занимается штангой, гирями, на скользкой базе, тренируется с солидными нагрузками. Устает ли он? Безусловно. Устает на работе, устает на тренировках, отдавая немало сил и там, и там. Зачем же тогда изнурять себя спортивными занятиями? Виктор шутит: «Минус умножить на минус — будет плюс. Одной усталостью снимают суставы — в результате — всегда в форме».

Хорошо известна бригада слесарей-сборщиков Мостовского автозавода имени Лихачева, которую возглавляет Юрий Миронов. Бригадир был участником эстафеты олимпийского огня, нес факел на одном из этапов. А готовясь к Игрям, он не только сам уделял много времени тренировкам, но и привлекал к занятиям физкультурой товарищей по бригаде. Этот комсомольско-молодежный коллектив стал инициатором Олимпиады. «Вся бригада — значительна ГТО». А теперь молодые рабочие решили добиться, чтобы каждый из них стал разрядником по какому-либо виду

спорта. В бригадах ЗИЛа, последовавших примеру мирановцев, производительность труда повысилась на 6—12 процентов и в 3—4 раза сократились потери рабочего времени по болезням.

Каков же механизм благотворного воздействия физической культуры на трудовой пульс коллектива? Бригада Миронова работает на участке конвейера протяженностью 84 метра. На этой «дистанции» сборщикам приходится проявлять сноровку, сплаженность и главное — не терять темпа. Ведь оплощенность одного может застопорить весь процесс сборки. Ответственность и нагрузки немалые. Откуда берутся сила и сноровка?

Дома — утренняя физзарядка, потом — заводская производственная гимнастика, 3—4 индивидуальные физкультпаузы за смену, самомассаж и, наконец, регулярные занятия в спортивных секциях и сдача норм ГТО. Такой режим, по квалифицированному заключению специалистов, помогает отлично справиться с утомлением, регулировать настроение.

Я уложнянул лишь о двух лидерах рабочего физкультуриста — на двух бригадах, которые своей организованностью, задором напоминают хорошие спортивные команды. Подобных примеров можно привести немало. Их опыт утверждает: физкультура — надежное подспорье в труде. Разумеется, лучше всего подобрать физкультурную дисциплину, которая оптимально сочетается с профессией. Скажем, ученые считают, что рабочим, занятым в химической или металургической промышленности, лыжами, стайерским бегом, то есть видами спорта, увеличивающими жизненную емкость легких. Тем, у кого работа монотонная, — «стоячая», лучше всего подходят подвижные игры — волейбол, баскетбол, настольный теннис. Если же говорить об универсальном физкультурном упражнении, которое могли бы избрать люди разных возрастов и профессий, то это, без сомнения, бег — длинный, который не требует специальных и регулярных упражнений, нетропливый и регулярный.

Не так давно мастер металлургического завода из города Нытва Владимир Деменев установил даже своеобразный рекорд: взяв старт ранним субботним утром, он ровно сутки продолжал бег, преодолев за это время 256 километров. И сделал это Владимир Николаевич главным образом для того, чтобы привлечь внимание молодых рабочих к оздоровительному бегу. Кстати, сам Деменев за весь свой более чем тридцатилетний стаж работы никак не болел, а больничный лист видел только в руках других людей. После того как пробега Деменев встал, как обычно, в шесть утра, сделал энергичную физзарядку и за полчаса до начала смены был на рабочем месте.

К сожалению, многие молодые люди после школы или после службы в армии расстаются со спортом, с физкультурой. Парню всего-то 20—25 лет, он не только за цех или за бригаду мог бы выступать на высокого ранга. Однако он сам себя переводит в разряд «спортивных пенсионеров».

На ХХ съезде ВЛКСМ отмечалось: «Комитеты комсомола совершенствуют оздоровительную, физкультурно-массовую работу, добиваются, чтобы зака-ливание, систематические занятия спортом стали сил хватает! ВСЕЙ БРИГАДОЙ — ПОСЛЕ СМЕНЫ — В ЗАЛ ТЯЖЕЛОЙ АТЛЕТИКИ!

ЧЕМПИОНАТ ЗАВОДА ПО БОКСУ
В ОДНОМ ИЗ ЗАЛОВ СПОРТИВНОГО КЛУБА ВАЗ.
НА МЕСТАХ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ
НЕТ СВОБОДНЫХ КРЕСЕЛ!

Фото
Евгения ВОЛКОВА

Владимир ВАСИН,
и обороно-массовой работы ЦК ВЛКСМ,
олимпийский чемпион, заслуженный мастер спорта

ЖИВ УСТАЛОСТИ

ганизаторы и сами не ожидали такого успеха: сотни самодеятельных команд подали заявки на участие, а финальный матч на городском стадионе собрал более двадцати тысяч зрителей.

Осенью 1982 года ЦК ВЛКСМ совместно со Спортивным комитетом ССР и Всесоюзным советом ДСО профсоюзов объявили комсомольскую трохлетку, цель которой — строительство и реконструкция простых больших и малых городов, поселков, колхозов и совхозов, спортивных сооружений, уже появившихся во многих «Здоровья», спортивных площадок, мини-стадионов, тирнов, водных стаций, освещенных лыжных трасс, хоккейных коробок. Все это сооружается силами общественных отрядов, организованных комсомольскими комитетами. К примеру, в тесном контакте работают строители и проектировщики общественного движения, «Спортивный бюро „Спортивпроект“» при Харьковском областном ЛКСМУ, коллектив которого был удостоен в 1982 году премии Ленинского комсомола.

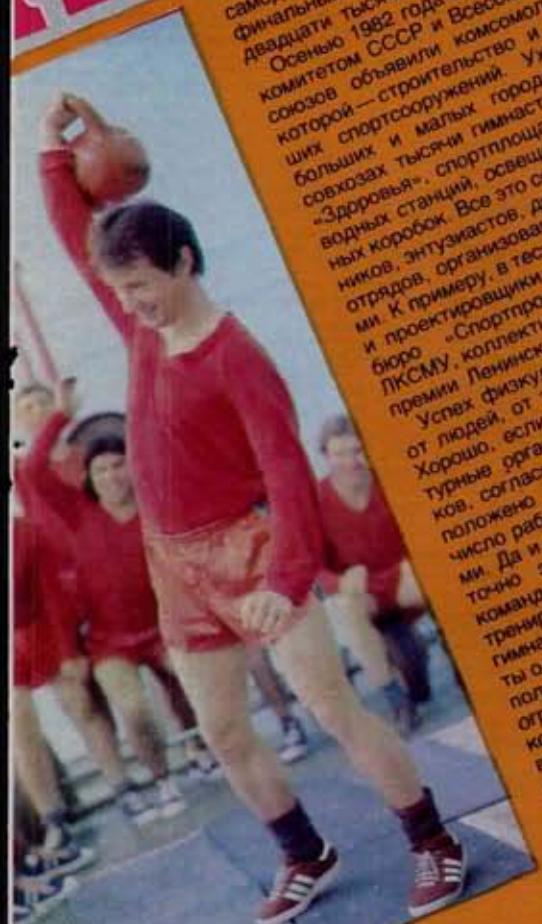
Хорошо, если в коллективе есть опытные физкультурные организаторы. Но ставки физкультработников, согласно имеющей лишь крупным штатным расписанием, должны быть измеряются, как правило, тысячами. Да и не всегда инструкторы физкультуры достаточно энергичны и расторопны, чтобы собирать команды на городские и районные соревнования, тренировать гимнастику да еще составлять производственную группу, чтобы о проделанной работе, о сдаче норм ГТО и обычно ограниченной группой разносторонних спортсменов, которые защищают честь коллектива практически на всех соревнованиях. Но ведь можно найти активистов среди рабочих инженеров, конструкторов, работников управлений горно-обогатительного комбината в Курской области все знают машиниста экскаватора Владимира Яковлевича Прибыткова. Знают прежде всего как прекрасного труженика, депутата партийного съезда, Героя Социалистического Труда. Владимира

а на туристских тропах
всегда с семьёй!

массового физкультурного движения значительно выиграл от того, что на старты выходили комсомольские вожаки, многие из них показали высокие результаты среди победителей состязаний в кроссе, секретарей комитетов комсомола. Всего же в кроссе, посвященном комсомольскому съезду, участвовали 48 миллионов человек. Вот каков потенциал нашего физкультурного движения!

Однако у некоторых комсомольских организаций, должно признать, пока большая работа проделана на бумаге, и только.. Особенно это касается районных комитетов комсомола, работники которых передко оправдываются, некому тем, что дескать, невелик штат аппарата, некому повседневно заниматься физкультурой, имущественно на общественных формированиях привлечению к этому большому и важному делу шедров и актива из числа спортсменов и ветеранов спорта, тренеров, представителей спортивных федераций — словом, энтузиастов. Где нет этого, там нет полноценного физкультурного течения, там все сводится к составлению сначала планов, а потом отчетов. Например, в ряде железнодорожного района Барнаула насчитывается, согласно рапортам, более 3 тысяч членов спортивных секций, занимающихся физкультурой. 875 членов спортивных секций, согласно планов спортивных секций, занимаются только 90 человек, а нормы ГТО толком никто не сдавал. Говорят, это о том, что комитеты комсомола до сих пор не перестроились в там, где требуется задор, расторопность, организаторская сметка.

ПРОСТОРИИ И СВЕТЛО В ИПРОВОМ ЗАЛЕ ЗАВОДА «ЗАПОРОЖТРАНСФОРМАТОР» ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ра Яковлевича часто можно увидеть и на спортивных аренах ГОКа. Однажды, посоветовавшись с членами комитета комсомола, Прибытков учредил приз для победителей волейбольного турнира. Да и сам он даже вывел ее в состязаниях, тренирует одну из команд и даже здоровье рабочего человека — залог успешной реализации планов созидательного труда, укрепления благосостояния всего советского народа.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» стало своего рода программой развития физкультурного и спортивного движения. Конкретные задания определены и комсомольским организациям. Как они выполняются?

Вспомним проведенный весной 1982 года легкоатлетический кросс, посвященный ХХ съезду ВЛКСМ. В сравнительно короткое время организаторы смогли подготовить трассы кроссовых состязаний, разработать положения о стартах, определить конкретные задания комсомольским организациям. Авторитет

«КАК Я СТАЛ ПОДПИСЧИКОМ «СМЕНЫ»

«Стыдно, конечно, что я на старости лет открыл заново для себя ваш журнал. Дочь купила его, чтобы разгадать кроссворд, а номер оказался таким интересным, что прочитал его от корки до корки».

В. ФЕДУНОВ,
Краснодар

«Я шофер и в течение шестнадцати лет выписывал только журнал «За рулем». Но вот в областной газете «Коммунар» прочитал в разделе «У нас в гостях» журнал «Смена» интересную подборку из будущих ваших номеров. Потом купил № 19 в киоске, узнал о планах редакции на будущий год — и вот так стал подписчиком на год 1984-й. Спасибо за красивый, яркий, доступный широкому кругу читателей журнал. В нем — рассказы о людях разных профессий, и это отлично. Вот только о нашем брате-шофере не забудьте рассказать».

О. ЛИСИЦЫН,
Тула

КРУПНЫЕ МЕЛОЧИ

«В вестибюле общежития № 1 висит стенгазета с сатирическими частушками: пора, мол, покупать керосиновые лампы и свечи».

Оказывается, из-за безответственности коменданта взяли и сняли лампы дневного света в холлах — ни лекцию провести, ни вечер организовать. А ведь информацию об этой ли, о других ли бедах общежитий имеют все — от начальника ЖКХ до секретаря горкома комсомола. Однако ничего не меняется. Свет, конечно, со временем сделают. Но сколько же надо ждать решения пустяковой проблемы? Почему такое равнодушие?

О производстве обычно заботятся все. А быт? От того, как организован быт рабочего, тоже зависит многое. В том числе и план.

Наши рабочие живут в новом общежитии. Секция из двух комнат рассчитана на четыре человека. Есть даже ванна, душ. Здание теплое, светлое. «И что вам еще надо?» — говорят нам ответственные товарищи из объединения «Уренгойгаздобыча». На планерках в сотый раз записывают в свои книжки вопросы жильцов: когда будет радио, когда начнут работать буфет, библиотека, когда оборудуют красный уголок, актовый зал и т. д. Многое, правда, можно сделать своими руками. Так мы делали, делаем и будем делать. Но пусть снабженцы доставят оборудование, РСУ сделает ремонт, ЖКХ оборудует холлы. Каждый должен работать на своем месте на совесть!

Разве нормально, что в общежитии, где живут почти 400 человек, нет красного уголка?

И еще проблема. Север — край молодых. А молодежи у нас на птичьих правах. Но если комендант может запретить семейным проживание в общежитии, то воспитатель так поступить не может. Ему работать с людьми, ему организовывать различные мероприятия, а люди пойдут за тобой лишь тогда, когда ты им друг, когда ты их понимаешь. И получается, что воспитатель все время «воюет» против администра-

ции, которая запрещает семьям проживать в холостяцких общежитиях. Значит, нужно обратить особое внимание на создание малосемейных общежитий. И на строительство культурных учреждений. Старая проблема молодых городов: куда пойти вечером? Ресторан в городе построили. А кинотеатра или Дворца культуры до сих пор нет. Обещают заложить... в 1986 году. Возможно, наше обращение через «Смену» подействует?»

Л. МУХАЧЕВА, А. ШАЛЕРУ,
г. Новый Уренгой

ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР

«Я давний читатель и почитатель вашего журнала. Вы постоянно освещаете самые актуальные проблемы современной молодежи, рассказываете о новых начинаниях.

Одно время была в журнале интересная рубрика «Работа в тягость — работа в радость». Мне кажется, что разговор на эту тему должен быть продолжен, и меня, я знаю, в этом поддержат многие читатели. Хотелось бы больше видеть на страницах «Смены» статей передовых рабочих, инженеров, директоров. Ведь от отношения к работе все зависит: и планы заводов, и даже моральный климат, и настроение в семье.

И еще. Печатайте статьи писателей, социологов, психологов о хороших, добрых семьях. Что греха таить: у семейного корабля много подводных камней. А мы, молодые, еще не умеем подчас смотреть на себя со стороны: а какой я, правильно ли себя держу на работе, в семье, с товарищами, как можно обойтись без конфликтов? Вопросы вечные как мир, но каждый из нас именно этими вопросами начинает свою жизнь».

В. ГОЛУБЕВ,
Одесская обл.

ПОМОЩНИК ПРОПАГАНДИСТА

«Я постоянный читатель журнала. Материалы, публикуемые в «Смене», оказывают большую помощь мне как пропагандисту в проведении занятий, в идеино-воспитательной работе среди молодежи. Как известно, июньский (1983 г.) Пленум ЦК КПСС поставил задачу коренного улучшения всей идеологической работы. В связи с этим я прошу вас почтче публиковать в «Смене» материалы на морально-этические темы: о коммунистической нравственности, о воспитании подрастающего поколения».

Х. КОЗЛОВ,
ветеран войны и труда,
г. Елабуга Татарской АССР

НИКТО НЕ ОСТАЛСЯ РАВНОДУШНЫМ

«Разрешите мне высказать большую благодарность редакции за публикацию рассказа «Предел» Виктора Шалатонова... В тот вечер я уснула раньше, чем моя дочь, и ей не с кем было поделиться впечатлениями от прочтения рассказа «Предел». Зато утром... Я буквально шагу не могла ступить по квартире, всюду,

Москва,
Бумажный
проезд,
14

возникла она. То рассказывала, то зачитывала целые куски из прочитанного. Это даже хорошо, что первой прочла не я. Мне было очень интересно услышать оценку от нее, узнать ее восприятие. Прочитав рассказ, я поняла, что дочь очень точно уловила авторскую мысль. Автор неназойливо, убедительно разоблачает хулиганов, срывающих «покрывало невиновности» и маску обиженных, раскрывая шаг за шагом их истинную сущность. Это действует!

Я рада, что на второй день дочь отнесла журнал своим товарищам в институт (у нас в городе — вечерний филиал политехнического института, где она учится и работает лаборанткой). Знаю, что «Предел» не оставил равнодушным никого из них. А это один из маленьких фрагментов в формировании их мировоззрения, их жизненной позиции».

Л. ЛИТВИНОВА,
г. Торез Донецкой обл.

МЫ ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ МИР ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Еще со студенческой скамьи читаю ваш журнал. Запомнился мне очерк журналиста Тараса Степанчука «Наташа и Марсель». Спасибо автору. Печатайте побольше материалов о дружбе народов, об интернационализме.

Нельзя без слез и душевного волнения читать о судьбе Александры Михайловны и ее товарища по борьбе Марселя Сою. Журнал читали в обеденный перерыв все подруги в цехе (работаю на Черноостровском трикотажном предприятии Хмельницкого производственного объединения). Прошло больше четырех десятилетий с начала войны, а боль утрат и пыныне отдается в сердцах миллионов. Война забрала моих

Конкурс Эрудитов Первый тур

Нынешний конкурс эрудитов будет разнотемным, и его вопросы коснутся многих сторон жизни и знаний. Для каждого из трех туров конкурса мы постараемся отобрать самые интересные вопросы из ваших писем.

В первом туре вы встретите как трудные, так и сравнительно простые вопросы. Но в любом случае не спешите с ответом, так как и самые простые вопросы не всегда столь просты, как кажется на первый взгляд.

В конкурс может участвовать любой читатель нашего журнала. На сколько бы вопросов вы ни ответили, присыпайте письмо.

Тридцати победителям первого тура будут вручены призы — книги, альбомы, почетные дипломы.

Поскольку членам жюри приходится изучать сотни писем, к вам обычна просьба: писать четко и разборчиво, на одной стороне листа; отвечать на вопросы в том порядке, как они заданы; предварить каждый развернутый ответ кратким, но точным, причем желательно другим цветом чернил. Желательно указать источники, где вы нашли тот или иной ответ. Со своей стороны, хотим сказать вам, что почти все источники, из которых взяты публикуемые ниже вопросы, вышли из печати в 1982 и 1983 годах. Разумеется, ответы могут оказаться и в других источниках.

Приятного вам досуга, дорогие читатели!

Домашнее задание первого тура конкурса эрудитов таково:

1. Как известно, Карл Маркс хорошо знал русский язык и мог свободно читать на нем. В его библиотеке было много книг на русском языке. На титульном листе одной из них, «Из огня да в полымя!», стоят данные: Сочинение Вас. Маркова;

С.-Петербург, 1876. Где на самом деле была издана эта книга и кто ее настоящий автор? К чему она призывала?

Г. ИВАНОВ, г. Ковров Владимирской области

2. Два мальчика бежали из детского дома и 1 Мая 1919 года оказались на демонстрации на Красной площади. Сохранился снимок этого дня: В. И. Ленин в открытом автомобиле повернул голову к этим улыбающимся двум мальчикам, один из которых вследствие стал академиком. Через 47 лет в Кремле ему, выдающемуся ученым, была вручена медаль лауреата Ленинской премии. Он писал стихи, и одно его четырехстишие приведено в «Сказке о Митьке и Маше, о Веселом трубочисте и мастере Золотые руки». Назовите ученого и автора сказки.

А. САДРИДДИНОВ, г. Нафталан Азербайджанской ССР

3. В столице социалистического государства стоит памятник: всадник, скачущий к восходящему солнцу. Памятник посвящен выдающемуся национальному деятелю, который в 1921 году беседовал с В. И. Лениным. На постаменте-скеле старинной вязью высечен завет. Прочитируйте завет и назовите его автора.

В. ЕРМАКОВА, г. Таштагол Кемеровской области

4. Когда поступила в обращение первая советская почтовая марка? Кто был ее автором?

Н. ШАЦИЛО, г. Бендери Молдавской ССР

5. Где и когда в нашей стране уже при Советской власти деньги печатали на шелке?

Д. ЗАИГРАЕВ, пос. Усть-Мая Якутской АССР

6. Московское уличное освещение началось 252 года назад по петровскому указу.

Трижды в день в редакцию приносят из экспедиции издательства мешки с редакционной почтой. Надо сказать, что мешки эти день от дня тяжелеют: 82 тысячи читательских писем получила за 1983 год «Смена». Цифра — рекордная: в 1975 году, например, «Смена» имела 18 тысяч писем. Есть и еще один признак высокого доверия и горячего интереса читателей к журналу: число подписчиков на 1984 год увеличилось почти на 100 тысяч. Что и говорить, добрый подарок читателей к 60-летнему юбилею «Смены».

Пользуемся случаем и от души благодарим и тех, кто поздравил редакцию с этой датой, и новых, и старых наших подписчиков, а для нас — друзей. В свою очередь, поздравляем всех читателей с 60-летием «Смены».

Дружба читателей с журналом, судя по их же признаниям, начинается по-разному. Знакомство подчас бывает случайным, но закономерно то, что интерес переходит в многолетнюю дружбу.

свекра со свекровью (оба педагоги), двух дядей. Отец, прошедший все ужасы лагеря смерти, ровесник Александры Михайловны, всю жизнь болел, умер, едва дожив до 50 лет. Он очень любил жизнь, детей, но трое моих детей так и не имели в жизни дедушки, мальчики очень завидуют тем, кто ходит с дедом на рыбалку, мастерит. Как мать, понимаю, на какой подвиг Вы шли, Александра Михайловна, став подпольщицей, подвергая риску маленького сына, его жизнь.

Мы, послевоенное поколение, в неоплатном долгу перед Вами, Александра Михайловна, перед Вашим другом, перед всеми, кто отдал свои лучшие годы, свою жизнь за наше светлое сегодня.

Мы желаем Вам от всей души счастья. Мы — это моя семья, подруги по работе. Всегда будем рады видеть Вас гостями в нашем цехе, у меня дома.

Трое детей в моей семье. Старший сын уже на учете в военкомате, хочет поступить в военное училище. Я тоже хочу, как многие матери на свете, чтобы навсегда исчезли все военные специальности на нашей планете. Но еще не время.

Ваше поколение, дорогая Александра Михайловна, завоевало для нас мир, мы должны сохранить его любой ценой. Я, как и мои товарищи по работе, готова подписаться под каждым словом Заявления Генерального секретаря ЦК КПСС. Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Ю. В. Андропова. С искренним уважением

Т. ПОПЕРЕЧНАЯ,
работница Черноостровского
трикотажного предприятия, Хмельницкая обл.

ВАШИМ ЧИТАТЕЛЕМ БУДУ ВСЕГДА

«Журнал «Смена» читаю уже пять лет и верю: подписчиком буду всегда. Каждый раз с волнением

открываю свежий номер, ибо это очередная встреча с людьми, жизнь которых есть выражение лучших человеческих качеств. Это — упорство, оптимизм, доброта, честность, товарищество, чувство справедливости, понимание всепобеждающей силы труда.

Читая журнал, чувствуешь пульс жизни молодежи нашей страны, проникаешься любовью к родной земле с ее реками и озерами, заповедниками и лесами. Я очень люблю литературу, поэтому с большим удовольствием читаю в «Смене» стихи и рассказы. С нетерпением буду ждать новых публикаций замечательных мастеров острооженных произведений».

Т. КАЛИНИНА,
г. Краматорск Донецкой обл.

НА ЛЮБОЙ ВКУС...

«Особенно мне нравятся ваши рубрики о русской культуре, как, например, в последних номерах о богородицкой жемчужине и лицеевых днях Пушкина (№№ 15 и 16). Такие страницы я всегда оставляю себе, а в конце года или двух пытаюсь их как-то соединить в одну книгу, журнал, что ли».

Е. ВОРОНОВА,
Москва

«Уважаемые товарищи! Я старый подписчик и читатель вашего журнала и всегда с радостью открываю новый номер. Но номер 12 открыл с опозданием. Все материалы очень интересны, а публикация об «Уралмаше» под заголовком «Семейный альбом» просто замечательная.

Очень хороша подборка материала из архива Д. Даудькова — поучительно и, несмотря на полуторавековую давность, звучит очень современно. Хороши рисунки Ю. Иванова».

П. СВАРИЧОВСКИЙ,
Москва

«Я очень давно выписываю журнал «Смена», вся моя семья читает с удовольствием. Нам нравится оформление, разделы и рубрики. Хотите пожелание? Тогда обратите внимание на современную моду — этим молодежь интересуется, и весьма».

Н. ДМИТРИЕВА,
г. Харабали
Астраханской обл.

«Чем привлекает меня журнал? Прежде всего спортивными рубриками: «Спорт в нашей жизни», «Физкультура», «Шахматная олимпиада», а когда в 1983 году появился «Турнир любителей спорта», я стал участником всех турниров. Молодежь и спорт — неотъемлемые понятия, и я тоже увлекаюсь спортом. С нетерпением жду каждого следующего номера: надеюсь, как всегда, встречу полезную, увлекательную информацию. Добавлю к этому, что я вырезаю повести, романы, переплетая их в отдельную книгу. Еще склеиваю книжки из материалов рубрик: «Жизнь замечательных людей», «Силуэты», «Автобиографии», «Мир капитала» и другие. Для этого, кроме

Что предписывал этот указ вообще и домовладельцам в частности? Что горело в уличных фонарях?

З. КРУПЧАТКИНА, Саратов

7. Через 15 лет после того, как советская космическая станция «Луна-3» вышла на орбиту спутника Селены и начала фотографировать ее обратную сторону, старший научный сотрудник Днепропетровского исторического музея В. Пименов, просматривая в библиотеке отдельные номера газеты «Московские губернские ведомости» за 1848 год, наткнулся на хроникальную заметку, в которой упоминалось поселение Байконур. В связи с чем?

Я. ЧУРСИН, г. Алматы Ташкентской области

8. О мастерстве этого музыканта ходили легенды. Иезуиты, травившие его, говорили, что он продал душу дьяволу, откуда будто и бесовское очарование его игры. Музыкант выступал только для широкой публики. Когда английский король предложил ему выступить перед ним за большое вознаграждение, артист с достоинством отказался: «Его величество, — сказал он, — может услышать меня за значительно меньшую сумму, если посетит концерт в театре». О ком идет речь? Сколько фуг он написал без помощи инструмента?

С. АБЕЛИНА, Владивосток

9. В одном индийском музее выставлена горошина диаметром 17 миллиметров. Неизвестный мастер сделал ее полой. Внутри горошины — 40 слоников. Умелец, узнав об этом, сделал из органического стекла коробочку и внутри ее поместил шарик, равный «индийской горошине». Назовите умельца. Что он поместил внутри шарика?

Н. ГРИБОВ, г. Хотин Черновицкой области

10. Первыми Джомолунгму (Эверест) 29 мая 1953 года покорили новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей. А когда на вершину земли поднялась

подпись экземпляра журнала, я покупаю в киоске один-два номера, — вот как я вас люблю! Это искреннее признание я делаю, поздравляя одновременно сотрудников редакции с 60-летием журнала».

В. СОЛОВЬЕВ,
Гатчина Ленинградской обл.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ»

«В Никополе с большим вниманием был встречен очерк Б. Шурделлина «Дважды мастера» («Смена» № 19, 1983 г.). Хотя в материале речь о роли спорта, но факты и выводы шире обозначенной темы. Перед читателем предстал город-труженик, город-спортсмен в новом, интересном для самих никопольчан лице. Кроме того, в материале четко обозначены актуальные для города проблемы. Усиливает интерес к очерку иллюстрированный материал фотокорреспондента А. Лехмуса. Увеличение числа подписчиков на «Смену» в Никополе находится в прямой связи с тем вниманием, которое проявил журнал к нашему городу, к его трудовой жизни, социально-экономическим переменам, год от года изменяющим облик Никополя. Желаем коллективу редакции новых творческих удач».

А. ПРУДКОВ,
первый секретарь Никопольского
горкома Компартии Украины

Сотни писем получает «Смена» с просьбой рассказать о творчестве советских и зарубежных ВИА. В течение нынешнего года «Смена» представит творческие портреты вокально-инструментальных ансамблей: «Автограф», «Москва», «Круиз»...

Любители современных песен прочитают в «Смене» материалы о творчестве таких популярных исполнителей, как Анне Вески, сестры Ротару, Альберт Асадулин, Тынис Мяги.

Традиция журнала — публикации острооженных или научно-фантастических повестей и романов с продолжением. Любители этого жанра литературы просят в своих письмах традицию продолжать: в частности, об этом — в письмах читателей Е. Парамонова из г. Кировска Мурманской области, В. Марковой из г. Горловки, А. Жметко из Ахангара Ташкентской области, Е. Шепеля из Тернополя и других. Редакция сообщает читателям, что в нынешнем году будут напечатаны приключенческие повести.

Очень много писем-записок приходит в редакцию от любителей конкурсов. «Смена», пожалуй, единственное издание, в котором ежегодно проходит 6—7 конкурсов одновременно. Наши конкурсы расчитаны на широкий круг читателей, мы учтем самые разнообразные читательские интересы и увлечения.

Одним словом, деловое, заинтересованное отношение читателей к своему изданию, выражаемое в письмах, — свидетельство наложенной так называемой обратной связи: читатель — «Смена» — читатель. Надеемся, что дружба в новом году будет взаимно подтверждена новыми интересными материалами в «Смене» и новыми интересными письмами от читателей.

Что предписывал этот указ вообще и домовладельцам в частности? Что горело в уличных фонарях?

З. КРУПЧАТКИНА, Саратов

11. Назовите самое старое на земле озеро. Сколько ему лет и во сколько раз оно старше следующего за ним по возрасту озера?

Ф. АЛЕКСЕЕВ, Архангельск

12. Когда и кем была составлена первая в мире программа для вычислительной машины?

В. ДАМДИНОВ, Улан-Удэ

13. В 1825 году в Париже был издан сборник пьес «Театр Клары Гасуль». Теперь все знают, что это была мистификация и пьесы написал Проспер Мериме. Но часть тиража издания украшал портрет выдуманной испанской комедиантки. Кто на самом деле был изображен на портрете и кто его автор?

В. ЦАГАРАЕВ, г. Моздок Северо-Осетинской АССР

14. Больше всего спутников у Сатурна. Ученые предполагают, что их 21. Но достоверно открыты 17. Назовите их.

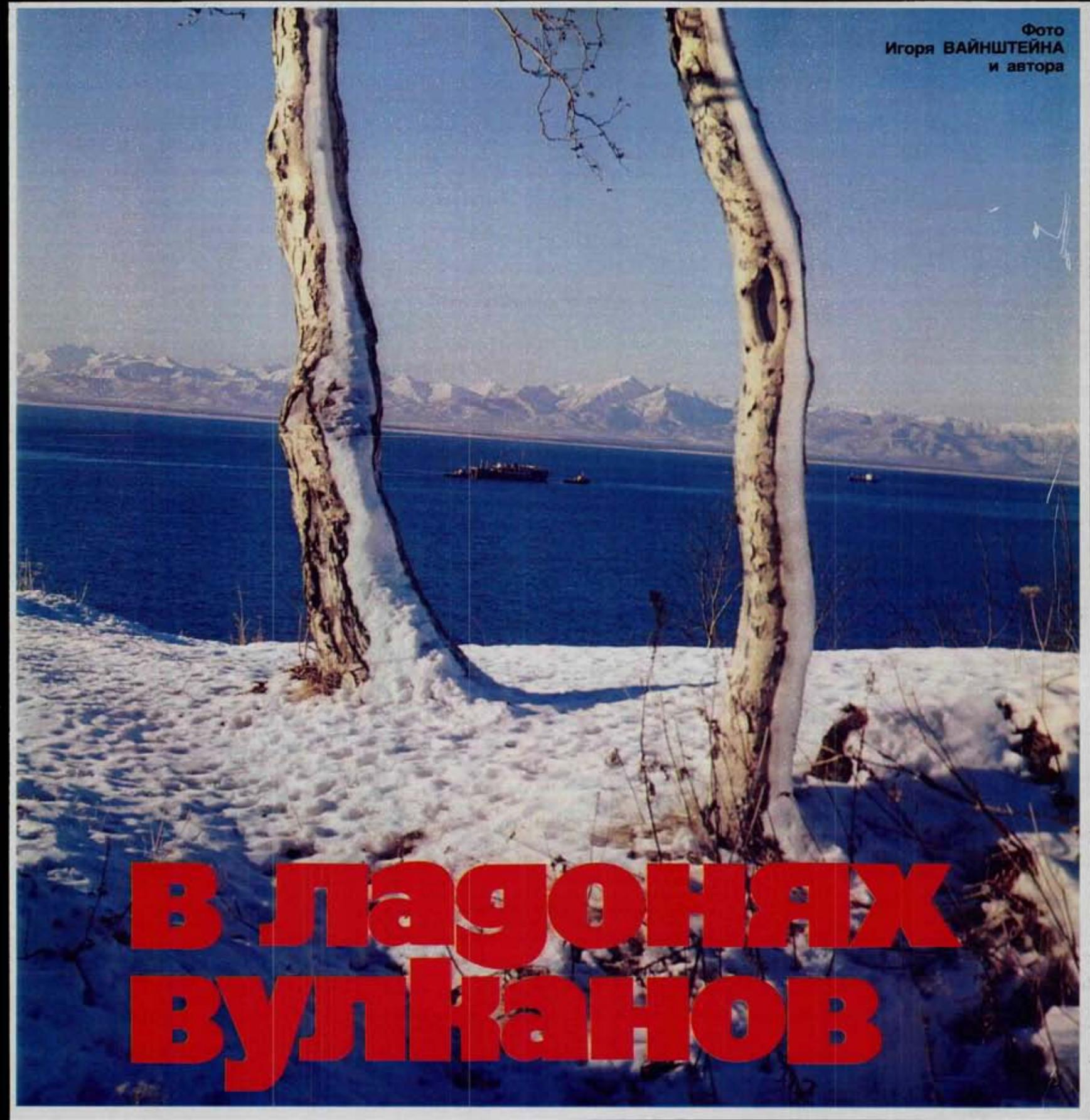
15. На землю падает неисчислимое количество снежинок. Сколько разновидностей их, хоть в чем-то отличающихся друг от друга, известно?

А. ЛЕВ, Москва

Ждем ваши письма с ответами на вопросы первого тура. Последний срок отправки их — 30 марта. На конверте пометьте: «Конкурс эрудитов. Первый тур». Дорогие читатели! Ждем от вас также новых писем с вопросами для третьего тура конкурса.

Фото
Игоря ВАЙНШТЕЙНА
и автора

В ладонях вулканов

Олег ДЗЮБА

С вечера ветер ломился в стекла, но облака не показывались. В любом другом городе можно было счесть, что дождь и морось миновали его стороной, но только не в Петропавловске-Камчатском. Поэтому уже за полночь, когда почернели окна соседних домов, я все же вышел из подъезда. Звезды были по-прежнему ясны, зато из-за Сухарной сопки, в полукилометре от меня, выполз светлый язык тумана, на глазах заполняя низину улицы. Поначалу туман стоял только у подножия горки, но с каждой минутой он взмывал все выше и выше, пока не «запеленал» еле различимую на фоне звезд за последними городскими кварталами гряду вулканов. Первым канул

из виду Козельский, самый близкий к океану. Горнолыжникам, которые завтрашним субботним утром наверняка отправятся на его вечные сугробы, повезло. Облако к утру исчезнет, зато изведет комаров, которым негде будет укрыться от холода на шлаковых и снежных полях вулкана.

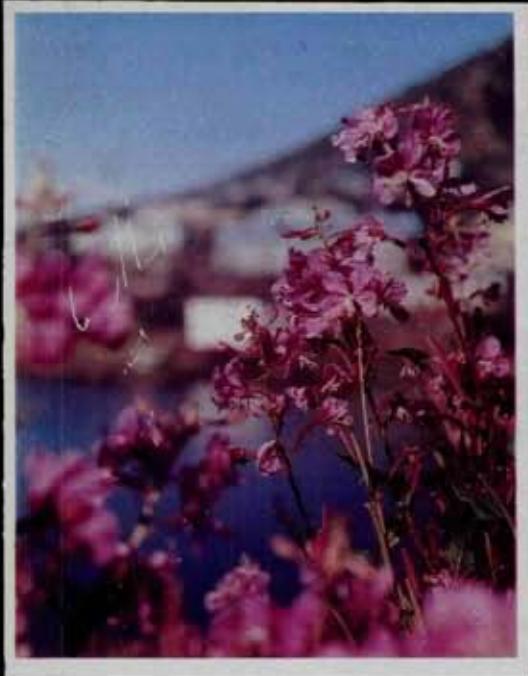
Вслед за Козельским пропала из виду двухкилометровая Авачинская сопка, а еще через полчаса полностью скрылся в мареве соседний конус Корякского вулкана.

Утром я увидел, что красноватый конус Авачи заблистал рт снега. Надо было запомнить дату, потому что есть наивная, но нередко сбывающаяся примета: выпал снег на Авачинском вулкане — ровно через сорок суток жди пурги в Петропавловске-Камчатском. Примету я проверял уже двенадцатый год. Иной раз предсказание сбывается день в день. Иной раз циклон вместе со снежными зарядами запаздывает или набегает пораньше. Но чаще всего снег хотя бы раз непре-

менно запорошит улицы к октябрьскому дню очередной годовщины первого появления на рейде Авачинской бухты пакетботов Витуса Беринга и Алексея Чирикова, дню рождения моего города, вставшего на грани России и Тихого океана.

Петропавловск-Камчатский вытянулся сегодня почти на двадцать километров от причалов колхоза имени В.И.Ленина до судоремонтной верфи. Дальше город еще не забрался, да и тянуться ему на восток уже некуда. Там утесы, метающие выход из Авачинской бухты, «ворота», как прозвали их еще при Беринге. За «воротами» — уже Тихий океан.

Основателем города считается Беринг, но задолго до того, как пакетботы «Святой Петр» и «Святой Павел» сошли со стапелей в Охотске и отправились на Камчатку, в этой гавани, первой на пути грядущих странствий, на лесистых берегах Авачи уже стучали топоры. Штурман II Камчатской экспедиции Иван Елагин вместе со своими матро-

ЛЕТОМ СКЛОНЫ СОПОК СВЕТЛЯЮТ
ОТ СИРЕНЕВЫХ СОЦВЕТИЙ ИВАН-ЧАЯ.

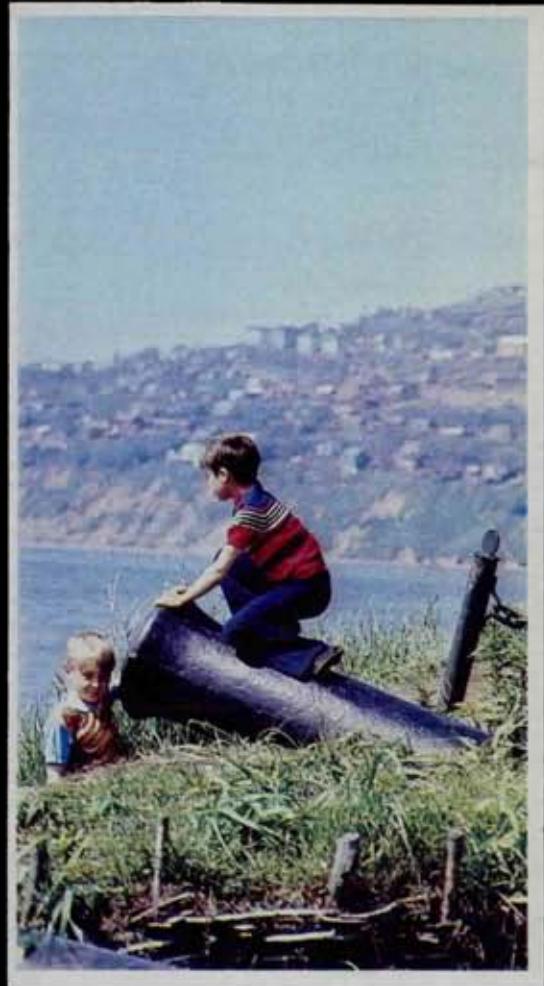
В ПРОШЛОМ ВЕКЕ НА ЭТИХ БЕРЕГАХ
ГРЕМЕЛИ ПУШКИ...

двадцать два человека, посланные за какой-то надобностью из Верхне-Камчатского острога на юг полуострова через восточное океанское побережье. Было это в 1703 году.

Казаки отправились в путь с Камчатки накануне осени. С припасами у них было не густо. видно, надеялись прокормиться охотой, но океан исходил штормами, дичи не было, только от щедрот своих прибой оставлял на гальке длинные желто-зеленые ленты морской капусты. Тем они и жили, пока в сентябре не оказались в защищенных от ветра распадах среди сопок Авачинской бухты. Люди немного передохнули, и отряд отправился дальше.

Ни Преснечев, ни казаки его, понятное дело, ведать не могли, что когда-то уйдут отсюда в океан корабли Беринга, что на этом рейде прогремят якорные цепи многих знаменитых парусников, что побывают здесь «Дискавери» и «Резолюши», завершившие экспедицию погибшего на Гавайях Джеймса Кука; «Буссола» и «Астролябия» Жана Франсуа Лаперуз, «Надежда» первого русского плователя вокруг света Ивана Круzenштерна, что парижский коммунар и знаменитый географ Элизе Реклю отведет бухте «право лучшего порта на свете» и что в наши дни тысячи окон будут отражать свои огни в ее водах, а десятки судов будут разом покачиваться на ее рейде.

... Мы с товарищем яхтсменом-любителем Юрием Назаровым кружили по бухте под крохотными треугольничками парусов до темноты. Вечерний ветер вынес яхту к маленькому заливу неподалеку от рыбакского поселка Сероглазки. С рейда наш костер, отделенный от городских огней темной полосой безлюдного берега, наверное, смотрелся одинокой искоркой. Неподалеку промчалась мо-

сами уже ладил первые дома поселка, названного потом Петропавловской Гаванью. Но и Елагин явился сюда отнюдь не по одному наитию. Россияне, пришедшие на Камчатку более чем полувеком ранее, принялись обживать полуостров всерьез. Задолго до штурмана и его ватаги на дремучие берега вышел казак Родион Преснечев и с ним еще

НОВЫЕ КВАРТАЛЫ
ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО
НА ФОНЕ
КОРИЙСКОГО ВУЛКАНА.

Дмитрий ФИЛИМОНОВ

Люди на асфальте

На лыжне

Высокие сосны
сыпаны снегом,
И в белом безбрежье
встречаются с небом.
А лыжи шипят
по лыжне между сосен,
И вторник улыбчивый
в меру морозен.
Давно не катался,
совсем разучился...
Расходятся лыжи,
как римские числа:
То — двойка, то — десять,
и вот я в сугробе,
И мне — дважды два —
эти лыжи угробить.
Катящимся мимо
хочется звонко.
Меня обгоняет
со смехом девчонка
В бордовом костюме,
по виду студентка,
Стройна и тонка,
словно вербная ветка.
И вот — я герой,
как ветер, по трассе
Лечу, повышая
свой уровень в классе,
Теперь я спортсмен,
и забыта усталость.
И где-то за далью
девчонка осталась.
Но что это?!
Где моя светлая нота?
Мне больше за ветром
бежать неохота.
Законы скольженья
отброшены к черту!
Плетусь по лыжне,
ожиная девчонку.

На асфальте белоснежным мелом,
Безнадежно-белым, мертвобелым,
Люди нарисованы, но люди
Неподвижны в круговерти буден.
Все у них на месте: руки, ноги,—
Но... не оторваться от дороги.
Многие пытаются смеяться,
Видимо, надеются подняться.
И, пока в зените светит солнце,
Маленькая вера остается.
Но никто притом не забывает,
Что дожди
с асфальта мел смывают...
Кто нарисовал? — наверно, дети.
Детям прекрасно жить на свете.
Дети не подумали, что людям
Станет неподвижность горем лютым.
Дети, к сожалению, не знали,
Что не все подняться могут сами,
Что нередко сила притяжения
Отнимает волю и движенье.
Если бы могли представить дети
Ужас одиночества на свете.
Им легко, они нарисовали,
И как будто незнакомы с вами...
Всем, кто нарисован на асфальте,
Я кричу с надеждою: «Вставайте!»
Я срываюсь, я охрип, но люди
Неподвижны в круговерти буден.

Волшебная струна

Я грущу осенней ночью,
И со мной не знают сна
Только жизни многоточье
И волшебная струна.

Никому меня не видно,
И никто не различит,
Как прекрасно, как невинно
В сердце музыка звучит.

В ней не горы, и не реки,
И не повесть о себе.
Эта музыка навеки
Посвящается тебе.

И теперь я знаю точно,
Если кончится она,—
Оборвутся многоточье
И волшебная струна.

У холста смеются дети...
Не понять им, что творится—
Словно слайды, на портрете,
Появляясь, гаснут лица.

То актриса модной драмы,
То студентка, то девчонка,
Смотрят пристально из рамы...
И смеются дети звонко.

На меня бросают взгляды,
Но хранию я строго тайну...
И меняются, как слайды,
Лица в раме не случайно.

У вас любовь, а мне какое дело.
Я ничего. Я в гости. Просто так...
Я посижу. Поговорю несмело,
Одергивая старенький пиджак.

Прослушаю знакомую пластинку,
На ваше счастье молча посмотрю...
И, проглотив привычную грустинку,
Как дверь в былое, сердце затворю.

И, попрощавшись, извинюсь по ходу.
Пойду домой, спокойно и не зло.
А если выйдет светлая погода,
Я улыбнусь — опять же — повезло.

торка. Пенистый след от винта почему-то искрился зеленым. Проверяя догадку, я швырнул в воду попавший под руку камень. Темнота полыхнула в ответ зеленоватой вспышкой. Мы спустились к воде, окунули в нее ладони. По ним разбежались искры. Вдалеке прошел буксирный катер, тоже оставляя за собой светящуюся полосу.

Крохотные водоросли, расплодившиеся в воде за непривычно теплые для Камчатки недели, излучали призрачный свет. Нечаянный фейерверк никак не мог насущить. Наконец, когда в океане забрезжил утро, бухта погасла, а на противоположной ее стороне выступили из полумрака остроконечные мысы, напоминающие окаменевших китов.

— Ты какой уже год здесь? — спросил я Юрия.

— Шестнадцатый, — ответил Назаров.

— А на материк не тянет?

— Но ты же и сам больше десяти лет не уезжаешь... Как с этим всем расстанешься? А?

Я вспомнил его графические листы (товарищ мой — главный художник Камчатского театра). На них пурга, обернувшись невиданным, фантасмагорическим зверем, обвивала балконную решетку; вулканы, мудрые, как египетские пирамиды, протыкали небо, исчерченные следами самолетов; крутая океанская волна мотала утлы парусники... Как рассстаться? — об этом задумывается чуть ли не каждый, пусть даже заехал он на берега Авачи случайным туристом. Едва под крылом Ил-62, заходящего на посадку, привидятся гладь океана с белыми, еле различимыми с высоты скобочками бурунов и карабкающиеся по ощущению с воздуха крутизне суда, чувствуешь, как что-то начинает твориться с тобой. Потом, сойдя с трапа, завороженно заглядываешь на сахарные головы вулканов, часом позже почувствуешь запах соленой воды и заприметишь частокол мачт у причалов. И будешь не раз откладывать заранее намеченный день отъезда.

«...Умеющие разрешать загадки жизни почти всегда остаются в Сибири и с наслаждением в ней укореняются. Впоследствии они приносят богатые и сладкие плоды», — писал Достоевский. В его время еще не

различали Сибирь и Дальний Восток, поэтому слова писателя впору отнести и к земле, о которой ведем наш рассказ.

Говорят, что какой-то матрос из экспедиции прославленного мореплавателя Василия Головнина, отзывааясь о Камчатке девятнадцатого столетия, буркнул себе под нос: мол, не иначе как тут сам черт лагерем остановился. В каждой шутке есть доля правды. Летом здесь холодно и туманно, и не так часто выберешь субботу для парусной прогулки. Зимой — пурга за пургой, и весь город рассечен снежными надолбами. Штормы, способные и современные океанские суда играющими выбрасывать на берег Авачи. Я помню одну такую бурю. Спасательные буксиры, добрую неделю не могли стянуть с городского пляжа выброшенные на песок траулеры.

Землетрясения, которые то и дело тревожат покой полуострова. Чем же объяснить загадку привязанности к этой земле, которую и в малой степени не растолкуют перечни льгот для районов, приравненных к Крайнему Северу?..

Может быть, корни этой привязанности нужно искать еще задолго до тех лет, когда население Петропавловской Гавани стало более или менее постоянным?

Экспедиции Кука и Лаперуза были тепло встречены местными жителями, но, когда во времена Крымской войны англо-французская эскадра ворвалась в Авачинскую бухту, скудный гарнизон гавани оказался наготове. Незадолго до этого крохотный краеветвенный город, встревоженный вестями о начавшейся на другом конце Ойкумены войне, встречал фрегат «Аврору». В перуанском порту Кальяо англичане и французы попытались было задержать «Аврору», предчувствуя, что вот-вот придут вести о войне, но командир фрегата капитан-лейтенант Изильметьев все же выскользнул из ловушки, затерявшись от преследователей в океане. Приход «Авроры» и решил впоследствии исход петропавловского боя. Матросы, казаки, простые горожане выдержали затяжную бомбардировку корабельных орудий с рейда, и, когда красные мундиры английских солдат показались на гребне Никольской сопки, защитники Камчатки шты-

ковой атакой сбросили их на берег, к баркасам, еле-еле успевшим доставить уцелевших под защиту корабельных орудий.

Артиллерийскую батарею одного из героев боя, погибшего от ран лейтенанта Александра Максутова, уже в наши дни реконструировали на берегу. В память о храбрецах было решено не рубить ни единой березы на Никольской сопке. Обычай этот сохранился до последних лет. И до сих пор находят по берегам пушечные ядра, оставшиеся в земле после обстрелов англичан и французов. А в честь камчатской «Авроры» ее именем позднее назван другой корабль. Звездный час этого крейсера наступил осенью 1917 года.

Богатые и сладкие плоды дарят Авачинская бухта да и вся Камчатка тем, для кого она стала родной. Я нередко встречаю на улицах Петропавловска-Камчатского старого ихтиолога Иннокентия Александровича Полутова. Предания, сохранившиеся в его семье, гласят, что далекий предок ученого, уроженец Великого Устюга Дмитрий Полутов еще в восемнадцатом веке ходил на Аляску на боте «Святой Николай». Иннокентий Александрович и его сыновья изучают океан в нашем веке.

На юбилее Института вулканологии я встречаю доктора геолого-минералогических наук Софью Ивановну Набоков, первую женщину, поднявшуюся на высочайший вулкан Евразии Ключевскую сопку, и тут же вспоминаю, как несколько лет назад, находясь в районе грандиозного извержения вулкана Толбачик, не раз слышал в эфире голос ее сына, тоже вулканолога Игоря Меняйлова.

Я веду прихваченного сына к детскому врачу Олегу Долматову, а в первое воскресенье апреля не забывая поздравить с Днем геолога его отца, Бориса Константиновича.

В любой из камчатских биографий можно найти страницы, будто предназначенные для страниц будущих романов. Я убедился в этом еще раз, когда увидел на столе Долматова-старшего книгу с дарственной надписью кого-то из друзей-геологов. Шутливое посвящение перечисляло множество случаев, приключавшихся за минувшие полевые сезоны. Сезо-

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

Пускай я в жизни не устроен
И скользок шар земной,
Я знаю — звезды надо мной,
И я спокоен.

Пускай мое лицо до боли
Кривит от мелочей,
Зато, как ветер, я — ничей,
И я доволен.

Пускай за честность мне ответят
Презрительным кивком.
Грозились тучи испокон...
А солнце светит!

Пускай не встречу соучастья,
Пускай поймут на третью,
Я буду петь, гореть и петь,
И в этом — счастье!

Мудреца спросил глупец:
— Уважаемый мудрец,
Вы не пробовали жить
По-другому? Может быть...
Но мудрец остановил:
— Я не пробовал, я жил.

Любовь не начинается с любви.
Влюбленному об этом
знать не хочется.
И все-таки, как сказку ни зови,
Любовь растет в душе
из одиночества.

И первый взгляд,
убивший наповал,
Явившийся внезапно, как падучая,
Давным-давно
в душе существовал,
Скрываясь до намеченного случая.

В метро, как всегда, толкотня,
И я пробиваюсь к вагону,
Но сносит от двери меня
Толпа, как волна, по перрону.

Будь я не лодочника с веслом,
Будь я даже авианосец,—
В слепом океане людском
Волна меня все-таки сносит.

Гудит под ногами перрон...
Войдет — кто сильней и моложе.
Я должен ворваться в вагон,
Пускай — без рубашки, без кожи,

А если и мясо сдерет —
Протиснуться голью скелета.
Чтоб слышал сквозь ребра народ
Кричащее сердце поэта!

По шпалам за поездом
мчалась собака.
Хозяин уехал, навечно уехал.
Мелькали на склонах
дорожные знаки.
Хозяин уехал, навечно уехал.

Давно впереди
расторвались вагоны,
Над лесом закат
поднимался пожаром.
По шпалам,
под крик одинокой вороны,
За призрачным
прошлым собака бежала.

Она не догонит, она не успеет,—
Быстрые собаки
стремительный скорый...

Никто не сумеет, никто не сумеет
Догнать уходящие в сумерки споры

И те разговоры, и давние встречи,
Ошибки,
которые надо исправить.
Со скоростью света
летят бесконечность,
Взметая в лицо
безнадежности гравий.

Никто не сумеет...
За прошлым,
как будто за суперэкспрессом,
Я вижу — бежит человек,
словно счастье
Не скрылось,
последним вагоном, за лесом.

Безмерна молодость... Когда
Сады природы засыпают —
Смешиную рожицу пруда
Веснушки листьев осыпают.

И ветер, вскинувший листву
Над миром, полон вешней силы.
И сонмы звезд — где я живу —
Во все века неугасимы.

Предпочти меня другому.
Не бери на душу грех.
Я хожу от дома к дому.
Я пою печальней всех.

Под ногами плашут лужи.
Серый зонт над головой.
Но пока тебе я нужен,
Я — счастливый, я — живой!

нов было много, происшествий не меньше. Судя по их содержанию, геолог Долматов успел попробовать себя и в роли архитектора, и мореплавателя, и плотника. Дочитав до конца, я не удержался и спросил хозяина, что же в конце концов ему сделал так и не удалось? Долматов воспринял известную ироничность вопроса спокойно и сказал: «Лыжи однажды понадобились смастерить, а не получилось...»

...В тот полевой сезон его партия работала в верховьях большой реки, впадающей в Авачинскую бухту. В конце октября юркие вертолетчики МИ-2 вывезли с базы почти всех. Оставались в лагере только начальник партии (он, подобно капитану, возвращается в город последним), кто-то из геологов, опоздавший на вертолет из-за сложного маршрута, и шурфовщик.

Сначала они ждали погоды без волнений, равнодушно поглядывали по утрам на затянутые туманом оstryaki и спокойно консервировали лагерь до будущего сезона. Продукты таяли, как масло на сковородке, а прояснения все не было. Они решили уходить. Расстояние по геологическим меркам было небольшим, чуть меньше сорока километров. Если бы не грузы, они давно вышли бы к людям пешком, но тем временем снег, что ни день сыпался с неба, вырос до двух метров. Решили соорудить подобие лыж и иди. Кроме топоров, в них было несколько стволов чозений — камчатских ракит, срубленных еще летом. Помнится, Робинзону Крузу удавалось получить из древесного ствола только одну доску. Располагая неопределенными запасами времени, Робинзон стесывал древесину с двух сторон до необходимой толщины.

Троица решили по-другому. Мягкие стволы чозений удалось легко расколоть пополам. Подтесав и подстрагив древесину, получили подобие досок, по ширине приближающихся к лыжам. Они не проваливались в снег и даже вроде бы скользили. А вот загнуть концы никак не удавалось. На фабриках дерево изрядно пропаривают, сгибают и дают просохнуть. Долматов с коллегами тоже пытались прогревать свои заготовки над костром, но добились только

весьма условной закругленности. Из ремней и обрезков брезента соорудили крепления и поутру отправились в путь. Поверх рюкзака Долматов посадил кота, привезенного еще летом вертолетчиками. От долгого общения с экспедиционными собаками тот почти разучился мяукать, зато совсем по-собачьи поскучивал время от времени. Ко второму часу пути кот утомился балансировать на рюкзаке и обвил лапами долматовский воротник. С известной натяжкой он заменил меховую горжетку.

Поначалу они шли легко, но поодаль наткнулись на уже обледеневший сверху снег. Лыжи намертво уходили в глубину, и вполне можно было счесть, что к каждой ноге подвешено по двухрудовке. Когда остановились передохнуть, Долматов спустился к реке за водой, а вернувшись, обнаружил шурфовщика сидящим на снегу. Работать руками этот парень умел как никто, но ходить маршруты ему не приходилось, словом, вставать он не хотел...

Кот перевернулся котелок и слипал со льда всю воду, пока двое поднимали третьего. Жизнь не всегда в мире с правилами хорошего тона. Им предстояло либо вернуться втроем, либо втроем остаться на пойменных террасах реки...

Уже за полночь они поняли, что проскочили тропинку к людям. Ориентиром был мост, который знающие эти края издавна называли «чертовым». Мост остался выше по реке. Пришло время возвращаться. Когда Долматов вытащил пистолет в тусклой надежде, что на том берегу рассыпят выстрел, вязло щелкнул курок. Замерзший механизм не смог разбить капсюль. Наконец, они нашли мост. По нему явно не ходили несколько дней — снег, облепивший настил, покрылся зонкой ледяной коркой. Потом из мохнатой звездной ночи донеслось потявливание собак. Они шли ровно двадцать два часа.

...Я люблю бродить по берегам бухты. В ясную погоду нависают над городом конусы вулканов, у памятника Берингу непременно фотографируются туристы или моряки из других дальневосточных портов, на глазах дают прощальные гудки и снимаются в рейс суда, напоминая, что бухта — залив океана.

Достаточно миновать проходную рыбного порта,

чтобы оказаться в ином мире. Там у причалов отдыхают траулеры, там имена знаменитых капитанов знают лучше, чем хоккейных бомбардиров, там в дни возвращений с промысла, пусть даже и приходятся они порой на пурпурные февральские дни, причали расцветают от множества букетов.

Мне и самому не раз приходилось прощаться с берегом на этих пирсах. Последний раз это было в мае. Склоны городских сопок, несмотря на позднюю весну, были еще покрыты снегом. Буксирик портфлота втянул наш супертраулер из акватории порта на рейд. По левому борту показались и на несколько минут стали совсем близкими «Три брата», три замшелые скалы, третье столетие встречающие и провожающие корабли у ворот Авачинской бухты.

Был ветер с востока, но как ни пронизывал он всех, кто собрался на палубе, никто не спешил в каюты. Это в традициях — не покидать палубу, если свободен от вахты, пока не откатится на самый горизонт громада Авачинского вулкана, пока не окунется в волны пульсирующий огонек маяка, пока еще носятся над мачтами крикливы прибрежные чайки, которых наутро сменят гордо парящие над мачтами молчаливые океанские птицы.

Полночи тянулись за иллюминаторами скалистые берега Камчатки, а с рассветом открылся самый северный в Курильской гряде остров Шумшу.

Августовской ночью сорок пятого года к Шумшу тоже шли корабли. Их караван вышел из Авачинской бухты тихо, без оркестров. Ни огонька не светилось на бортах. Наглоу были задраены иллюминаторы, расчехлены орудия на палубах. Залпам, прогремевшим через несколько часов, суждено было вскоре положить конец второй мировой войне.

Бинокль приподнял над морем мачты далекого судна. Солнце сбиралось окунуться в воду, и, когда светило коснулось волн, видно было, как по его нижней кромке рассыпались щербинки. Далекие горы заслоняли последние отблески света.

В распадках тех гор, наверное, зеленели деревья. Я подумал, что глаза устали без зелени. Траулер уходил, когда в Петропавловске-Камчатском

«УХОДИМ ЗАВТРА В МОРЬ...»

только-только собирались лопаться почки, выходило, что ребятам не придется в этом году послушать шум листвьев. К их возвращению листву разнесут ноябрьские циклоны. Там же, в береговых горах, торопились к океану реки. И наш траулер тоже кружил над руслом гигантской «реки» — течения Курноско, прорезавшего Тихий океан.

Течение, разбросав множество рукавов, бурлило глубоко под нами. По краям его «проток» блуждали косяки скумбрии.

Пророкотала над палубой команда, траловая вахта загасила сигареты. Гидроакустик отправил в воду «самолет» — устройство и впрямь похожее на крылатую машину. Датчик, закрепленный на нем, ловит сигналы другого, установленного на трале, и сообщает, удалось ли зацепить косяк рыбы.

Оставалось только ждать. В рубке пахло электричеством — с перьев самописцев, рисующих на лентах рыболовных приборов очертания всего содержимого воднойтолщи, срывались синие искорки. Вроде бы есть рыба на ленте. А в трале?

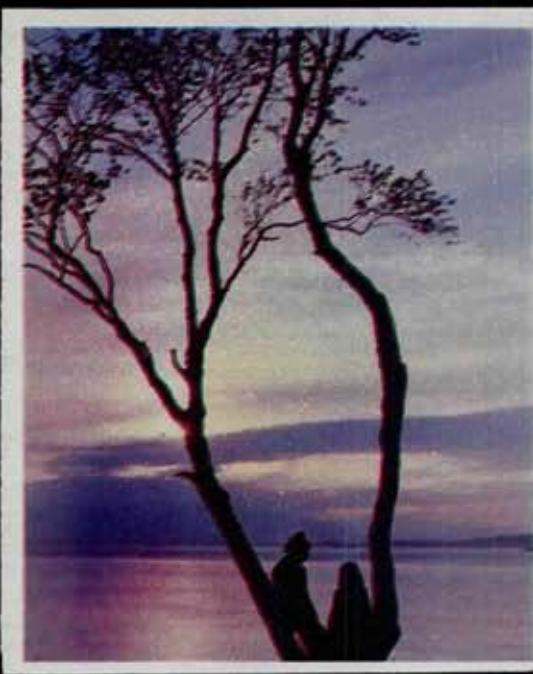
Добрых пол-экипажа собралось на крыльях промысловой палубы. Завертелись барабаны лебедок, прогрохотали по доскам грузила. Вползла

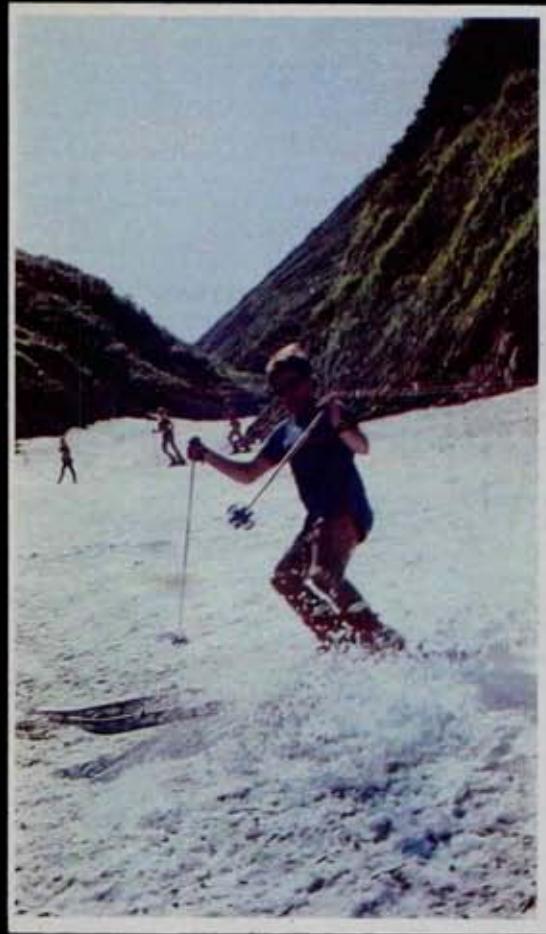
по слизи раздувшаяся от улова «авоська» кутка. «Тонн шестьдесят», — довольно обронил боцман рядом со мной.

Океан кормил Камчатку издавна. Еще и речи не заходило о дальних океанских рейсах, даже прибрежные моря были недоступны, но косяки лососей, что ни лето приходящие в родные реки на нерест, помогали людям дожить до весны. Тот, кому посчастливилось увидеть ход лососей, никогда не забудет мощные всплески рыбин, которых не останавливают ни перекаты, ни отмели, простирающиеся в реках жаркими летними днями. Порой кажется, что река или озеро переполнены пылающими углами.

Несколько лет живут мальки лососей в реках, наконец, окрепнув, они скатываются в море, уходят за тысячи миль, чтобы вновь, теперь уже красавцами лососями появиться в родных водах. Система их жизненной ориентации, позволяющая рыбам вернуться не просто на Камчатку, а именно в ту речку, озеро или ручей, откуда начались их океанские странствия, так же загадочна, как и все еще не разгаданные природные «компасы» птиц. Но лишь малая часть мальков доживает до выхода в океан, слишком много опасностей подстерегает

НЕТ БОЛЬШЕЙ РАДОСТИ ДЛЯ РЫБАКА,
ЧЕМ ПОЛНЫЙ ТРАЛ.

КАМЧАТСКИЕ ГОРНОЛЫЖНИКИ
ОДНИ ИЗ СИЛЬНЕЙШИХ В СТРАНЕ.
ТРЕНИРОВАТЬСЯ ЗДЕСЬ
МОЖНО КРУГЛЫЙ ГОД.

гают их в реках. А нельзя ли изменить биологический цикл лососей, сократить речной период их жизни? Когда-то сама мысль об этом могла показаться кощунством.

Я стоял у бетонного бассейна. Прямо под ногами резво вились мальчики кижучка — одной из разновидностей лососей. Нетрудно было заметить, что в соседнем бассейне кижучата были куда крепче. Но биологические «часы» их жизни были запущены природой одновременно. Научный сотрудник камчатского отделения Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии Юрий Басов пояснил:

— Во втором бассейне вода немного теплей...

Многолетние эксперименты ихтиологов убеждают, что, выращивая мальков лососей в подогретой воде, можно добиться того, что за один-единственный год рыбки окрепнут для океанских плаваний. Может быть, и впрямь станут когда-нибудь лососи прирученными странниками, послушными расчетам ихтиологов? И помогут в этом термальные воды, парящими ключами бьющие из камчатской земли. Строительство первого завода для разведения лососей в термальных водах вскоре начнется неподалеку от горячих источников Паратунки, известных своими целебными свойствами.

Бухта. Меня то и дело тянет писать это слово с большой буквы. И не только потому, что другой подобной Аваче нет. Для всех, живущих на ее берегах, она не просто залив великого океана, не просто уникальный порт, не только гигантский кратер доисторического вулкана. Она часть нашей жизни, неотторжимая и незаменимая. Историки еще спорят о происхождении ее названия. Среди многих версий есть одна, несравнимая с другими поэтичностию и правдоподобием. Предполагают, что оно произошло от слова «авача», как некогда коренные обитатели Камчатки — ительмены — называли русских землепроходцев. Так и стала бухта Авачей — Русской бухтой. Выходит, знаменитый вулкан впору назвать Русской сопкой, бурную реку — Русской рекой. Недаром же стали привычными слова — здесь начинается Россия. Здесь — на русском берегу.

Однажды летней ночью, когда по всей стране шумят выпускные балы и школьные вальсы зву-

ТУМАНЫ И ДОЖДИ
ПРИВЫЧНЫ В ЭТИХ КРАЯХ КАЖДОМУ.
ПОЭТОМУ СОЛНЕЧНЫЕ ДНИ
РАДУЮТ ВДВОЙНЕ.

чат до самого утра, я вместе с шумной гурьбой выпускников пришел на борт катера. Он снялся от причала, походил немного галсами по солнному рейду Петропавловска-Камчатского, а потом, стояло за «воротами» бухты заставить солнцу, повернув к океану. И в ту минуту, что оказались мы между двух маячных огней, в воду полетели цветы. Волны покачивали оранжевые тюльпаны и нарциссы, а какая-то девчонка бросила за борт букетик обычновенных одуванчиков, которые в начале камчатского лета щедро усыпают городские газоны и склоны сопок.

— Смотрите, куда поплынут, — закричала она. Если к берегу — то короткая у нас дорога будет, а нет, так длинная.

Солнце поднималось все выше. Встрепенулся ветер, и цветы медленно понесло все дальше от нас, в океан.

ВИЛЮЧИНСКИЙ ВУЛКАН —
ОДИН ИЗ КАМЕННЫХ СТРАЖЕЙ
АВАЧИНСКОЙ БУХТЫ.

В клуб «Музыка с тобой» приходит немало писем с просьбой рассказать о сегодняшнем дне и перспективах электронной музыки, о композиторах и музыкантах, ведущих интересный и плодотворный поиск в этом сравнительно новом направлении.

Синтезатор. Дитя электронного века. Оно может быть одушевлено, это дитя, той неповторимой, глубинной эмоцией, которую передает звуку талант музыканта; но может быть и бездушной музыкальной ЭВМ, электронная память которой механически воссоздаст любой звук — не более. В этом основной вопрос перспективы синтезатора. И тут не может быть альтернативы: человек, соединивший свои усилия с «музыкальной ЭВМ», должен быть не оператором-программистом, а именно творцом. Творцом музыки.

Выполнив пожелания читателей, мы предлагаем их вниманию зарисовку о творчестве композитора Эдуарда Артемьева — одного из тех, кто находился у истоков создания электронной музыки в нашей стране.

СИНТЕЗАТОР? ДА!

Виталий АБРАМОВ

Даждивый июльский день шестидесятого года. Из подъезда Московской консерватории вышел молодой композитор. Остановился у объявления: желающих приглашали участвовать в экспериментах по синтезу звука. Не раздумывая, молодой человек направился к телефону-автомату: в его портфеле рядом с двадцатью фортепианными прелюдиями Дебюсси лежал прошлогодний номер журнала «Техника — молодежь» со статьей о Евгении Мурзине, создателе первого фотозадорного многофункционального синтезатора.

Не его ли это объявление?

Целый год молодой музыкант, увлеченный импрессионизмом Дебюсси, раздумывал о возможностях поиска необычных тембров и звуков на новом инструменте — синтезаторе, а теперь — реальная возможность воплотить родившиеся идеи в жизнь? Но синтезатор — машина, бездушное хитросплетение радиодеталей, можно ли от его тембров ждать выражения сложных и противоречивых человеческих эмоций, одухотворенности?..

Встреча создателя синтезатора и композитора состоялась в тот же день. Дверь открыла пожилая седой мужчина со спокойным взглядом и уверенными жестами.

— Здравствуйте, молодой человек! Вы Артемьев? Проходите...

Эдуард Артемьев узнал в тот день, что еще в тридцатые годы Евгений Александрович Мурзин увлекся идеей создания нового инструмента. Сам он не был музыкантом, и путеводителем в прекрасном мире гармонии и звуков стало для него творчество композитора Александра Николаевича Скрябина. Занимаясь основной профессией — электроникой (специалисты знают так называемый «алгоритм Мурзина»), он также в течение многих лет работал над созданием синтезатора. Инструмент был назван «АНС», что означает «Александр Николаевич Скрябин».

Мурзин знал, что поле деятельности, которое в состоянии освоить электронная музыка, необъятно, чувствовал возможности электроники в передаче через музыкальные звуки всего многообразия окружающей нас жизни. Но тогда было разрушить барьер предвзятости — результат холодной электронной музыки 40—50-х годов. Синтезатору не везло. Только и оставалось, что вспоминать слова Скрябина: «Чтобы стать оптимистом в настоящем значении этого слова, нужно испытать отчаяние и победить его».

Вскоре началось сотрудничество инженера Мурзина и композитора Артемьева. Первая ласточка — предложение в 1962 году от Вано Мурадели записать несколько музыкальных фраз для киноленты «Мы шли навстречу». После этой работы каждый сделал выводы для

себя. Мурзин учел недостатки в работе синтезатора и принял за сборку второго «АНС». Артемьев же понял: чтобы новый метод записи музыки не превратился в формальное звукотворчество и не стал дежурным в озвучивании шумов для кино, необходимо смело исполнять на синтезаторе серьезные произведения, прикоснуться к музыкальной классике.

Эдуард Артемьев сосредоточился на работе для кино, потому что «АНС» не предназначался для концертных выступлений. Возможностей для непосредственного контакта со зрителем не было, эксперименты в студии грозили остаться экспериментами, в то время как цель композитора была музыка — полноправная и полнокровная, призванная заинтересовать слушателя.

Через несколько лет, имея уже немальный опыт работы в кино, Артемьев написал музыку для фильма «Солярис». Многократное наложение при записи оркестровки прелюдии Баха позволило Артемьеву по-своему развить классическую мелодию. Когда она звучит во время просмотра любительского фильма, привезенного космонавтом Кельвиным на станцию «Солярис», мы видим скопий пейзаж, людей — жену и сына космонавта. Возникает ощущение сопричастности со всем земным, обычным, близким каждому человеку. Музыка в этот момент позволяет понять: человек не стремится завоевать космос, он просто хочет расширить Землю до пределов Вселенной. Во многих последующих фильмах Эдуард Артемьев не раз еще использует фрагменты из произведений Монтеверди, Дебюсси, Генделя, Доницетти.

В 1972 году после Московской выставки звукозаписывающей аппаратуры

у нас в стране появился новый инструмент «СИНТИ-100», приобретенный при содействии Д.Д. Шостаковича. Основанный на совершенно другом принципе действия, нежели «АНС», «СИНТИ-100» обладал огромными возможностями в создании синтезированных звуков и тембров. С тех пор многие продолжатели дела Мурзина работают на этом инструменте.

Одна из самых интересных работ Эдуарда Артемьева — музыка к фильму «Сибириада». Она часто звучит во многих теле- и радиопередачах, привлекая своей полифоничностью: в ней и русский протяжный напев, и романтическая окрыленность, и жесткая поступь современных эстрадных ритмов. Интересно, что сам Артемьев не считает музыку к «Сибириаде» чем-то этапным, объясняя популярность лишь использованием ритм-группы. Но если взглянуть со стороны, то станет ясно, что для четырехчасовой кинопозмы было создано своего рода «энергетическое музыкальное ядро» электронной музыки, исполняемой на «СИНТИ-100». Другое дело, что размеры фильма не позволяли детально разработать и предельно углубить каждую тему.

Развитие электронной музыки означало повсеместным использованием полифонических синтезаторов в рок-музыке. Эстрада так активно эксплуатировала уже найденные тембры, что многое из недавних открытий стало похоже на затертые клише. Этому противопоставлены свежесть звукового рисунка и метафоричность музыки Артемьева. Нет, Артемьев не против рок-музыки. Хотя в общем потоке массовой культуры много наносного и банального, существует еще и серьезный стиль. Его характерные черты:

экспрессия, порыв, лиризм, вовращающий в себя глубину личностного переживания.

Вскоре после «Сибириады» композитор начал обдумывать замысел создания рок-оперы по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Сейчас ансамбль «Поющие гитары» работает над ее постановкой, параллельно группа «Бумеранг» делает студийную запись. Проблем много, так что точную дату постановки не может назвать никто. Однако уже появились скептики: Достоевский и рок-опера?! Нет смысла спорить, ибо рано говорить, насколько удачно сложится судьба этого сочинения. Бессспорно другое: новые формы в искусстве появляются не для того, чтобы разрушить и потеснить старые. Они дополняют и развивают существовавшие ранее, ярче высвечивают значимость классики для современного человека.

По мнению Артемьева, экзальтированная трагичность интонаций рока способна выразить страсти Раскольникова, ожесточенное борение его чувств и мыслей. В музыкальное полотно войдут элементы народной, симфонической, обрядовой музыки. Опера будет богата иллюстрирована звучанием электронных клавишных инструментов, ведь для Артемьева это шаг к сцене, к непосредственному общению со слушателем.

Шаг к сцене. Он не первый. В 1974 году для концертной работы музыканты-электронщики, а среди них Артемьев, создали группу «Бумеранг», но ее выступления в то время выглядели неубедительно, потому что партии синтезаторов воспроизводились магнитофоном, а исполнители как бы подыгрывали записи. Только в канун 1983 года «Бумеранг» подготовил программу, не уступающую по многообразию звучания тому, что записывается в студии. Для этого во время концерта потенциометрами синтезатора управляет не один, а сразу несколько звукооператоров. Возникает, правда, некоторая зависимость музыканта от инженера, но это не более чем компромисс роста, возникший из-за относительного несовершенства аппарата.

Инженеры упорно работают над новыми проектами синтезаторов. Создан, например, инструмент «Синтклави», способный взять на себя функции чуть ли не целого симфонического оркестра. С постоянным усовершенствованием аппаратуры должна возрастать и требовательность музыкантов к себе. Иначе, несмотря на потрясающие возможности аппаратурой, электроника может превратиться в цитадель эпигонства и механического подражания образцам. Каждое новое произведение — проводник новых идей и мыслей, если же этого нет, то лучше прислушаться к словам, сказанным некогда Р. Ролланом: «Первый закон искусства: если тебе нечего сказать — молчи».

егодня, когда так редко удается отыскать в искусстве что-либо единственное в своем роде, когда все, что оказывается открытием, тут же становится моделью для вариаций, тиражирования и получения новой пользы, вдруг возникает явление, сущность и щедрость которого в постоянном создании на наших глазах музыки, которая никогда не звучала раньше и никогда более не повторится.

Джазовая импровизация. Она — явление современности, хотя многие тысячелетия, пока не была изобретена нотная грамота, не было иной музыки, кроме импровизационной; звуки музыки отождествлялись исключительно с теми, кто их пел или извлекал из музыкальных инструментов. На музыку отвечали не одними аплодисментами, как это принято сейчас, но и музыкой, и вот в живой массовой практике такого общения в каждом народе формировался свой самобытный музыкальный язык. И все же великое искусство импровизации уходило в область легенд, а на его месте воздвигались два других великих искусства — искусство сочинения музыкальных произведений и искусство прочтения их нотной записи.

Видимо, очень хотелось музыкантам вернуть себе дар музыкальной речи. И не потому ли джаз, это искусство музыкальной игры, музыкальных монологов и диалогов, искусство музыкального общения, с особым энтузиазмом был воспринят именно в Европе, так по этому общению истосковавшейся. Благодаря джазу импровизация пережила в наше время второе рождение. Джаз вернул импровизацию на профессиональную сцену.

Мы знаем, конечно, что в джазе не одни сплошные экспромты, в этом искусстве не обойтись сегодня и без композиторов и исполнителей в обычном значении этих слов. Но все начинается с человека, продолжением которого является музыкальный инструмент. Все начинается с музыканта, говорящего музыкой, говорящего от своего имени.

Леонид Чижик — один из интереснейших музыкантов такого типа, художник увлекательный, сложный, противоречивый.

Исключительная музыкальность проявилась у Чижика очень рано. Ребенком он более всего любил подбирать вариации на тему популярных мелодий. Но еще более увлекала его такая игра: сесть к роялю, взять какую-нибудь ноту, еще не зная, что будет дальше, за нее вторую, третью, пока не почувствуешь, как из ничего рождается музыка, которой никогда не было...

Джаз он услыхал, когда ему было лет 10—12. Эта музыка очаровала его тотчас: вот где встретил он свободную игру со звуками, как бы вылетающими из сердец музыкантов. Какой ритм, какая энергия, какая жизнь была в этой музыке! Вот как надо играть, вот образец для музыканта. Надо срочно искать единомышленников и играть, играть, играть...

...Родился и вырос Леонид Чижик в Харькове. Судьба джазовой музыки в этом городе не была особенно счастливой, здесь неоднократно прикасалась к джазу и тут же, как бы обжегшись, отдергивали руку. В начале 20-х годов Юлий Мейтус, будущий известный композитор, автор оперы «Молодая гвардия», собрал здесь один из первых советских джаз-бандов. Но первое начинание молодого музыканта вызвало такую бурную дискуссию в местной печати, что новоиспеченным глашатаям джаза, и без того слабеньким, пришлось пробовать свои силы на других поприщах. А вскоре в городе появился настоящий джаз — негритянский ансамбль Френка Уиттерса со знаменитым саксофонистом Сиднеем Беше. А потом в Харькове начинали И. Дунаевский, К. Шульженко, Б. Ренский, и у них не обходилось без джаза.

Наверное, какие-то джазовые флюиды остались в Харькове, затаились в каменных лабиринтах его архитектуры, растворились в его воздухе — на эстрадах многих городов сегодня можно встретить тех, кто начинал играть джаз в этом городе...

Первой попыткой профессиональной работы было участие в лучшем ресторанном ансамбле, игравшем в полуджазовой, полузадорной манере, но давшем Чижику важный урок джазовой импровизации, где нужна собранность, готовность к инициативе, мгновенная музыкальная реакция, чувство ансамбля и партнера. Здесь был заложен фундамент того, что впоследствии стало творческим принципом Чижика — говорить музыкой.

— Мой путь в джаз напоминает близкодания

Тезея в лабиринте, — говорит пианист. — В пятнадцать лет, когда я еще учился в харьковской музыкальной школе, я стал аккомпаниатором сборной команды Украины по художественной гимнастике. Студентом Московского музыкально-педагогического института имени Гнесиных работал концертмейстером в эстрадном оркестре под управлением Леонида Утесова. Позже — музыкальным руководителем театра... Ариадниной нитью была для меня все эти годы любовь к джазу.

В школе его интересовало все: и фортепиано, и композиция, и теория музыки. Но аккомпанировать движению, танцу, выражать пластику тела в звуках — это тоже большая школа. Вспомним, что юный Шостакович работал «киноиллюстратором» — аккомпанировал немым фильмам. Так и Чижик — ему приходилось лишь мельком глядеть в ноты, а в основном

выходит на сцену один. На рубеже этих двух этапов Чижик играл и в трио и соло. Вот как он сам объяснял разницу между этими двумя жанрами:

— Первый — заранее подготовленные ансамблевые композиции. Мы их играем вместе. Второй — «интуитивная музыка», spontanно рождающаяся прямо на сцене без каких-либо заготовленных схем. Ее я играю один. Она для меня — наилучший джаз. Это как бы мое ощущение жизни. Мне хочется передать ее изменчивость и бесконечность таким конечным средством, как звук моего рояля. Это реакция человека на круговорот материи и ее развитие, это спонтанная реакция музыканта на эпоху, климат, человеческие отношения. Для меня джаз — это бесконечное развитие, исходной основой которого являются пространство и время.

И сегодня, когда Чижик играет соло, в его концертах представлены два жанра. Один — это импровизация на популярные, известные всем мелодии. Пианист здесь — как солист в невидимом ансамбле: соблюдаются тональность, гармония и объем темы, музыкант как бы ведет нас по хоженой дорожке, показывая то, чего мы до него не замечали, мы способны сами мысленно подыграть ему, в каждом такте, в каждой ноте быть судьей и ему и себе. Публика это моментально чувствует и остро реагирует на течение музыки: то как бы ветерок прошелестит по залу, то он замрет, то разразится аплодисментами в разгаре пьесы. Это естественно здесь — музыкант ведет диалог с залом.

Строгие вариации, догадаетесь вы. Нет, не только. Чижик широко пользуется и тем, что называют вариациями характерными. Он расчленяет мелодию, работает отдельными фрагментами, исследует их так и этак, притачивает их один к другому, заставляет нас гадать, что получится, и вот, как из зернышка, на наших глазах вырастает сочная мелодия, дышащая ароматными гармониями — ну как же мы не узнали ее сразу! — и уже лица расплываются в улыбках.

Другой его жанр — абсолютно спонтанная композиция. Кажется, нет такой музыки, которая была бы закрыта для Чижика, неподвластна его все умеющим пальцам. Пианист легко перепрыгивает через эпохи и континенты, сталкивает несовместимое, легко пританцовывая, перепархивает

от триольного ритма джаз-рока к купереновской мелизматике, от григорьевской сентиментальности к рабочеминовской эпичности, от аллегорических взрывов современного авангарда к упрямому гарлемскому саунгу. Его рояль звучит как оркестр.

А начинаются такие пьесы часто с тишины.

Чижик пробует один

звук за другим, вслушиваясь в них отстраненно, как артист, всматривающийся в зеркало перед выходом. Затем может исподволь начаться «выход», петрушечный променад под диссонансный марш, знакомый бодрячок, интонационно отсылающий нас к ранним «дягилевским» работам Стравинского и Прокофьева. А вслед за этой неуклюжей развалицей, как ошеломляющий трюк — стремительный пассаж двумя руками. Остановка, пауза — и лирический фрагмент, почти элегия, взгляд внутрь, воспоминание, боль и умиротворение. Не автопортрет ли это артиста, импровизатора, ежеконцертно умирающего перед нами, чтобы в следующий вечер родиться вновь?

Это монолог. И судить о нем мы можем, лишь выслушав его до конца, ибо на наших глазах родилось сочинение, музыкальная форма. Просто мы были свидетелями ее творения.

Но уж раз это композиция, то не лучше ли создавать ее загода, не выносить эксперименты на публику? Из возможных ответов на этот вопрос один дает Леонид Чижик:

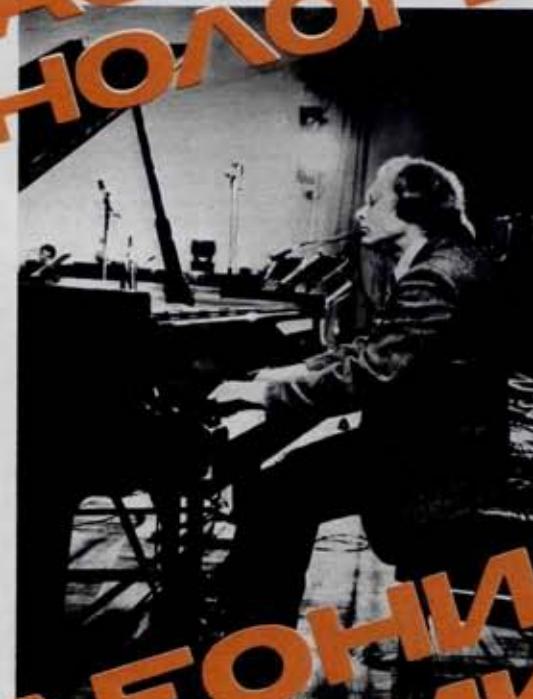
— Я понимаю, что по форме, по наполнению можно спонтанные композиции могут быть совершенные. Но, приобретая совершенную форму, они неизбежно теряют то, что импрессионисты называли «впечатлением». Поэтому я никогда не повторяю своих импровизаций.

Действительно, Чижик за десять лет не сыграл двух одинаковых концертов. И не забудем, что единомышленники Чижика — полные залы, приходящие слушать его спонтанные композиции и концертные экспромты. Разумеется, его музыка может и не подобрать ключа к нашей душе, не разбудить в ней художника. Однако Чижик — музыкант очень тонкий и чуткий, и гораздо чаще мы ощущаем чудо рождения новой музыки и ни с чем не сравнимого открытия, сделанного и пианистом и — пусть чуточку — нами тоже. В этом монологе глубоко запрятан диалог с каждым из нас, диалог, идущий по каким-то неведомым путям поверх музыки.

Музыки, ставшей мировоззрением человека, слитого с роялем.

ДЖАЗОВЫЕ МОНОЛОГИ

ЛЕОНИДА ЧИЖИКА

стремиться к тому, чтобы осуществлять «синхронный перевод» движения в музыку. Ясно, что таким переводчиком мог быть только импровизатор.

Придя к твердому убеждению, что импровизация — столь же высокое искусство, сколь и создание художественных произведений, Леонид Чижик начинает искать путь на профессиональную сцену. Этот путь пришлось прокладывать по целине — на эстраде в то время импровизаторов не было, были только исполнители сочиненного заранее. Как это так — играть то, чего нет? Внимать тому, что исчезает, едва родившись?

В 1965 году он попадает в трио Германа Лукьянова. Пожалуй, именно здесь Чижик стал по-настоящему ансамблевым джазменом, у него развилось чувство ритма, чувство ансамблевого пространства, партнерская реакция, способность отвечать игрою на игру. И кроме того, в ситуациях конструктивно четкой, строгой музыки Лукьянова он оказался партнером со своим голосом, со своей темой — лирической, трепетной, ускользающей. Чижик сразу обратил на себя внимание свежестью своего дарования.

И мало кто знал, что в это время он усиленно готовился к академическому конкурсу, по нескольку часов не отходил от инструмента и перенапряг, перенапряг руки. Приговор врачей был однозначен: конец пианистической карьеры. Музыканту нелегко было пережить этот удар, психологическую травму. То, что он вернулся к исполнительству, — подвиг.

Десять лет Леонид Чижик на профессиональной джазовой сцене. Срок достаточный для подведения итогов, хотя бы промежуточных, поскольку артист находится в поре зрелости, расцвета, перед ним широкая дорога будущих художественных открытий.

Первую половину этого срока он играл в ансамбле, в трио. Сегодня мы уже привыкли, что Леонид Чижик

Юлиан
СЕМЕНОВ,
Александр
ГОРБОВСКИЙ

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Первая мировая война была войной империалистической, войной за передел колоний. Колониями владели Англия, Германия, Франция. Но Россия, такое же империалистическое государство, как и другие, входила в это переплетение экономических, военных и политических интересов. Передел мира, — писал В. И. Ленин, «не мог на основании капитализма произойти иначе, как ценою всемирной войны»¹.

Но накануне войны Россия была уже чревата революцией. Вот почему то, что делали русские военные патриоты-разведчики, заносилось в архив истории уже не только по ведомству царской России. На их дела в той или иной мере падал отблеск приближавшейся революции.

Подвиг разведчика Колаковского, разоблачившего германского агента Мясоедова, ждет еще подробного и скрупулезного исследования военных историков. Когда эта работа будет проделана, версия, изложенная нами, обретет новые детали, а возможно, и иной ракурс. Вот почему на том, что рассказано на этих страницах, рано ставить точку.

Решетки на окнах были легки, шуточны, однако, когда арестант потрогал их, воспользовавшись отлучкою немца, к нему приставленного, убедился — не выпоманы, сделаны, что называется, от души, не на один день...

— Еще раз расскажите подробно, как вы попали в плен? — спросил офицер генерального штаба германской армии, чиновник бюро разведки Бауэрмайстер, говоривший по-русски свободно, без акцента (чему, впрочем, удивляясь — до мая 1914 года жил в Петербурге как русский подданный, подвизался в сфере страхования имущества).

— Вы же знаете... Ваши солдаты схватили меня контужеными; патронов к нагану не было, отстреливаться нечем...

— Бедненький русский офицер... Нечем отстреливаться... Японцы в таких случаях кончают жизнь кинжалом.

— Кинжалы для русских офицеров поставляли до войны ваши заводы, клинки слишком быстро ржавели и крошились; не харакири ими делать, а старикам пятки щекотать...

— Стоит ли так злобно отзываться о нашей военной индустрии?

— Стоит. Это для вас она военная, для нас — изменническая.

— Изволите по-прежнему дерзить?

— Нет. Просто называю кошку кошкой...

— Так ведь это и есть высшая форма дерзости!

— В моем положении она-то и есть спасение...

— Ваше имя?

— Вы же знаете...

Бауэрмайстер, словно бы не слыша собеседника, сказал еще раз, будто со стороны:

— Имя?

— Яков.

Бауэрмайстер повторил удовлетворенно, словно бы любясь чем-то, одному ему видным:

— Яков... Прекрасно... Яков... Почти Якоб, очень близко к прусскому, не находите?

— Нахожу, отчего ж нет?

— Итак, Яков... Имя отца, пожалуйста.

— Вы знаете...

— Пожалуйста, имя отца?

— Павел.

— Павел. Почти Пауль. И, наконец, фамилия?

— Колаковский.

— Что-то есть в звучании польское, не находите?

— И отец и дед мой православные, католиком никто в роду не был.

— Ну, а как же тогда прикажете понять, что вы православный, русский... Кстати, каков полк?

— Перед вами лежат мои данные, господин Бауэрмайстер.

— Вот я их и намерен перепроверить.

— Тогда я отказываюсь говорить с вами. Я офицер! Коли я сказал о своем согласии, извольте мне верить, а не устраивать пустые перепроверки... Мы так в гимназии баловались, в шестом еще классе, слабеньких духом пугали, начитавшись «Бесов»...

— Вы стали значительно более говорливым после того, как мы подкормили вас в лазарете...

¹ В. И. ЛЕНИН. Полное собрание сочинений. т. 34, с. 370.

Колаковский откинулся, словно от удара.
— Вы своему начальству доложите: отныне я вообще говорить с вами перестаю и предложение свое беру обратно.

— Поздно, Яков Павлович. Ваше согласие служить германской разведке уже зафиксировано на фонографе, так что отказ ваш невозможен. Очень сожалею. В случае отказа мы ошельмую вас в глазах офицеров двадцать третьего пехотного Низовского полка... Хотите послушать запись нашей беседы, когда вы в первый раз изволили дать трещинку? А я, словно капля, в трещинку — юрк, юрк и затялся... И ждал, пока мороз ударит... Лед камень рвет, словно порох. Яков Павлович...

— Ну и какой же вам смысл меня шельмовать? Каков прок? — спросил Колаковский, хрустнув пальцами так, что гимнаса свела лицо немца.

— Прок таков, чтоб другим было неповадно финтить! — отрезал Баузмайстер.

Колаковский поднялся из-за стола.

— Встаньте, пожалуйста.

— Это еще зачем?

— Я ударю вас по лицу, дабы вы имели основание вызвать меня на дузль.

Баузмайстер вздохнул, закрыл глаза, долго сидел недвижно, потом откашлялся:

— Хоть я и могу вас швырнуть в карцер, ибо вы наш пленник, но тем не менее прошу принять мои извинения, Яков Павлович... Простите, но в разведке проверка — ведь необходимая. Мы ж вам, коли передадим петербургскую агентуру, вручим судьбы людей, наших друзей, так что, Яков Павлович, не держите на меня зла, коли можете...

Колаковский опустился на стул, снова хрустнув пальцами.

— Разве ж можно так, право... Тем более я пленник... Ну, да ладно, я удовлетворен вашим ответом вполне, лжи нет в нем...

Баузмайстер чуть поклонился, лицо его снова дрогнуло:

— А не слишком ли вы меня легко простили? Нет ли в этом простолюдинства? Истинный дворянин не может быть столь снисходителен к оскорблению.

Колаковский перегнулся через стол и резко ударил офицера.

Тот упал с кресла, ударившись головой об угол стола.

Колаковский поднялся, вышел в соседнюю комнату, крикнул дежурным:

— Поднимите вашего командира, он хлипкий...

Никто, однако, не ответил ему. В приемной Баузмайстера тоже было пусто.

Колаковский вышел в соседнюю комнату — никого; в третий тоже.

Он толкнул ногой тяжелую дверь, что вела на улицу, — подалась легко.

Колаковский хмыкнул, вернулся назад, сказал Баузмайстеру презрительно:

— Ладно, поиграли и будет. Бежать смысла нет: схватите. Или — или. Коли у вас нет нужды начать со мною серьезное дело — верните в лагерь, надоело мне подлаживаться под ваши дурацкие проверки. Отчего я согласился работать на вас, хотите понять? Оттого, что в России сейчас правят дури, которые ведут империю к краху. Поднимать ее из руин предстоит Европе; ближе всех к нашим границам вы; следовательно, вы-то именно и станете работать с нами; так не лучше ли договориться о форме сотрудничества, при котором насильник и мерзавец, то есть вы, станете выполнять по отношению ко мне те условия, которые мы обговорим заранее, пока вы во мне более заинтересованы, чем я в вас?

После семидесяти четырех часов утомительнейших допросов состоялся обед в особняке генерального штаба. Генерал, принимавший Колаковского и Баузмайстера, заключил трехчасовую трапезу словами:

— Мы поручаем вам в Петербурге организацию диверсии, Яков Паулович, мы подвигаем вас на террор — именно вы должны будете застрелить великого князя, и, наконец, мы вам доверяем ценнейшее наше приобретение — жизнь и честь друга, Яков Паулович, имя друга — Мясоедов; звание — полковник жандармерии, кличка в нашей разведке — «Шварц», оклад — сорок тысяч марок в год.

Через девятнадцать дней поздней ночью в квартире подполковника генерального штаба Ивантеева, что на Мойке, задребезжал звонок.

Сонная прислуга не разобрала имени, побредла в покой барина. Тот спал отдельно от супруги, в своем кабинете, возле телефонного аппарата.

— Кто-то к вам, Леонид Фомич, — сказала горничная, — а кто — не пойму.

Ивантеев лежал на диване одетым, словно бы ожидал этого прихода.

Посмотрел на часы; стрелки показывали три часа утра.

— Ложитесь спать, Григорьевна, — сказал он, — я сам гостя впущу.

Света в прихожей Ивантеев не зажигал; когда вошел гость — обнял его, прижал к себе, ощущая чужой запах шинели, провел в кабинет.

Колаковский — а это был он (никакой не офицер

пехоты, но сотрудник русской военной контрразведки) — чуть что не обвалился в кресло и сказал:

— Вы были правы... Все эти годы правы... Будь мы все прокляты... Мясоедов действительно их агент.

Ивантеев протянул Колаковскому папиреску, поднес обжигающе близкий огонь спички, спросил:

— Пароль и отзыв к нему вам дали?

— Да.

— Явку?

— Тоже.

— Это в протоколе допроса, который с вас станут потом снимать, не открывайте, ясно?

— Ясно.

— Сейчас — спать, утром — за рапорт на мое имя, составим вместе, а потом — вплоть до ареста; если бог даст, мы сможем его на этот раз взять. Из дома моего не выходить, вас шлепнут незамедлительно...

Агент разведки германского генерального штаба, полковник жандармерии Мясоедов был одним из начальников контрразведки ведомства России.

О его предательстве говорили не первый год: публично его обвинили в германофильстве член Государственной думы октябрьщик Гучков; в популярнейшем «Новом времени» один из наиболее влиятельных журналистов России, Суворин, прямо объявил Мясоедова человеком, стоящим на службе иностранных интересов.

Казалось, такого рода обвинения несмыкаемы.

Увы, нет.

Об этих обвинениях тем не менее говорили в обществе шепотом, ибо генезис страха, вдавленный в головы подданных, предписывал и на сей раз: «Молчи и будь подальше!» И не зря страх шевелился в сердцах людей: военный министр Сухомлинов — любимец царя; Мясоедов — любимец Сухомлинова. И все тут! Логическое построение иного порядка, кроме как «Молчи! Т-ccc!», попросту невозможно было в те годы.

Подполковник Ивантеев, несмотря на царивший страх, тем не менее в течение многих месяцев собирали по крупицам документы, неопровергнуто свидетельствовавшие об измене Мясоедова. Он при этом понимал, что без главной улики, без явок, паролей, без связей, без того, чтобы германские разведчики не назвали своего агента, он не сможет в обход министра Сухомлинова, а точнее говоря, в обход царя арестовать жандарма.

И поэтому, когда началась война, русские военные разведчики, стоявшие на патриотических позициях, отправили в действующую армию ряд наиболее талантливых сотрудников для того, чтобы внедриться в германскую разведку и получить улики против сановных изменников, засевших в Петербурге под защитой скипетра российского самодержца и его августейшей подруги...

Колаковский такую улику получил, остальные его коллеги погибли «при исполнении долга»...

...Назавтра, минуя Сухомлинова, втайне от него был отдан приказ: арестовать полковника жандармерии Мясоедова как шпиона, выдавшего Берлин и Вене секретнейшие данные России...

Особенно одно «дело» Мясоедова было вопиющим по своему коварству. Именно ведь потому, что Сухомлинов смог назначить Мясоедова на столь секретный пост в военном министерстве, произошло предательство века: в 1913 году, как раз в ту пору, когда германские штабы Германии и Австро-Венгрии приступили к созданию концепции предстоящей войны, ушел из жизни самый загадочный лазутчик XX века, начальник разведслужбы Австрии полковник Редль, работавший на русский генштаб в течение десяти лет.

Однако «провал» Редля объяснялся как угодно, но только не как следствие германского шпионажа в России, то есть не как результат деятельности Мясоедова.

Предоставим слово английскому исследователю Роуану. Вот что он писал о Редле:

«До 1905 года полковник был директором австро-венгерской разведки, сокращенно «КС», и успешная работа его отдела снискала ему полное признание руководителей армии. Он разоблачил и задержал нескольких из наиболее ловких шпионов европейского континента; он сумел разузнать немало тщательно охраняемых тайн соседних держав; говорили, что он не знал неудач. Но больше половины своего времени Редль в действительности отдавал службе на пользу России».

Английский исследователь рассказывает далее, что, если в «КС» возникнет интерес к кому-нибудь посетителю, его могли сфотографировать в «профиль и анфас», а также снять пальцевой отпечаток, причем каждое слово, сказанное им, записывалось на специальной пластинке — и все это без ведома посетителя. Где бы этот посетитель ни сидел, на него всегда можно было направить две фотокамеры в наивыгоднейшем освещении. Во время беседы с посетителем вдруг начинал звонить телефон — это дежурный офицер сам «вызывал» себя к телефону, незаметно нажимая ногой под столом кнопку электрического звонка. В течение этого мнимого разговора офицер

знаком указывал на закрытый портсигар, лежащий на столе, приглашая гостя взять папиреску. Металлическая крышка портсигара была соответствующим образом обработана и сохраняла отпечатки пальцев того, кто к ней прикасался.

Если гость был некурящий, офицер по телефону «вызывал» себя из комнаты; извинившись, он второпях забирал с собой портфель. Под ним оставалась папка, помеченная надписью «секретно». И мало кто из приходивших в центральное бюро «КС» отказывал себе в удовольствии заглянуть в папку с такой заманчивой надписью. Разумеется, поверхность этой папки была обработана. И все это время скрытый прибор запечатлевал каждый звук на граммофонной пластинке, находившейся в смежной комнате...

В 1905 году Редль переехал в Прагу в качестве начальника штаба крупнейшей армии.

В 1908 году произошла аннексия Боснии и Герцеговины. Сотруднику «КС» Ронге хотелось перешагнуть Редля. Ронге изобрел новый вид слежки — тайную почтовую цензуру. Подлинные мотивы этого нововведения были известны только трем лицам — Ронге, его начальнику и чиновнику, которого он поставил во главе венского «черного кабинета». Всем осталому штату сказали, что это делается для преследования таможенных жуликов, и обязали хранить любое сообщение в тайне. Благодаря такому уловке работники бюро цензуры обращали особенное внимание на письма, получаемые из пограничных пунктов.

2 марта 1913 года в «черном кабинете» были вскрыты два конверта. Оба были адресованы: «Опера, Балл 13, до востребования, главный почтamt, Вена». Судя по почтовым штемпелям, они прибыли из Эйдкунена в Восточную Пруссии, пункта на русско-германской границе. В одном конверте лежали кредитки на сумму 6 тысяч австрийских крон, в другом — на 8 тысяч. Ни в том, ни в другом не было сопроводительного письма, и это, естественно, показалось подозрительным. Вдбавок Эйдкунен был маленькой станцией на русско-германской границе, хорошо известной шпионам всех наций. «КС» вернула оба письма в отдел писем «до востребования» и решила посмотреть, кто явится за ними.

Позади венского главного почтамта на Флейшмарктке (Мясном рынке) приютился небольшой полицейский участок. Ронге распорядился соединить этот участок специальным телефонным проводом с почтовым отделом «до востребования». Дежурному чиновнику достаточно было нажать кнопку, чтобы в одной из комнат полицейского участка раздался звонок; он должен был сделать это, как только придут за обоими письмами, и возможно дальше задерживать при этом выдачу их. В полицейском участке постоянно находились наготове два сыщика, которые должны были поспешить по звонку на почту и выяснить, кто явился за письмами.

Прошла неделя, все было «на взводе», но звонка не было. Прошел март, апрель, но никто не являлся за письмами; 14 тысяч крон оставались невостребованными. Но на 83-й день ожидания, в субботу вечером, 24 мая, раздался звонок с почты. Одного из сыщиков не было в этот момент в комнате; другой мыл руки. Спустя две минуты, однако, оба уже мчались на почту.

Почтовый чиновник сказал, что они опоздали, что получатель только что вышел «налево». Выбежав на улицу, они увидели удалявшееся такси. И ничего более. Сыщики простояли на месте двадцать минут и чувствовали себя провинившимися школьниками; им очень не хотелось сообщать о своей неудаче и выслушивать упреки начальства. Но по «иронии судьбы» как раз неудача сыщиков и их бестолковое стояние на месте перед почтой дали превосходную нить для следствия: возвратилось такси, на котором уехал получатель двух злополучных писем. Сыщики немедленно спросили шоффера и установили, что его пассажир направился в кафе «Кайзергоф».

— Поедем и мы туда, — сказал один из сыщиков.

По дороге они тщательно обследовали сиденье в автомобиле и нашли футляр от перочинного ножа из серой замши. В эту пору дверь в кафе «Кайзергоф» было пусто; пассажира не оказалось. По-видимому, он пересел на другой автомобиль, чтобы запутать след. Неподалеку была стоянка машин, и сыщики узнали, что какой-то мужчина за полчаса до этого взял автомобиль и приказал ехать в кафе «Кайзергоф».

Явившись в отель, они спросили у портье, приезжали ли кто-нибудь в такси за последние полчаса. Да, приезжал несколко человек: в номер 4-й, в номер 11-й, а также в 21-й и 1-й. В первом номере находился полковник Редль.

Сыщики показали портье футляр от перочинного ножа:

— Возьмите и при случае спросите гостей, не потеряли ли кто-нибудь из них эту штучку.

Портье был рад услужить полиции. Один из сыщиков отошел в сторону и стал читать газету. Хорошо причесанный господин в щегольском штатском костюме спустился по лестнице и отдал свой ключ. Это был «номер 1-й».

— Виноват, — сказал портье, — вы случайно не потеряли футляр от перочинного ножа?

— О да,— сказал Редль,— конечно, это мой футляр! Благодарю вас.

Но тут он заколебался. Где он пользовался перочинным ножом в последний раз? В первом такси, вынимая деньги из конвертов? Он поглядел на портье — тот вешал ключи на место. Неподалеку стоял человек, видимо, поглощенный чтением газеты. Редль положил футляр в карман и направился к выходу.

Сыщик, читавший газету, кинулся в телефонную будку и потребовал: 1-23-48 — секретный номер штаба политической полиции в Вене. И чинам «КС» стало известно, что письма, адресованные «Опера, Балл 13», были наконец получены адресатом: их получатель использовал два таксомотора, чтобы запутать возможных преследователей, но имел неосторожность потерять футляр от своего перочинного ножа. Установлено, что этот футляр принадлежит их шефу — Альфреду Редлю.

Офицеры поспешили на почту за справками. В отделе венского почтамта «до востребования» все получающие письма должны были заполнять краткий Формуляр:

Род вложения:

Адрес на пакете:

Укажите (по возможности), откуда ожидаете.

Контрразведчики увезли с собой бланк, заполненный человеком, получившим письма на адрес «Опера, Балл 13». С потайной полки в своем кабинете достали небольшой, изящно переплетенный томик. Это был секретный документ, написанный самим Редлем: он считал его слишком конфиденциальным, чтобы отдавать в перепечатку.

Был сличен почерк почтового формулара с рукописью. Сомнений быть не могло — это почерк Редля.

А в отделе тем временем Редль ждал доктор юриспруденции Виктор Поллак, пригласивший старого друга отобедать в ресторане «Ридгоф». Полковник согласился, но пошел переодеться во фрачную пару. Поллак был один из виднейших юристов Австрии, он часто сотрудничал с Редлем в судебных процессах по шпионским делам. Сыщик подслушал их разговор, протелефонировал своему начальству, а затем отправился в «Ридгоф» предупредить директора ресторана.

Когда Поллак и Редль сели за стол в отдельном кабинете, им прислуживал в качестве официанта агент тайной полиции. Но услышал он мало, ибо Редль был угрюм и почти ни о чем не говорил со своим приятелем. Во время ужина Поллак, покинув на минуту кабинет, подошел к телефону и, к изумлению официанта-сыщика, вызвал к аппарату начальника венской полиции, отвечавшего за слежку в операции против Редля.

— Друг мой, вы поздно работаете! — сказал Поллак.

— Я жду данных по одному важному делу, — сказал тот и стал слушать Поллака, который начал рассказывать ему о каких-то «затруднениях» Редля.

Полковник действительно весь вечер казался не в духе, был чем-то взъярен, признался Поллаку в нравственных терзаниях, дурных поступках, но, конечно, ни слова не сказал о шпионаже или измене.

— Вероятно, у него переутомление, — закончил Поллак свой рассказ. — Словом, он просит меня устроить так, чтобы он мог немедленно уехать обратно в Прагу с наибольшими удобствами. Не можете ли вы оказать ему содействие?

— Успокойте полковника, — ответил шеф полиции, — пусть он придет ко мне завтра утром. Я сделаю для него все возможное.

Поллак вернулся в отдельный кабинет.

— Пойдемте, — сказал он Редлю в присутствии «официанта». — Я уверен, что нам удастся все устроить.

Поллак оставил официанта-сыщика в растерянности и недоумении: адвокат телефонировал начальнику полиции, а потом сказал шпиону и предателю, что ему кое-что «устроит».

В 11 часов 30 минут Редль попрощался с Поллаком и вернулся в свой отель. В полночь четыре офицера в полной форме вошли к нему. Редль в это время сидел за столом и писал.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он. — Я пишу прощальные письма.

— Мы должны узнать масштабы и продолжительность вашей... деятельности.

— Все, что вы хотите знать, отыщется в моем доме в Праге, — сказал Редль.

Потом он попросил револьвер.

Офицеры, которым начальник австрийского генерального штаба поручил допросить Редля и обеспечить его немедленную «казнь», отправились в кафе «Централь», заказали кофе и стали в напряженном молчании ждать.

В полночь Редль не стало.

...Вот какого уровня разведчика сумели разоблачить в Вене в 1913 году...

Полно, в Вене ли?

...Прежде чем начать анализ версии, высказанной Роуаном, посмотрим, как излагали это же событие австрийские историографы. Один из руководителей

венской разведки (по прошествии многих лет после описываемых событий) сообщил, что дело началось не в почтовом отделении на одной из прекрасных улиц Вены, а в Берлине, в кабинете начальника германской разведки полковника Никола.

В апреле 1913 года в Берлин из Вены было почему-то (?) возвращено письмо, адресованное «до востребования». В Берлине его, естественно (?), вскрыли, прочитали, сфотографировали. Было в письме — по утверждению австрийских юристов — шесть тысяч крон и два шпионских адреса, известных секретным службам Берлина и Вены, — первый в Париже, другой в Женеве. Именно берлинская секретная служба и отослала «сестринской» шпионской организации в Вену загадочное письмо с деньгами и предложила начать слежку за почтой, чтобы выявить получателя.

Любопытная деталь. Английский историк об этом факте не упоминал. Отчего?

Теперь о других «разнотечениях» в деле Редля. Причем стоит заметить, что австрийский исследователь был в свое время виднейшим деятелем австрийской разведки. Именно он-то и утверждал, что в почтамте незнакомца ожидали три сыщика.

Почему английский исследователь говорит всего лишь о двух?

Куда делятся третий?

Кто он и откуда?

Австрийский исследователь сообщает, что шофер, столь заботливо вернувшийся к сыщикам после того, как они потеряли «объект наблюдения», сообщил, что вез своего пассажира к гостинице «Кломзер».

А почему он ничего не сказал им про кафе «Кайзергоф», как утверждает Роуан?

Почему австрийский исследователь обошел факт посещения полковником Редлем этого модного, шумного кафе, где возможны контакты со всякого рода людьми?

Впрочем, словно бы поправляя своего коллегу, другой австрийский исследователь, Урбанский (в прошлом генерал военной разведки в Вене), вспоминает кафе «Кайзергоф» и выдвигает версию, что, мол, сыщики расспросили майора такси возле кафе, и вот именно тот человек сказал о господине в штатском, который уехал на другом «моторе» к гостинице «Кломзер».

Как майор мог слышать то, что сказал пассажир шоферу?

Можно ли слышать вне машины то, что говорят внутри, да еще при включенном моторе?

Сыщики, по версии австрийского исследователя, пришли в отель и сразу же, безо всяких «экивоков» задали вопрос портье:

— Кто из постояльцев прибыл сюда на таксомоторе?

— Полковник Редль, — сразу ответил тот. — Я только что передал ему ключи.

Зачем же нужно было играть в «футлярчик»?

Эта игра нужна была для того, чтобы все поверили: не прояви Редль легкомыслия, будь он постоянно мобилизован, никогда бы ему не грозила беда.

Короче, все должны знать: в провале виноват сам Редль и никто иной.

Однако при тщательном исследовании этого дела возникают вопросы, ответы на которые пришло время дать.

Итак, во-первых.

Как явствует из документов, опубликованных в литературе, Редль начал сотрудничать с русской разведкой начиная с 1900 года. Все это время «черный кабинет» действовал безотказно, и письма, приходившие из «подозрительных» районов, особенно пограничных, тщательно перлюстрировались чинами австро-венгерской контрразведки. Но отчего только в 1913 году, то есть накануне войны, венская контрразведка установила постоянный пункт слежения за почтовым отделением не по собственной инициативе, а с подачи Берлина? Отчего в восемьдесят три дня полицейская служба столь тщательно караулила неведомого корреспондента?

Да потому, что австрийцам нужна была неопровергнутая улика против Редля, добывая не где-нибудь, а в Вене, и не как-нибудь, а путем личного наблюдения, дабы ни у кого, никогда, ни при каких условиях не возникло и мысли, что сигнал о работе Редля с русскими поступил из Петербурга, от Мясоедова.

Во-вторых, описанный метод слежки за Редлем производит в высшей мере странное впечатление. Ведь шофер такси опознал того, кто ехал с ним в кафе! И второй шофер опознал! И портье отеля указал на того, кто только что приехал из кафе. Круг-то замкнулся! Чего не хватало?

В-третьих, кому нужно было ждать сигнала сыщика о начале слежки за Редлем после того, как ему отдали футлярчик? Почему лишь после этого поехали на почту, чтобы затребовать формуляр для выдачи получения, заполненный полковником? Почему этого не сделали немедленно после того, как сыщики потеряли Редля при его выходе из почты? Зачем было ждать? Если бы контрразведка не знала заранее, кто придет за деньгами, ее люди обязаны были

бы поспешить на почту, они обязаны были немедленно запустить формуляр, заполненный получателем, в гравюрграфическую, почтовую и прочие экспертизы. Никто, однако, не торопился: суетились «бедные» сыщики, не посвященные в суть операции; руководители беспокоились об одном лишь — об убедительности мотивации при задержании шпиона...

В-четвертых, как объяснить, отчего шофер такси, увезший Редля, столь заботливо вернулся обратно, чтобы забрать незадачливых сыщиков, потерявших объект наблюдения, да еще подвести их ко второму шоферу такси, который — о чудеса! — подробно рассказал, что он отправил интересующего пассажира до отеля «Кломзер»?

Ответ ясен: за Редлем уже не первый день следила военная контрразведка, а сыщики, служившие в венской политической полиции, были лишь прикрытием для тех, кто знал (получивши сведения из Петербурга), что Редль работает с русскими. Шоферы таксомоторов были включены в операцию, судя по всему.

История с футляром перочинного ножичка на самом деле является легендой, ибо факт обнаружения замшевой «фитильки» не является уликой.

Да и вообще в деле Редля улик нет. Все улики были обнаружены после самоубийства Редля.

А кто может подтвердить факт самоубийства?

Его слова о том, что он, мол, знает, зачем к нему пришли, приведены теми офицерами генерального штаба, которые отвечали за то, чтобы Редль перестал жить. Каким образом — выстрелом ли в висок, или же в спину — особого значения не имеет.

...Эпизод с Редлем — лишь одна из страничек биографии жандармского полковника Мясоедова, специализировавшегося как на пытках соотечественников, так и на предательстве России иностранцем...

...Данные, добывшие Колаковским, позволили провести стремительную комбинацию: Мясоедов был арестован без санкции военного министра и немедленно увезен в Варшавскую крепость — подальше от всесильного застуপника.

Однако, прежде чем рассказать о том, как закончилась судьба германского супершпиона, разоблаченного русскими военными контрразведчиками, необходимо более подробно остановиться на личности военного министра России генерала Сухомлинова. Без этого трудно понять, каким образом Мясоедов был допущен в святая святых царского кабинета и к тем сверхсекретным данным, которые вправе были знать лишь Николай, премьер и министры: военный, иностранных и внутренних дел.

Впервые о Сухомлинове услыхали в 1877 году, во время освобождения Болгарии. Молодой подполковник генерального штаба получил солдатского Георгия, ибо проявил отвагу, ворвавшись с четырьмя казаками в турецкую крепость; там он дерзко потребовал капитуляции и привез в штаб Дунайской армии рескрипт, подписанный турками.

Когда генералы принялись сочинять депешу о произошедшем, то со свойственным, увы, бюрократизмом они ее переписывали чуть не десять раз и все никак не могли понять, верно ли расставлены акценты, достаточно ли часто упомянуто имя государя, сколько раз говорится о великих князьях, упомянуто ли здоровье ее императорского величества государыни-императрицы.

Сухомлинов, наблюдая эту штабную панику, предложил генералам отдохнуть за чашкой чая (он был тогда скромен, ловок, изящен), и те, понятно, с радостью приняли предложение молодого подполковника (кстати, про него в депеше генералы ничего не писали, хотя он-то и был истинным героем дня).

Когда штабные начали пить чай, Сухомлинов сел к столу и в минуту написал депешу. Корпусной командир прочитал текст и, подписавши, сказал:

— Очень верно понято все то, что государю будет приятно прочесть.

Так впервые Сухомлинов угодил вкусу Царского Села.

После этого он незаметно ретировался с театра военных действий, вернулся в северную столицу, стал правителем дел в Академии генерального штаба. Затем руководил офицерской кавалерийской школой, но при этом суетливо ощущал, что жизнь проходит сквозь пальцы, словно песок, и решил он тогда, что выделившись среди других военачальников, поднявшись и войти в сферу можно лишь растворением в августейшем мнении, с одной стороны, и скромошкой приметностью — с другой. И Сухомлинов принял сие сочинять рассказы, укрывшись за звучным псевдонимом «Остапа Бондаренко». Брошюры «Бондаренко» издавались большими тиражами, они стали известны в России, их читали многие, а поскольку литература социальная и находит свой «сектор» в обществе, то «Бондаренко» особенно отметили бывшие, то есть те, кто сформировался во времена Николая Пушкина, кто скорбел по спокойному, неторопливому времени, по царству бар и урокам шпицрутенами, кто боялся слова и читал казарму; тем, кому стремительное развитие науки, промышленности, культуры России были чужды и страшны. Именно этому процессу

всчики противились царская бюрократия и поддерживавшие ее черносотенцы.

Поэтому для них появление разудалого «Остапа», (они-то знали, что это полковник генштаба Сухомлинов) было словно бальзам на раны. Прогрессивные русские военачальники, перед тем как их убрали в отставку, бесстрашно продолжали повторять: военное дело, как дитя научно-технического прогресса, переживает эру исканий; на вооружение армии Запада уже внедрены скорострельная, быстроподвижная артиллерия, бездымный порох, магазинное ружье! Все большее количество учёных Запада думает, как подчинить воздух армии, а землю — моторам! А мы?..

А «Остап Бондаренко» в каждой своей брошюре резко издавался над этими «профессорами от армии».

Знания он называл «кабинетно-табуретными», книжки русских учёных — «книжонками», а одну из своих брошюр назвал прямо без обиняков: «Не всегда учёные свет».

Самое страшное по «Остапу» — инициатива, знания, любое новшество.

Едва кто-то из военных исследователей заявил, что зра кавалерийских атак ушла в прошлое, как «Остап» называет это «предательством русской старины» и забвением того «святого, чем жива Русь-матушка».

Эти брошюры легли на стол «серого кардинала» Победоносцева; тот передал их бывшему воспитаннику — царю Николаю.

Понятно, проза «Остапа» понравилась — ни о чём ведь ином не радеет, кроме как о седой старине!!

Именно таким образом «Остап» стал генералом, а затем начальником штаба важнейшего Киевского, пограничного с Австрией военного округа.

Именно там по прошествии всего лишь трех лет после того, как угодливый генерал, он же черносотенный «Остап», стал начальником штаба Киевского военного округа, состоялись в 1902 году огромнейшие маневры под Курском.

«Южными» были войска Киевского военного округа, «северными» — Московского.

«Северные» создали «летучие партизанские отряды». Солдаты одного из отрядов, заброшенных в глубокий тыл «южных», увидели, как среди бересклетов перелесков в экипаже на мягких дутиках преспокойно ехал вальяжный генерал. И «летуны» ничтоже сумняшеся захватили в плен генерала «вражеской» армии. А оказался этот генерал не кем-нибудь, а начальником штаба Сухомлиновым.

Он закричал:

— Это что ж такое! Да такого же никто в условиях не оговаривал!

Казалось бы, карьера начальника штаба «южных» на этом должна быть закончена. Но нет! Сухомлинов немедленно принялся за свои спасительные брошючки, обрушился на нововведения, зло потешался над «иностраницей» и властно требовал возврата в старину: «то, что старо, то истинно; то, что ново, чужеземно, сиречь не нужно нам».

Словно капля бальзама были эти дремучие истины для августейшего семейства и неподвижной, тупой бюрократии. А коли так, то стоит ли обращать внимание на общественное мнение?! Какого рожна, где оно в этой державе?

И в Петербурге подписывается указ о назначении Сухомлинова начальником русского генерального штаба!

Сухомлинов был вызван из Киева срочной шифрограммой без объяснения причины. Он приехал в Петербург в состоянии нервном: ему хватало причин бояться, ибо последние три года развивался роман стареющего генерала с молоденькой женой помещика Бутовича. Помещик в разводе отказался. Тогда Сухомлинов стал угрожать рогоносцу заточением в сумасшедший дом, а тот, будучи человеком отнюдь не робкого десятка, возбудил против Сухомлинова судебное дело.

И как раз в это время Сухомлинову и мадам Бутович начали оказывать всяческую помощь австро-итальянский коммерсант Альтшиллер и киевский торговорец Фролов. Они постоянно были рядом с влюбленными, стараясь всеми правдами и неправдами отвести от «достойнейшей четы» те «наветы», которые распускают завистники и вообще гадкие люди.

Судебные издержки стоили денег, средства Сухомлинова были на исходе, его молодая возлюбленная любила общество, приемы, выезды.

Выручал Альтшиллер — служил деньгами постоянно; какую-то толику денег давал сам, но львиную долю ему переводило командование, ибо он был не кем иным, как главою немецко-говорящей резидентуры на юге России и в Киеве.

«Отдавать» деньги Сухомлинову приходилось впоследствии архипросто: он не давал заказы на оружие русским заводам, а размещал их на Западе, там, где заранее производили для Петербурга допотопные, а то и загодя бракованные пулеметы и револьверы. Вот вам и борец за «российскую самость», противу «западных заразы»!

Видимо, перед отъездом в Петербург между Альтшиллером и молодой возлюбленной генерала состо-

ялась беседа, в какой-то мере вербовочная. Видимо, Сухомлинов знал об этом (догадывался наверняка), поэтому был он нервен, прибывши в столицу, ожидал бог знает чего от начальства. Однако же назавтра он был представлен государю императору и получил от него официальное назначение на должность начальника генерального штаба. Через год «Остап» Сухомлинов стал военным министром России.

Судебный процесс против него в Киеве еще продолжался, а военный министр Сухомлинов, переселившись в Петербург, устроил прием в своем доме, и гостей принимали вместе с ними три верных друга: Альтшиллер, Мясоедов и князь Андронов.

Итак, Альтшиллер, офицер австро-венгерской армии, резидент военной разведки в Киеве, затем вместе с Сухомлиновым переселившийся в Петербург.

Мясоедов — полковник жандармерии, завербованный германской секретной службой в то время, когда он работал на пограничной станции Эйнкунден (именно той, откуда было отправлено в Вену письмо Редлю).

Князь Андронов — тесно связанный как с группой Распутина, так и с германскими разведчиками.

Кто привел в дом министра Мясоедова, неизвестно. Он появился там, находясь в положении весьма сложном.

Полковник генерального штаба Ивантеев тщетно пытался понять истоки этой дружбы.

Сколько ни пытался он, — имел тревожные сигналы, переданные ему русскими разведчиками из Берлина о Мясоедове, как об агенте немцев, — ни Сухомлинов, ни министр внутренних дел к материалам о полковнике его не подпускали.

Косвенные улики так и оставались уликами косвенными — до той поры, пока не началась война и Колаковский не проник в германскую разведку.

А им Ивантеев возможность вовремя получить материалы, хранимые в досье охранки и на Мясоедова и на Сухомлинова, сотни тысяч русских жизней можно было бы сохранить от погибели...

Обратимся к показаниям директора царской охранки Белецкого.

«...Из дел, особо интересовавших Сухомлинова, — сообщает Белецкий, — было три: во-первых, урегулирование вопроса о постановке агентуры в войсках; во-вторых, о волнениях в Туркестанском лагере, в коих он обвинял генерала Самсонова, и, в-третьих, полковник Мясоедов. В свое время тот был уволен из корпуса жандармов. В течение ряда лет Мясоедов тщетно пытался, прибегая к высоким связям, вернуться обратно на службу в корпус жандармов, откуда он был уволен при генерале Курлове, распоряжением покойного П. А. Столыпина.

Мясоедова я знал еще по своей службе в Ковенской губернии, при поездках в Кретинген, Таураген и другие наши пограничные пункты. Мясоедов состоял на службе в ту пору в качестве старшего жандармского офицера, осуществлявшего наблюдение как за проезжающими через эту границу лицами, так и по секретным поручениям департамента полиции и корпуса жандармов. В этом пункте Мясоедов служил долгое время и сумел быть полезным многим высокопоставленным лицам, в особенности их женам во время возвращения в Россию с купленными за границею вещами. Был в самых лучших отношениях со всеми пограничными властями Германии, пользовался особым вниманием к себе со стороны императора Вильгельма, всегда приглашавшего его на свои охоты в окрестностях, прилегающих к русской границе. Принимал участие в качестве коммерсанта-пайщика в германских и русских конторах и неоднократно в силу этого был на особом замечании чинов таможни и министерства финансов.

...Тем не менее Мясоедов был отчислен, а встретился я с ним вновь, когда я был приглашен к участию в работах совета по делам торговли и мореплавания по расширению добровольного флота, который мог бы в случае войны с Германией быть сильным подспорьем для нашего военного флота. С этой целью имелось в виду принять со стороны правительства все меры к тому, чтобы убить частную конкуренцию в лице «Восточно-азиатского общества» и других предприятий, созданных немецкими акционерами, при широкой поддержке германского производства. Во время продолжительных заседаний мне пришлось вступать в самые горячие дебаты именно с полковником Мясоедовым, являвшимся тогда одним из главных представителей «Восточно-азиатского пароходного общества».

Роль и значение этого общества были широко очерчены в «Торгово-промышленной газете» еще в 1905—1906 годах. Газета разоблачала деятельность этого и подобного рода пароходных предприятий, работавших в водах Прибалтийского края не столько с коммерческими, сколько со стратегическими и обследовательными — в инте-

ресах Германии — целями. Ввиду всех этих причин попытки Мясоедова вернуться в корпус оканчивались неудачей. Вследствие этого Мясоедов, не оставляя своего желания снова вступить в состав офицеров русской армии, как мне передавали, сблизился за границей с супругой Сухомлинова на почве оказания ей услуг, а затем и с ним самим. При приезде в Россию стал часто бывать у Сухомлиновых. Ввиду чего, когда он выразил желание поступить в генеральный штаб для борьбы с контрразведкой, Сухомлинов изъявил свое согласие. Но, получив о Мясоедове неодобрительный отзыв от министерства внутренних дел, лично обратился к министру внутренних дел А. А. Макарову с просьбой пересмотреть это дело. Когда А. А. Макарову была представлена мною в подробностях вся справка о Мясоедове, то он поручил мне отправиться к Сухомлинову и подробно его с нею ознакомить. Так как в этой справке явных улик, изобличающих Мясоедова, как лица, служащего интересам иностранной державы, не было, то Сухомлинов, узнав от меня, что эту справку составлял заведующий политическим отделом департамента полиции полковник Еремин, которого генерал Сухомлинов хорошо знал еще по Киеву, просил меня поручить Еремину прити к нему со всеми подлинными переписками по делу Мясоедова.

Просмотрев все представленные Еремином дела и выслушав доклад последнего об опасности допуска Мясоедова к делам особо секретного свойства генерального штаба, Сухомлинов тем не менее остался при своем первоначальном решении. Приказ о прикомандировании Мясоедова к генеральному штабу по отделу контрразведки через некоторое время состоялся. После этого Мясоедов явился ко мне и дал понять, что хотя департамент полиции и чинил ему препятствия к его назначению, но тем не менее этим самым только укрепил доверие к нему со стороны Сухомлинова. Сухомлинов просил меня допустить его к делам секретного свойства по политическому отделу для ознакомления с данными, могущими быть ему полезными в новой его должности. Получив от меня ответ, что все из интересующей его области департамент полиции, от имени министра внутренних дел, сообщает особо секретными письмами министру военному, Мясоедов тем не менее просил меня о разрешении, сославшись на то, что в данном случае эта просьба исходит не от него, а от военного министра. Хотя военный министр потом попросил министра внутренних дел оказать в этом отношении содействие полковнику Мясоедову, но министр внутренних дел, которому я передал свое опасение в допуске Мясоедова к делам политического отдела, поручил мне продолжать старую систему сношения по делам о контрразведке с министром военным. Я, переговорив с полковником Ереминым и Виссарионовым, установил, чтобы во время заходов к Еремину полковника Мясоедова Еремин вежливо форме, не обижая его, узнав о существе его просьб, отговаривался неимением в распоряжении департамента этих данных. Со своей стороны, и генерал Поливанов принял, как мне известно было из наведенной мною справки, ту же систему недопуска Мясоедова к делам и планам особо важного значения в деле обороны по генеральному штабу. Это вызвало по жалобе Мясоедова личное вмешательство генерала Сухомлинова и, если я не ошибаюсь, изменение по его приказанию заведенного ранее в этой области порядка в выделении известной группы дел в личное заведование полковника Мясоедова под его, министра, руководством...

...Вот как работал агент Мясоедов под опекой военного министра Сухомлинова! Вот какие данные уходили в бронированные сейфы германского генерального штаба!

Вот какого уровня шпионажа смогли разоблачить русские военные разведчики, несмотря на то, что действовали они прямо против воли царя, ибо заносили руку на его любимица Сухомлинова.

Казнь Мясоедова после приговора, вынесенного военным трибуналом в Варшаве, вызвала растерянность в германофильских кругах столицы, группировавшихся вокруг императрицы и Распутина.

Негодование было столь велико, что Сухомлинов был вынужден уйти в отставку.

Утечка информации из святых святых России была остановлена мужеством, умом и достоинством русского военного офицера Якова Колаковского, доставившего в генеральный штаб, в его разведывательное ведомство, ту главную улику, которая и позволила нанести удар по лагерю изменников.

Подвиг Колаковского, офицера русской военной разведки, позволил сделать достоянием гласности то, что тщательно скрывалось от народа, и кто знает, сколько много эта правда значила для тех, кто вскорости вышел на улицы Питера с оружием в руках — весной девятсот семнадцатого...

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ЕЩЕ ОДИН АВТОГРАФ ГЕТЕ

Он был приобретен Национальным музеем в Веймаре у одного частного коллекционера. На рисунке, выполненном углем, изображена хижина, окруженная могучими соснами, а на втором плане в туманной дымке просматриваются горные вершины. Известно, что Гете хорошо рисовал, делая в минуты раздумий карандашные наброски. Из 2500 графических работ, сделанных великим поэтом, 2000 хранятся в фондах Национального музея в Веймаре.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Горючее из ореха

Из кокосового ореха можно, оказывается, получить не только копру, но и горючее. Филиппинские ученые синтезировали его из масла ореха. «Кокосовое топливо» уже опробовано автобусами и такси Манилы.

Новое топливо предполагается использовать прежде всего в сельской местности, где кокосовые орехи созревают круглый год. В настоящее время на долю Филиппин приходится 45 процентов мирового производства кокосов. По этому виду продукции страна занимает первое место в мире, а потому копра здесь — важнейший экспортный товар. Однако в результате падения цен на мировом рынке Филиппины понесли в последние годы значительные убытки. Особенно сильно пострадали те 11 миллионов филиппинцев, которые заняты на кокосовых плантациях.

Правительство страны надеется, что «кокосовое топливо» будет способствовать значительному подъему в этой отрасли сельскохозяйственного производства и даст дополнительные возможности освоения собственных источников энергии. Это позволит сократить весьма обременительные для государственного бюджета расходы на нефть.

«БУЛИТИН ТУДЭЙ»,
ФИЛИППИНЫ

СОБАЧИЙ КОНЦЕРТ

Необычный, мягко говоря, концерт состоялся в знаменитом зале «Карнеги-холл» в Нью-Йорке. Перед слушателями выступил пианист и композитор Керк Ниорок со своим новым «шедевром», который называется «Соната для фортепиано и собак в четырех частях». Стоявшие по бокам рояля два четвероногих «исполнителя» сопровождали игру музыканта — один лаял, другой выл. Возникает только один вопрос: почему Ниорок не избрал для своей премьеры цирковую арену? Так она была бы куда уместнее...

«ПАРАЛЕЛИ»,
БОЛГАРИЯ

ПРОКЛЯТИЕ «БЕЛОЙ СМЕРТИ»

«Помогите мне, я наркоманка», — заклинает девушка из западногерманского города Эссена. Ее зовут Беттина, ей 21 год. Уже семь лет она не может обходиться без шприца с героином...

Данные полиции и медицинских учреждений свидетельствуют, что волна наркомании среди молодежи ФРГ принимает катастрофические размеры. Все чаще на парковых скамейках, в задних дворах, комнатах дешевых ночлежек находят молодых людей, погибших от «белой смерти» — героина. В первой половине 1983 года на территории ФРГ было конфисковано 145,8 килограмма героина, а на черном рынке, по оценкам полиции, реализуется в год около 8000 килограммов героина, кокаина, морфия... Мелкие торговцы достаточно часто попадают в руки стражей закона, однако сеть организованной преступности, контролируемая подпольными синдикатами, продолжает процветать.

«ШТЕРН», ФРГ

«Механический нос»

Группа английских специалистов завершила работы над созданием «механического носа» — прибора, различающего запахи. Опытный образец собран из 400 «ловушек», связанных с запоминающим устройством, которое реагирует на самые незначительные дозы соответствующих запахов. Новый прибор найдет широкое применение в парфюмерной и пищевой промышленности для контроля за качеством продуктов. Кроме того, «механический нос» может быть использован службой безопасности движения — для определения состояния опьянения у водителей, а полицией — для обнаружения наркотиков.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

Штрафные очки водителей

В Греции приняты новые правила, призванные обеспечить безопасность движения на автомагистралях. Их два: первое заключается в увеличении минимального штрафа до 2700 драхм (30 долларов), другое новшество состоит во введении «компьютеризированной системы штрафных очков». Например, полицейский инспектор наказывает водителя двумя очками за несоблюдение дорожных

знаков, пятью очками — за превышение скорости и т. д. Компьютер штаба дорожной полиции суммирует набранные штрафные очки, и, если их сумма достигает 17, у провинившегося водителя изымаются водительские права, и он обязан сдать довольно сложный экзамен.

«АВГИ»,
ГРЕЦИЯ

ПИСАТЕЛЬ И ВРАЧ

Известно, что Конан-Дойль, создатель бессмертной фигуры Шерлока Холмса, был еще и весьма опытным врачом. Недавно специалисты установили, что писатель выдвинул интересную теорию о причинах возникновения артрита, которая получила полное подтверждение в наши дни. Конан-Дойль был одним из первых врачей, высказавшихся за наследственное происхождение артрита. Он входил в число прогрессивных медиков своего времени, которые выступали за широкую вакцинацию населения против тифа и кори.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

60 МИЛЛИОНОВ лет назад...

Научные сотрудники Питтсбургского университета (штат Пенсильвания) около десяти лет проверяли в канадской антарктической зоне на острове Эллесмер достоверность теории, согласно которой примерно 60 миллионов лет тому назад не существовало северной части Атлантического океана, ибо Северная Америка и Европа составляли единий материк. Удалось обнаружить окаменевые останки представителей фауны той далекой эпохи, идентичные европейским.

«ТАЙМ», США

ОРКЕСТРЫ- РЕКОРДСМЕНЫ

Самый большой в мире оркестр состоял из 20 100 человек. В него вошли музыканты со всей Норвегии. Он играл на стадионе Уллевала в Осло 28 июня 1964 года. История известна еще один подобный феномен. 17 июня 1872 года на празднествах в Бостоне Иоганн Штраус-младший дирижировал оркестром из 987 инструментов и хором в 20 тысяч человек. Только первых скрипок было 400. В состав этого оркестра входил и самый большой в мире барабан.

«КНИГА РЕКОРДОВ
ГИННЕСА»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Еще одна профессия «Икаруса»

По дорогам всех континентов бегут венгерские автобусы «Икарус». Их можно встретить и во многих аэропортах мира — изготовленные в специальном варианте, «Икарусы» используются для доставки пассажиров к трапу самолета.

А вот «Икарус», который изображен на снимке, никакого трапа не требуется. Прямо из автобусного салона пассажиры будут проходить в самолет. Конструкторы считают, что это создает дополнительный комфорт, особенно в ветреную и дождливую погоду.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Сокровища с морского дна

Десять лет жизни потратил исландец Кристиан Гудбрандссон на поиски голландского клипера «Хет Ваален ван Амстердам», который затонул в 1667 году у исландского побережья. Сохранились архивные данные, подтверждающие наличие на борту судна золотых слитков, а также изделий из благородных металлов и драгоценных камней. Пока группа Гудбрандссона прощупывает иллюстрированное дно, Голландия и Дания уже вступили в спор друг с другом за право обладания сокровищами, которые, возможно, никогда не будут найдены...

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК»,
ДАНИЯ

Скатерть на траве

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

3. Рассказывает Мария Лунькова

Раньше я в судьбу не верила. Мистика — три листика... А тут поверила...

Это прошлым летом было, я уже у Славки работала. Раз вечером бабуся моя в аптеку попросила сходить, раунтин у нее кончился. Ну, топаю в дежурную, на угол Комсомольской и Павловской. А там скверик есть, знаете? Лавочки стоят... Ветрено было, пыльно, в сквере ни собаки, а на одной лавочке под фонарем кто-то сидит. В шляпе, голова запрокинута. Иду мимо, а он: «Девушка, можно вас на минутку?» Думаю, ханутик какой-то, алкаш, но остановилась. Гляжу — мне в папашки гордится, говорю: «Вы, дядя, совесть в чужих очках покупали?» Но вижу — не пьяный. А он: «Если не трудно, нитроглицерин». Он, видно, в аптеку ишел, да не дошел. Ну, я бегом, в кассе пробивав не стала, говорю в штучном: дайте нитроглицерину, человеку плохо, сейчас вернусь. Ну, она поняла, сунула колбочку, я обратно к нему бегом — хорошо, на низком каблуке была. А он уже и «мама» сказать не может. Положила я ему в рот таблеточку, а он пальцами показывает — две надо. Я присела, подождала, пока в себя придет... Ну, он быстрышко оклемался. Спрашиваю: может, неотложку вызвать? «Ничего», — говорит, — уже все в порядке, а как вас зовут?» Ну, если «как зовут?» — значит, правда все в порядке. Встала я, а он: «Ради бога, ради бога, мое имя Александр Антонович, не подумайте плохого, я вам так благодарен». И так далее. Сказала и я свое имя-отчество, а он в кармане роется — ну, думаю, если сейчас деньги предложит, плюну ему на сапоги, на туфли то есть. А он достает шариковую ручку, красивая такая, фэзгэзная: возьмите на память. Я сдуру пощупила: короткая больно память, к ней же нового баллончика не найдешь, а он спрашивает: «Вы курите?» «Курю, конечно». И он дал мне газовую зажигалку. «Ронсон», дорогая... Я отказывалась, но он за сердце начал хвататься, и пришлось взять. Хотела его проводить, а он говорит: мне тут недалеко. Ну, до свидания — до свидания. Я в аптеку, взяла раунтин, расплатилась — и домой.

Зажигалка — люкс. Она какая-то электронная, что ли, камушки вставлять не надо, только заправляй газом. Но я этого дядечку скоро бы забыла, если бы не Славка.

Едем мы как-то из Пескаревки в город, он заводит толковище: то да се, не надо ли тебе со всякой шантрапой валандаться? В смысле с мальчишками. А я как раз со своим Витькой разбежалась. Зануда он порядочный. Все хорошим манерам учил — не так повернулась, не туда пошла. На мои мороженое ели, я ему пиво выставляла, а он на мотоцикл откладывает. Говорит, куплю — и махнем на Черное море. Я, значит, на задний сиденье. И каску на меня наденешь, спрашиваю. «А как же?» — говорит. — Так полагается по правилам». Ну и сказала й ему «ку-ку».

А Славка пристал: давай познакомлю с мужиком. Уже немолодой, но к молодым женщинам неровно дышит. И не жлоб. И деньги есть. И вдовец. И все при нем.

Черт с тобой, говорю, познакомь, но чтобы без хамства. Сам-то Славочка тоже под меня шары катить пробовал, он же неотразимым себя считает. Да фигушки — не для него росла...

У Славки и план готов — я домой, он в гостиницу, помоемся, переоденемся, он этого мужика захватит, потом заедут за мной — и втроем в «Избушку». На Московском шоссе загородный ресторан, знаете?

Почистила я перья, блеск навела, а тут и Славка сигнализ. Еще светло было, выхожу, они у машины стоят, мужик этот курит. Славка уже хотел нас знакомить, а у того сигарета изо рта на землю упала. Стоит он как столб и шепчет: «Это же Мария». Оказалось, Славка Александра Антоновича привез, того самого, которого я нитроглицерином кормила. Запомнил он меня.

Ну скажите — не судьба? Я его тоже, конечно, узнала, но он не таким старым показался, как тогда. Костюмчик — шик. Галстук повязан, как у дипломата. А главное — глаза мне понравились. Сразу видно, добрый мужик.

Гульнули мы по всем правилам, но он ко мне в гости не набивался. Визитку дал, просил звонить — хоть домой, хоть на работу. А мне тем более набиваться ни к чему, не собиралась я звонить. Но тут Славка начал мозги пудрить: Саша не ест, не пьет, Саша сохнет, всем расчет дал, одна я ему сноси.

Короче, опять встретились, потом еще, и пошло-поехало. Он мне стал вроде отца. Своего родного я не помню, они с матерью развелись, когда мне четыре года было, а мать умерла — когда восемь.

Но это только сначала, а потом все наоборот. Такой он был неприятный, такой несчастный... Честно, я перед ним себя старухой чувствовала.

Нет, на людях он марку держал, солидный такой, серьезный. А останемся вдвоем — раскиснет, и как ребенок.

Меня он, наверно, и вправду любил. Раз говорит: давай поженимся. Я хохотать стала, но он не обиделся, подумал-подумал и дотумкал: у него дочь такая же, даже на полгода старше. А жить он рассчитывал не больше десяти лет. Так что все кончилось шуткой: не захотел он оставлять меня молодой вдовой.

Но эта идея у него в голове долго шевелилась. Потому и решил познакомить меня с Еленой. И вышла ерунда.

Привез меня Саша к себе домой, по дороге все объяснял, что очень она у него строгая и капризная. Поглядели мы друг на друга — о чём говорить? У нее такое выражение, как будто я кровь из вены брать приехала с толстой иглой. А я вижу: тоже хороша штучка. После мы еще раза три встречались, а тогда она сумку в руки — и упорхнула. Кто я, что я — Саша ей не уточнял, и так ясно. А он передней как побитый. Она-то: фу ты, ну ты, не тронь меня, а то завян... А когда Саша мне квартиру показывал, вижу — в ее комнате на стуле Славкины брюки серые и кожаная куртка. Спрашиваю: он что, живет у вас? Говорит: бывает. Я Славку потому прикупила, он обозлился: не болтай, кричи, она девушка приличная, интеллигентная. Я, значит, неприличная, потому что не исполнила его желаний. Но не в этом дело...

Саша очень переживал, что мы с Еленой не сошлись. Один раз приехал совсем расстроенный. Прекрасная Елена устроила ему из-за меня такой концерт — нитроглицерин не помогал. Ну, отпила я его, и он кается. Раньше у него знакомые менялись, а тут я одна. А это уже опасно для дома. Я говорю: пусть она не беспокоится, ничего мне не нужно. Он мне деньги на вещи, конечно, давал, приходил. Но хотите верьте, хотите не верьте — не за тряпки он мне нравился... Не могла я его вот так взять и бросить...

Зимой что-то с Сашей случилось. Придет хмурый, слова не вытигнешь. И сразу водку на стол. А напьется — смотреть противно. Анекдоты какие-то дурацкие, и сам над ними хихикает. Или начнет про своих знакомых рассказывать: этот благородный, этот хам, тот ни рыба ни мясо. А мне неинтересно, я их никого не знаю. Тем более Саша людей не по именам называл. Он любил разные прозвища давать Славку, например, он звал «Отдел кадров».

Был у него какой-то Клешня. Саша при мне никогда матом не ругался, а тут вспомнил этого Клешню — и хоть уши затыкал. Долго он его родителей поминал, аж тряслась весь. Успокаивать стала, а он голову в подушку — и навзрыд. А потом расхныкался: держит его этот Клешня за горло, что-то надо делать. Или с горла долой, или задушит Клешня. А утром говорит: я вчера чушь городил, не обращай внимания.

В другой раз заокончательно на Клешне — и давай самого себя ругать. Клешня вроде уж и не враг, а так, знает, что делает, и силой его не тащил. Куда тащил? Зачем тащил? Ничего не разберешь. Называет себя последним подонком, таких, говорит, стрелять надо, и вообще жизнь идет под откос.

Я заметила: это на него находило, когда в кармане не густо. Через недельку заявится кум королю и Клешню не поминает и себя не ругает.

Но все-таки странный он стал зимой. Шли мы вечером из кино, он трезвый был, но знал: бабуся нам ужин приготовила и в магазин сходила, так что теплая беседа обеспечена, торопиться некуда. Между прочим, бабуся его уважала, только все уговаривала пить поменьше, а лучше совсем бросить. Она у меня фантазерка...

Ну, идем мы, толкуем, и он ни с того ни с сего брякает: а вот посадят меня в тюрьму — передачи носить будешь? Буду, говорю. Тыквенные семечки. А сама чую — не шутит он. И ничего не пойму. Не вор, не жулик, занимает солидную должность — и про тюрьму толкуют. Дура я, конечно, только сейчас дошло, что на его гулянки никакой зарплаты ему бы не хватило, а тогда и мысли не было...

К весне он опять переменился, вроде другую шкурку надел. Все молчит, молчит. И трезвый молчит и выпьет — тоже. Прямо на нервы действует. Мне Славка даже сказал один раз: ты бы его расшевелила. Послала я Славку подальше, чтобы не совалася, после Саше рассказала, а он говорит: Славка обижается, потому что Саша разжаловал его из «Отдела кадров», а я должна относиться к Славке с почтением и уважением, потому как именно он нас познакомил, вечная ему за это благодарность. Потому он больше и не «Отдел кадров», что я есть...

При мне они ни о каких делах не разговаривали. Так, травили что придется. Славка больше слушать любит, лишнего никого не сболтнет, а Саша если заведется — не остановишь.

В мае, на праздники, мы у Саши на квартире собрались. Елены не было, в Москву на своей машине укатила вместе со Славкой. Саша планы строил: в июле мы едем на юг, даем гастроли по маршруту Одесса — Батуми. А потом, говорит, будем решать очень важный вопрос. Какой вопрос — я не уточняла. Мало чего он в таком состоянии плел...

А теперь вот его нет...

4. Допрос Румерова

— Вы сказали, что заплатили Перфильеву за машину шестьсот рублей и передали деньги через Короткова. Подтверждаете эти свои показания?

— Да, полностью подтверждаю.

— Расскажите подробнее, что вас к этому побудило и при каких обстоятельствах это произошло.

— Понимаете, я дружу с Володей, с Максимовым. У меня имелся «жигуленок», но уже старый, первого выпуска. Хотелось новый. А Володя имел «Москвич», и он без очереди заимел «жигуленка» последней модели. Вы же понимаете, я спросил: как удалось? У друга от друга нет секретов. Володя познакомил меня со Славой. Слава сказал: шестьсот рублей — и машина ваша. Володя объяснил мне, что это идет через Перфильева.

— Лично Перфильева вы до этого знали?

— Вы же понимаете, его все знали, но лично знаком я раньше не был.

— Когда познакомились?

— На Первое мая. Вернее, Слава познакомил нас еще в апреле, а на праздники Александр Антонович пригласил заглянуть, отметить, так сказать...

— О деньгах у вас с Перфильевым разговора не было?

— Что вы! Никогда!

— Но он знал, что устроил вам покупку вне очереди?

— Думаю, догадывался.

— А вам было известно, что Перфильев получил не шестьсот, а четыреста?

— Я догадывался. Но не знал точно, какую сумму Слава оставляет себе.

— Вам известно об ответственности за дачу взятки?

— Если я скажу — неизвестно, вы же не поверите...

Но я очень вас прошу, учтите мое положение... У меня маленький ребенок... Я могу отдать эту проклятую машину...

— Единственное, что в вашу пользу,—чистосердечное признание. И помочь дознанию. Это будет учтено судом. Можете идти.

5. Допрос Максимова

— Давно вы знакомы с Коротковым?

— Да, бог память... Может, года два с половиной.

— При каких обстоятельствах познакомились?

— Он сам пришел.

— Куда пришел?

— А ко мне в кинотеатр.

— Как зритель, что ли?

— Зачем? Насчет работы. Он же художник.

— Афиши рисовать?

— Точно.

— И вы дали ему работу?

— У меня художник был, но он тогда как раз болел. Дело Славке нашлось.

— Он разве без дела ходил?

— Зачем? У него по договору солидная работа. У меня он просто подхалтуривал.

— Расскажите, как все это организовалось с приобретением машины.

— Ну, как? Я в очереди на «жигуленка» записан был, да очередь — она, сами знаете, не так быстро двигается. Славка знал, я машину хочу, ну и помог. Он парень оборотистый.

— Вы что же, попросили его помочь?

— Не помню, как получилось, может, и попросил.

— Постарайтесь вспомнить. Это имеет некоторое значение. И для вас тоже.

— Понимаю... Я на него лишнего валить не буду, но он мне, в общем, намекал.

— О чём?

— Ну, что у него есть возможность достать автомобиль без очереди.

— И подразумевалось, что нужно кому-то дать на лапу?

— Мы же не маленькие...

— А кому, Коротков не говорил?

— Это я потом уже узнал про Александра Антоновича. Когда лично познакомились.

— Коротков сказал?

— Зачем? Он не такой дурной. Виль догадался.

— Румеров?

— Да. Мы тогда у него вечерок для Славки устроили, а он Александра Антоновича привел. Ну, у Виля голова — не кочан, он быстро вычислил.

— Это было до того, как Виль тоже приобрел автомобиль, или после?

— После.

— Виля с Коротковым вы свели?

— Что значит свел? Мы друзья. И со Славкой стали друзья... Чего ж тут сводить?

— А кроме Виля, вы Короткову никого не рекомендовали?

— Нет. Что я, сводня?

— Хорошо, Максимов, извините, я не так выразился... Скажите, вы дочь Александра Антоновича знаете?

— Лену? Конечно. Мы с Вилем у них дома бывали.

— Простите за нескромный вопрос: в каких она отношениях с Коротковым?

— В хороших.

— Ну, а точнее?

— Они, кажется, собирались пожениться.

— И раздумали?

— По-моему, Александр Антонович не одобрял.

— Из чего вы это заключили?

— Антонич цену Славке знал.

— Странный вы человек, Максимов. Вы же цену тоже знали, а все-таки дружили и сами пользовались.

— Я один раз попользовался, а до остального мне дела нет.

— Вы когда-нибудь Уголовный кодекс читали?

— Не приходилось.

— И Виль вас не просвещал?

— Чего ему просвещать? Мы с ним одинаковые.

— Очень жаль... А кого Перфильев звал Клешней? Максимов нахмурил брови.

— Какая Клешня? Первый раз слышу.

— Он не играл, не притворялся.

— Ладно, Максимов, вы свободны, — сказал Синельников напоследок.

не находил их. Скажем, кто-то, а его начальник, Андрей Сергеевич, сорок лет работающий в розыске, смог бы явить в этом смысле отличный образец. Между прочим, его немцы расстреливали, он два раза бежал из плена, у него сволочи полицаи убили жену и сына, и когда он был в партизанах, посчастливилось ему, на свое горе, поймать одного из полицаяев, за которого никто бы и слова не сказал. Андрей Сергеевич своей рукой, своей волей его не казнил — отдали его под трибунал...

Дружба по профессии — это хорошо, и Синельников дружил со старшим инспектором угрозыска Малиным. Но какой-то здоровый инстинкт (впрочем, нездоровы инстинкты не бывают) устроил так, что у Синельникова образовалось два близких друга, не имеющих отношения ни к дознанию, ни к следствию, ни к суду. Один работал тренером по плаванию в спортивном обществе «Динамо» и был ему ровесник, другой, на тридцать лет старше, сосед по лестничной клетке, отец шустрого конопатого второклашки и забавной трехлетней девочки с белыми косичками, которая называла Синельникова дядей Лесей, работал на металлургическом комбинате начальником марганцевского цеха. И, главное, жила в городе девушка, которую Синельников, кажется, всерьез любил — во всяком случае, он готов был жениться на ней хоть завтра, но возражали ее родители, и не потому, что Синельников обитал в коммунальной квартире, занимая комнату в шестнадцать квадратных метров, и не по каким-нибудь иным причинам, а лишь потому, что они постановили так: их дочь выйдет замуж после окончания института. Она перешла на пятый курс — значит, ждать (поскольку она была тоже «за») осталось какой-нибудь год.

Здоровый инстинкт повелевал ему ежедневно общаться с людьми иной профессии и не в рабочей обстановке, и он был рад, что у него есть друзья, не говоря уже о невесте. Порою у него возникало ощущение, что он идет об очине жизни — по тем тайным тропам, по которым ходят разоблачаемые угрозыском преступники. Он знал, что в любом государстве существуют преступные элементы — другое дело, какой процент они составляют и каков характер типичных преступлений. Он сознавал, что ему не грозит опасность стать человечеконевинстиком в силу своей специфической профессии, ибо тот процент, против которого он поставил себя на службу, ничтожно мал. И все-таки...

Все-таки он никак не мог забыть нечаянно подслушанный однажды разговор. Это было в апреле. Оншел в обеденный перерыв мимо кинотеатра, из которого высыпал целый рой маленьких школьников — кончился сеанс. Среди этой низкорослой пестрой шумливой толпы возвышались, как маяки, три или четыре женские фигуры — должно быть, учительницы. Две девочки, обе с широко раскрытыми глазами, остановились у тротуара, и Синельников услышал, как одна сказала другой: «А я не верю, что Наташке не страшно было». Другая сказала: «Чего не страшно?» «Ну, когда он его сжигал, она говорит — не страшно». «Врет она, всем было страшно»...

Кто кого там сжигал, для Синельникова осталось неясно, но с тех пор всякий раз, когда ему случалось оценивать собственную стойкость против цинического воздействия людей, презревших закон, он вспоминал этот детский разговор и, к стыду своему, по какой-то нелепой аналогии сравнивал себя с Наташкой, которая из голой бравады врала, что ей не страшно...

Конечно, он ни за что на свете никому бы не признался в таких сопоставлениях — это же стыд и срам при его служебном положении. Но от себя-то самого никуда не денешься, и ему приходилось успокаиваться лишь тем, что с возрастом и с опытом все эти рефлексии исчезнут...

В последнюю неделю Синельников ни с кем, кроме как на работе, не встречался, однако тоски по друзьям не испытывал — не было для нее ни места, ни времени, потому что дело закручивалось очень серьезно. К нему подключился и следователь.

Инспектор ОБХСС Ковалев, вместе с ревизором-бухгалтером изучавший деятельность покойного Перфильева на ниве распределения фондируемых материалов, пришел к Синельникову в четверг утром. Он положил на стол перед собою отпечатанную на машинке копию реестра из блокнота Перфильева, и Синельников обратил внимание, что строчки, обозначающие колхоз «Золотая балка» и, по-видимому, садовый кооператив, отмечены карандашными галочками.

Закурил сигарету, Ковалев спросил:

— Как считаешь, чем крышу лучше крыть — черепицей или железом?

— Затрудняюсь. Но одно могу сказать совершенно точно — соломой хуже.

— Правильно. — Ковалев постучал пальцем по реестру. — Они тоже так считают.

— Что-нибудь раскопал?

Ковалев достал из кармана записную книжку в клеенчатой обложке, полистал ее.

— Грубо твой Перфильев работал. Вот, например,

колхозу «Золотая балка» по разнарядке полагалось пять тонн кровельного железа, а выдано, согласно накладной, шесть.

— А получил колхоз все же пять?

— Правильно.

— За что же взяли?

— Слушай дальше. По разнарядке ему выделили двадцать пять кубометров пиломатериалов, а по накладной — тридцать. Считать умеешь?

— А получил двадцать пять?

— Нет, двадцать восемь.

— Понятно.

— Сколько три кубометра стоят, знаешь?

— Не покупал.

— По госцене — нормально, а если налево — будь здоров. Не жалко и взятку. Вот, например, у Перфильева записано девяносто рублей, а толкач говорит: он две тысячи девятьсот дал.

— Куда же разница ушла?

— Наверно, кому-то покрупнее.

— Популярно.

— Это мы с ревизором только по двум позициям прошли, а там, кроме пиломатериалов и кровельного железа, еще много чего есть.

— С председателем колхоза говорил?

— Председатель ничего не знал. У него других забот хватает. Там жук-толкач есть. Его я допрашивал.

— Ну и что?

— Бьет себя в грудь и размазывает по щекам скопую мужскую слезу. Говорит, бес попутал.

— А как зовут беса? Слушаем, не Владислав Коротков?

Ковалев слегка удивился.

— Правильно. А ты откуда знаешь? Почему сразу не сказал?

— Да у меня одни догадки, а теперь, видишь, сошлось. Так еще лучше... А председатель, что же, Перфильеву из лапы в лапу давал?

— Через Короткова.

Синельников показал на реестр.

— Ты, кажется, и садовый кооператив навещал?

— Да. У них оборот, сам понимаешь, помельче, но два раза и их нагрели. Или облагодетельствовали.

— Кто нагрел? Перфильев?

— Коротков, конечно. К Перфильеву у кооперативников хода нет.

— Какой план?

— Слушай дальше, я еще не все вытряхнул. Тут — как из мохнатого одеяла. Вчера на выезде с центральной базы по моей просьбе задержали грузовик с прицепом, вез кровельное железо. Груз перевезли — три тонны сверх накладной. Я организовал учет по железу — оказалось восемнадцать тонн излишков.

— А директор базы что же?

— Сейчас ревизоры общий учет производят. Он при них. Но не суетится.

— Ты с ним не беседовал?

— Рано еще. Между прочим, он у нас давно на примете. Дважды делали ревизию, но тогда было все в порядке.

— Знать бы, какие у них отношения были...

— С Перфильевым? — насмешливо спросил Ковалев. — Думаю, довольно теплые.

— Почему?

— Не страй из себя крокодила Гену. Перфильев без этого Казалинского фигу с маслом имел бы. Дома восемнадцать тонн кровельного железа не спрячешь. Тут все в одной завязке.

— Перфильев работал грубо, Казалинский тонко. Коротков — посредник. Так?

— А еще как же? Только никакой тонкости нет, ребенок придумал бы. Тут наглость и звериная ненасытность.

Синельников тоже закурил, взял у Ковалева отпечатанный на машинке реестр.

— Не оскорбляй зверей. А у Перфильева еще автомобили имелись. Мог бы обойтись и без Казалинского.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился Ковалев, доставая авторучку.

— Не надо, — сказал Синельников. — У тебя и так хватает. Оставь на потом.

— Ну ладно, дорогой Алеша. — Ковалев принял сигарету в пепельницу, встал. — Это все от утопленника у тебя пошло?

— Угу. Интересно?

— Интересно — это когда поп с гармонью... Лучше б живой остался...

— Какой же план? — повторил свой вопрос Синельников.

— Буду разрабатывать Казалинского. А у тебя?

— Мне что же? Надо передавать Короткова целиком и полностью следствию.

— Пока наполовину, — возразил Ковалев.

— Да, извини. Но мне хочется еще кое-что уточнить. А Короткова надо брать.

— Видишь, сколько чести одному мазурику — его персоной занимаются и розыск, и ОБХСС, и следствие.

Глава 5

АВТОМОБИЛЬНАЯ АВАРИЯ

Двадцатисемилетнему человеку, который ежедневно общается с себе подобными людьми, общающимися в свою очередь, исключительно с преступным миром, — такому человеку очень трудно сохранить изначальную веру во всеобщую чистоту человечества. Об очерстении и бесчувственности сыщиков Синельников читал и слышал, но когда искал среди старших примеры подобных очерстений, почему-то

Рисунок
Олега ВУКОЛОВА

Зазвонил телефон. Синельников снял трубку и услышал голос Малинина.

— Здравствуй, Леша.

— Привет. Ты что, опять дежуришь?

— А что делать, настало время отпусков... Ты крепко сидишь на своем стуле?

— Ну-ну, не тяни.

— Сейчас сообщили из ГАИ: твой Коротков потерпел аварию на двадцатом километре Московского шоссе. Улетел через кювет.

— Жив?

— Жив. Подробностей не имею.

— Хотел бы сказать спасибо, да язык не поворачивается.

— Ну, не унывай. Может, там ничего особенного.

Положив трубку, Синельников обернулся к Ковалеву.

— Вот так. Теперь мазуриком будет заниматься еще и ГАИ.

— Авария?

— Да.—Синельников собрал со стола бумаги, зачеркнул сейф.—Пойду попрошу гаишников подбросить на двадцатый километр.

— Ну, будь здоров...

...Он приехал на место аварии через сорок минут. Шоссе тут слегка под уклон и делало плавный поворот вправо. Белый «жигулек» Короткова лежал на левом боку посреди зеленого лужка, за которым начинились молодые лесопосадки. До первого дерева ему не хватило метров десяти. Машина была целенаправленной, если не считать выдавленных стекол. Возле нее стояли и разговаривали четверо в милиционской форме, старший по званию был майор. Чуть поодаль пасла бело-рыжую корову, держа ее на длинной веревке, обмотанной вокруг рогов, девочка лет двенадцати.

Синельников представился, спросил, что с пострадавшим. Его уже увезла «Скорая» в больницу. Опасности для жизни нет, он даже не потерял сознания. Перелом левого бедра и левой плечевой кости.

— Что здесь произошло?

Майор показал на серую ленту шоссе, потом на девочку, пасущую корову.

— Эта стрекоза не удержала, тут трава сочнее.

Они на той стороне паслись, стали переходить дорогу.

а у него скорость восемьдесят. Тормознул, а тормоза отказали. На асфальте тормозного следа нет.

— Я не автомобилист. Объясните, пожалуйста, отчего это могло случиться,—попросил Синельников.

— Он говорит, жал на педаль до упора, но тормоза отказали.—Майор кивнул на стоявшего рядом лейтенанта.—Вот наш специалист лучше вам расскажет.

— Понимаете, установлен один факт — тормозная жидкость вытекла, — глядя на машину, заговорил лейтенант, как бы рассуждая с самим собой.—Могло быть так. Он держал восемьдесят. Девочка с коровой появилась на шоссе. Потребовалось экстренное торможение. При этом в тормозных шлангах создается высококонцентрированное давление. Шланги не выдержали, лопнули, машину понесло. Ручным тормозом в таких случаях воспользоваться обычно не успевают, да он тут и не помог бы.

— Но если шланги нормальные, они же выдерживают в подобных случаях?

— Безусловно.

— Значит, у Короткова машина была не в порядке?

— Техосмотр он проходил месяц назад. Все было в ажуре. И машина новенькая.

— А можно установить, что со шлангами?

— Для этого их надо изъять.

— А для того, чтобы изъять, надо иметь основания,—вмешался майор.

— Например? — уточнил Синельников.

— Ну, если есть подозрения в каком-то злоумышлении.

— Основания есть. Оформите все как у вас полагается, а основания я вам предоставлю.—Синельников подумал немного и обратился к лейтенанту: — Скажите, а можно так повредить эти самые шланги, чтобы они лопнули именно при аварийной ситуации?

— Вообще-то можно.

— А как?

— Например, надрезать ножом.

— Ну, а как же тогда ездить на машине без тормозов?

— Я сказал — надрезать, а не перерезать. С надрезанными шлангами можно ездить при плавных торможениях довольно долго. Они лопаются лишь при резком экстренном торможении.

— Благодарю. А Короткова куда отвезли?

— В первую городскую,—сказал майор.

— Вы говорите, кроме ноги и руки, у него все в порядке?

— Так определил доктор со «Скорой».

Синельников обменялся с майором телефонами, обошел вокруг машины, обратив внимание, что вместо фары, которую Коротков разбил о сук в среду на прошлой неделе, вставлена новая, попрощался и уехал в город.

Глава 6 ВЫХОД НА КЛЕШНЮ

В больнице хирург сказал Синельникову, что побеседовать с Коротковым сегодня нельзя: он перенес довольно болезненные процедуры, ему дали снотворного, и теперь он будет спать до следующего утра. Завтра же пострадавший вполне сможет без ущерба для здоровья отвечать на любые вопросы. Так у Синельникова образовалось время, чтобы подвести предварительные итоги. Он позвонил следователю Журавлеву, который занимался этим делом, тот пришел к нему, и они обсудили положение.

Что же получалось? Из того, что удалось собрать, общая картина предположительно складывалась так.

Перфильев, имея возможность влиять на распределение фондируемых материалов, вступил в преступныйговор с директором базы Казалинским. Коротков подбирал подходящую клиентуру из лиц, добивавшихся этих фондируемых материалов, и служил посредником между ними и Перфильевым, а может быть, и между Перфильевым и Казалинским.

С учетом личности Перфильева и образа его жизни до кончины жены не будет противостоящим предполагать, что он был втянут в преступные мафии Казалинским или Коротковым, использовавшими его малодушие и недостойное поведение.

Не будучи человеком, без остатка потерявшим совесть, Перфильев в конце концов решил явиться с повинной. Это выглядит правдоподобно, если принять во внимание разговор между Перфильевым и Коротковым за скатертью-самобранкой, в котором упоминалось слово «конфискация», и показания Марии

Луньковой о том, что Перфильев не исключал для себя в перспективе тюремное заключение.

Сообщники, узнав о его намерениях, пытались отговорить Перфильева, но тщетно. Боясь возмездия — а оно должно быть самым суровым — они видели один выход: убрать его. Возможно, именно для этого был организован пикник. Сердечный приступ облегчил Короткову его задачу.

Коли главой преступной группы является Казалинский, легко объяснить автомобильную аварию — при условии, если экспертиза установит, что тормозные шланги на машине Короткова были надрезаны. Ковалев обнаружил излишки кровельного железа на базе и, может быть, обнаружит еще что-нибудь, но страшнее всего для Казалинского живой свидетель и соучастник. Излишки — это не смертельно...

Версия выстраиваласьстройная, вот только бы еще и доказать ее.

Мария Лунькова говорила, что Перфильев боялся и ненавидел человека по прозвищу Клешия. Если установить его настоящее имя и если им окажется Казалинский, — это будет просто подарок. В общем, сплошные «если»...

О роли Короткова в гибели Перфильева можно лишь догадываться, и тут все останется именно на стадии догадок. Относительно того, что Коротков вдруг взывает и признается в убийстве, Синельников иллюзий не питал.

Иной вопрос — покушение на жизнь самого Короткова. Не дурак он, конечно, понимает, что предпочитательней оказаться под следствием по делу о хищении, чем по делу об убийстве. Улик он не оставил, но все же нацеленность дознания именно на версию об убийстве, несомненно, почувствовал, и это должно его пугать...

Синельников с Журавлевым условились, что завтра утром отправятся вместе в больницу к Короткову, но прежде чем Журавлев ушел, Синельников позвонил по внутреннему телефону в ГАИ. Лейтенант, с которым он разговаривал там, на лужке, сообщил: экспертиза установила, что тормозные шланги имели надрезы, сделанные острым предметом; состояние вещества в месте надрезов позволяет определить, что они произведены совсем недавно, а когда именно — можно будет точно сказать по прошествии нескольких дней: для этого необходим специальный эксперимент.

— Садись, — сказал Синельников поднявшемуся было Журавлеву. — Еще два звонка.

Сначала он соединился опять же по внутреннему телефону с Ковалевым.

— Скажи, пожалуйста, у Казалинского автомобиль есть?

— «Жигули» последней модели.

— Значит, он в устройстве мотора и всего прочего разбирается?

— А кто его знает... У меня вот приятель лет двадцать машину держит, а умеет только баранку крутять. Свечи ему сосед по гаражу меняет.

— Ну, спасибо.

Потом Синельников позвонил по городскому телефону Румерову.

— Вильгельм Михайлович, прошу приехать ко мне. Буквально на пять минут.

Румеров как бы даже обрадовался звонку.

— Немедленно буду.

— Посиди, — положив трубку, сказал Синельников Журавлеву. — Сейчас познакомишься с одним из взятокателей. Все равно тебе с ним общаться придется.

Едва Синельников кончил излагать Журавлеву подробности истории с тормозными шлангами и свои соображения по этому поводу, приехал Румеров. Как в последний свой визит сюда, он вошел в кабинет с искательной улыбкой, всем своим видом показывая, что готов расшибиться в лепешку, лишь бы люди остались им довольны.

— Надеюсь, Вильгельм Михайлович, вы никому не передавали содержание наших бесед? — спросил Синельников.

— Как можно?! — воскликнул Румеров. — И вы же меня предупреждали.

— Скажите, на машину Короткова новую фару у вас на базе ставили?

Румеров зарделся.

— Вы же понимаете, товарищ Синельников, мне неудобно сразу ему во всем отказывать... По-моему, так даже деликатнее... Мы были друзьями.

— Когда ставили фару?

— Позавчера.

— А с Казалинским вы не дружите?

— С Артуром Георгиевичем? Это нельзя считать дружбой. Скорее доброе знакомство.

— Ему вы никаких услуг по автомобильной части не оказывали?

Лицо Румерова сделалось пунцовыми.

— Представьте, он два дня назад попросил проверить развал колес. У нас это можно...

— Когда он привел свою машину, машина Короткова была уже у вас на базе?

— Он не сам приезжал. Какой-то молодой человек.

— Но автомобиль Короткова уже был тогда на базе?

— Да, — с некоторым испугом отвечал Румеров. — Разве что-нибудь случилось?

Синельников не счел нужным оповещать его об аварии, он лишь заметил:

— Поразительная вещь, Вильгельм Михайлович. Автобаза государственная, а вы ею распоряжаетесь, как личной. Вам это в голову никогда не приходило?

У Румерова был глубоко страдальческий вид.

— Это, конечно, нарушение... Но я же с вами откровенно...

• Действительно, было чему поражаться: этот сорокалетний дядя, по всей вероятности, всерьез полагал, что его откровенность вполне оправдывает любые нарушения.

— Идите, Румеров, вас еще вызовут.

Поглядев на закрывшуюся за Румеровым дверь, Журавлев сказал:

— Теперь бы ножичек найти.

— Недурно бы, — согласился Синельников.

Он понимал, что Журавлев имеет в виду. Научно-технический отдел управления располагает лазерным микронализатором, который позволяет определять химическое строение вещества на молекулярном уровне. Если найти нож, которым делались надрезы на тормозных шлангах, микронализатор безошибочно выявит на нем следы вещества этих шлангов. Это для суда неопровергнутое доказательство — вещественное в буквальном, изначальном смысле слова.

— Поискать бы в машине у Казалинского, — мечтательно продолжал Журавлев.

— Придем мы с тобой к прокурору: мол, дайте, пожалуйста, санкцию на изъятие ножей и других режущих предметов из автомобиля, принадлежащего гражданину Казалинскому. А он нас спросит: на каких основаниях? Это же обыск.

— Ну, не квартиру же мы будем обыскивать. Подключим Ковалева и ГАИ — можно убедить прокурора.

— Нет, сначала надо допросить Короткова. Посмотрим, что он нам даст.

Был уже седьмой час. Синельников вытряхнул в газету окурки из пепельницы.

— Пошли. Завтра в десять прямо у больницы или как?

— Можно, — согласился Журавлев и, остановившись у двери, оглянулся на Синельникова. — Одного не пойму: зачем надо было на автобазе шланги резать? Лишний след, лишние свидетели.

— Коротков свой автомобиль у гостиницы «Юность» ставил. Там милиционер пост, там стоянка патрульного экипажа. Там неудобно.

Синельников не предусмотрел важной детали. Когда они пришли к главному врачу больницы и тот вызвал хирурга, чинившего травмы Короткова, выяснилось, что пострадавший находится в хорошем состоянии и его можно допрашивать, но выяснилось также, что лежит он в шестиместной палате, где, разумеется, никакой допрос недопустим. Поскольку одного больного перемещать легче, чем пятерых, Короткова перекатили в рентгеновский кабинет, не функционировавший в этот час. Кроме кривотолков в палате, это временное перемещение вызвало неудобства для медперсонала и для самого Короткова, но что поделаешь...

Коротков, кажется, не был особенно испуган, увидев в рентгеновском кабинете уже знакомого ему Синельникова и незнакомого Журавleva.

— Мы просим прощения, но откладывать нельзя, — сказал Синельников.

— Ничего, — вяло отозвался Коротков. — Мне, правда, спешить некуда...

— Тогда начнем. Как вы считаете, почему отказали тормоза?

— Трудный случай, — ответил он, подумав. — Сам хотел бы знать...

Синельников достал из папки копию акта экспертизы автоинспекции.

— Вот тут объясняется причина. Читать можете?

— Темновато, — сказал Коротков, беря лист.

Шторы на окнах кабинета были задернуты, а лампочка светила тускло. Синельников отдернул штору на одном окне и снова стал слева у кровати, рядом с Журавлевым. Коротков прочел акт дважды.

— Кому понадобилось резать шланги? — спросил Синельников. — Кто хотел вас угробить?

Коротков вернул ему акт, но ничего не отвечал. Требовалось его подтолкнуть, и, следуя разработанному плану допроса, Синельников вынул из папки акт судебно-медицинской экспертизы, содержащий ответы на вопросы по поводу гибели Перфильева.

— Прочтите еще и это.

Долго читал Коротков, читал и перечитывал.

— Или я ошибаюсь, или Александр Антонович утонул не сам, — наконец вяло, как прежде, произнес Коротков.

— Совершенно верно, — подтвердил Журавлев.

Коротков поглядел на Синельникова, не обратив никакого внимания на Журавлева.

— Думаете, утопил его я?

— А вы как думаете? — не смягчая тона, спросил Синельников.

— Зачем вы мне даете это читать?

— Для информации.

— Напрасно стараетесь. Никого я не топил. А вам утопленника повесить не на кого.

— Вы Коротков, наглец, чей я считал. И слову своему не ходячи. Мы же договаривались, что вы из города надолго отлучаться не будете, а поехали в Москву. Смотрите, как бы не пришло ограничить сферу вашего передвижения.

Коротков скривил губы.

— Уже и так ограничили.

— Повторяю вопрос: кто надрезал шланги?

— Хулиганы какие-то, наверно.

— В таком случае сообщу вам еще кое-что, также для информации. Александр Антонович называл вас своим «Отделом кадров», а вы его обманывали.

— Каким образом?

— Например, Румеров и Максимов дали вам по шестьсот рублей, а вы Александру Антоновичу отдали по четыреста. Или я опять на вас зря вешаю?

Коротков молчал.

— Однажды, — продолжал Синельников, — толкач дал вам две тысячи девятьсот рублей. Александр Антонович получил из них девятьсот. Куда девались остальные? Себе взяли?

Коротков все еще молчал.

— Так вы слишком много сами на себя навешиваете. Тяжело нести. Поделитесь с Казалинским, с Артуром Георгиевичем. Легче станет.

Коротков держал в правой руке акт судебно-медицинской экспертизы, и при упоминании имени Казалинского рука его непроизвольно сжалась, скомкал угол листа. Синельников осторожно высвободил лист, положил в папку и сказал:

— Один мой коллега любит выражение «как из мохнатого одеяла». Я вам вытряхнул все именно как из мохнатого одеяла. По-прежнему будете молчать?

Коротков пошевелил пальцами левой, сломанной руки, заключенной в гипс, и застонал. Может быть, хотел дать понять, что этот разговор его измучил. Журавлев сказал:

— Если вам плохо или вы устали, мы можем уйти. Отдохните, после продолжим.

— Чего уж там, — как бы даже снисходительно возразил Коротков. — Давайте все к разу.

— Тогда запишем. — Синельников сел за стол, стоявший в углу, у двери, ведущей в комнату, где проявляются рентгеновские снимки, и вынул из папки несколько синеватых разливанных листов. — Относительно Перфильева отвечать будете?

— Не надо, товарищ Синельников, все равно не подзовите, — тем же своим тоном сказал Коротков.

Синельников и сам знал, что тут пустой номер, он сделал эту попытку просто на всякий случай.

— Хорошо, пусть Перфильев останется на вашей совести. Кто мог надрезать шланги?

— Например, Казалинский.

— Отвечайте точно на вопросы. Почему «например»? Мог бы и еще кто-нибудь?

— Ну, Казалинский.

— Это — покушение на жизнь. Каковы мотивы? Почему он покушался?

— А это вы у него спросите.

— Вам мотивы неизвестны?

— Пока нет.

— Вы друзья?

— Можно считать и так.

— В каких отношениях были Перфильев и Казалинский?

— В деловых. Водку вместе не лили.

— С кем вы познакомились раньше — с Перфильевым или с Казалинским? — задал вопрос Журавлев.

— Приблизительно в одно время.

— А именно?

— Три года назад.

— Все-таки с кем раньше?

Коротков помолчал, словно бы взвешивая значение этого вопроса, и, кажется, не сочтя его серьезным, ответил:

— Ну, с Казалинским. Какая разница.

Синельников записал, посмотрел на Журавлева.

— У тебя все? — И обратился к Короткову. — Вам Перфильев дал прозвище «Отдел кадров». Кого он звал Клешией?

— Казалинского.

Все, что надо было установить срочно, они установили. Синельников снова посмотрел на Журавлева, подмигнул ему, положил листы протокола на папку подошел к кровати.

— Прочтите и подпишите.

Коротков взял противную шариковую ручку.

— Я вам доверяю, товарищ Синельников. — Он подписал протокол, не читая.

— На сегодня хватит, — сказал Журавлев. — Правляйтесь, мы еще поговорим.

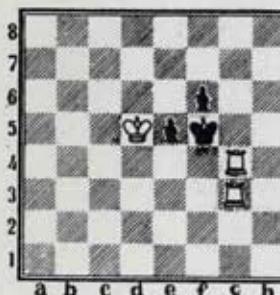
26 шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

«Лицший» темп

В шахматной партии единственный темп порой решает исход всего сражения. Особенно возрастает цена хода в обоюдоострых позициях, где борьба идет под девизом «Кто кому раньше поставит мат». Именно по этому поводу знаменитый гроссмейстер С. Тартаковер назвал шахматы «трагедией одного темпа». И только в окончаниях, позициях цугцванга «лицший» темп может повредить.

В шахматных задачах очень часто авторские замыслы основываются на потере темпа или маневрах выжидательного характера. В качестве примера рассмотрим эту миниатюру.

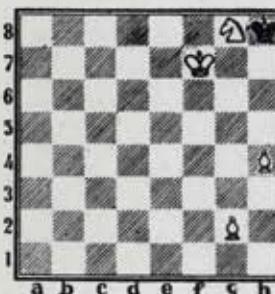
Мат в 4 хода

Предварительный анализ позиции показывает, что наиболее вероятен линейный мат по линии «f». Для этого нужно отвести обе ладьи подальше от черного короля. Попробуем: 1. Lg1 e4 2. Lg8 с угрозой 3. L1x... Но... 2. ...Kpf4, и король ускользнет через поле e3. Эта пробная игра наталкивает на мысль потерять темп с тем, чтобы черная пешка «успела» заблокировать поле e3 (конечно, против своего желания!). Решение: 1. Lg2! e4 2. Lg1! e3. Главный план осуществлен, теперь можно отступить второй ладьей. 3. L4g2! (только这样!) 3. ...Kpf4 4. Lf1x или 3. ...e2 4. Lf2x.

А теперь, как всегда, тематические задания — две шестиходовые задачи-миниатюры.

Третий тур

Белые: Kpf7, Kg8, пл. g2, h4 (4)
Черные: Kph8 (1)
Белые начинают и дают мат в 7 ходов (2 балла)

II

Белые: Krc8, Ca5, пл. b5, cb (4)
Черные: Krc8 (1)
Белые начинают и дают мат в 6 ходов (2 балла)

2 шашечная олимпиада

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

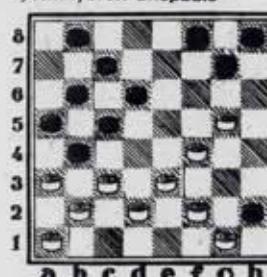
Комбинационные позиции

Рассмотрим один из жанров композиций — концовки. Решается каждая из них единственным и неочевидным путем. Концовки бывают комбинационные и позиционные. Концовки, в которых количество шашек превышает шесть на обычной доске и двенадцать на стоклеточной доске, получили новый термин — проблема.

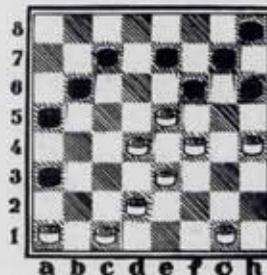
Что же такое комбинация? Это форсированный вариант с жертвами, имеющий определенную цель. Комбинация как тактический прием преследует одну цель — выигрыш (или достижение ничьей в худшей позиции), но методы осуществления могут быть различны: проход в дамки, получение материального преимущества, получение позиционного преимущества, достижение ничьей (в худшей позиции), упрощение сложной позиции. Жертва нескольких шашек — обязательное условие комбинации.

Третий тур

1. В. Белоусов (Алапаевск Свердловской области)
Публикуется впервые

2. А. Головань (Москва)
Публикуется впервые

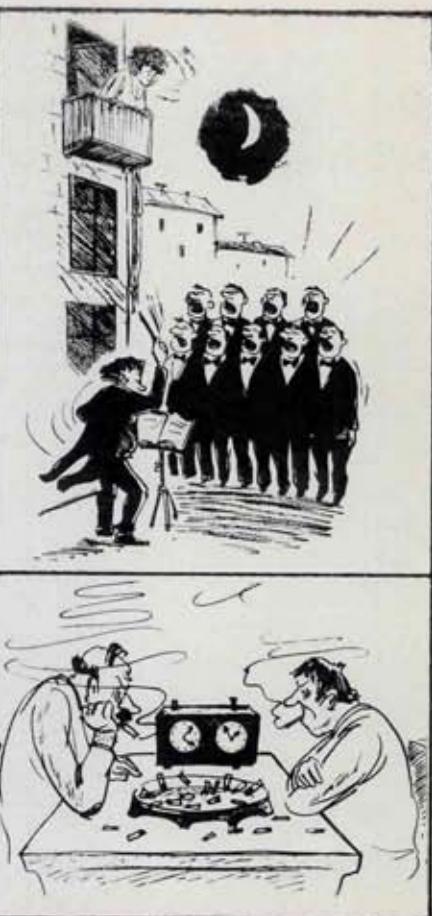
В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла). Ответы на задания третьего тура присыпайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 3-й тур». Последний срок присыпки ответов — 1 апреля (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

САХМАТЫ
ШАШКИ
ЧЕШИКИ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ОЛИМПИАДА

Рисунки
Андрея ПОМАЗКОВА,
Москва

КРОССВОРД

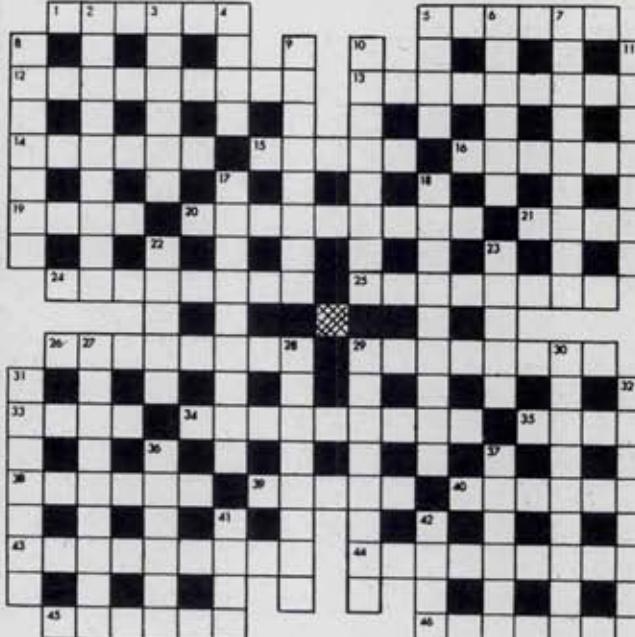
Составил А. ПРОСЯННИКОВ,
совхоз «50 лет Октября»
Рязанской области

По горизонтали:

- Переносное жилище у северных народов.
- Живописец итальянского Возрождения, основатель сиенской школы.
- Государство в Южной Америке.
- Вид эстрадного представления.
- Французский драматург-классицист.
- Элементарная частица светового потока.
- Музыкальная пьеса торжественного характера.
- Надпись в кинофильме.
- Род вокальной музыки.
- Вид искусства.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Промежуточный перерыв.
- Народное гуляние с уличным шествием.
- Мера жидкости.
- Река, на которой расположены Флоренция и Пиза.
- Декоративный полукустарник.
- Полуостров на севере СССР.
- Сказка Х. К. Андерсена.
- Атмосферный вихрь.
- Стеклянная посуда.
- Пластмасса, электроизоляционный материал.
- Персонаж трагедии Ф. Шиллера «Мария Стюарт».
- Американский астроном, автор «Общего каталога двойных звезд».
- Южный плод.

По вертикали:

- Герой оперы Д. Верди.
- Представитель народа, живущего на Дальнем Востоке.
- Герой гражданской войны.
- Часть слова.
- Быстро бегающая луговая птица.
- Струнный музыкальный инструмент.
- Настольная игра.
- Вид художественной керамики.
- Город на северо-востоке Румынии.
- Отделка поверхности изделия художественным литьем.
- Массовое празднество, связанное с искусством.
- Раздел грамматики.
- Плодовое дерево.
- Современный белорусский писатель.
- Русский поэт-лирик и переводчик.
- Прибор для измерения освещенности.
- Русский баснописец, высоко ценимый А. С. Пушкиным.
- Балерина Большого театра, народная артистка СССР.
- Чувство сострадания.
- Глубокая пахота.
- Общее название домашних растений.
- Курорт в Латвийской ССР.
- Простейший механизм.
- Площадка для выступлений боксеров.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 2

По горизонтали:

- Пристани.
- Брусила.
- Школьница.
- Оканлог.
- Брага.
- Заступник.
- Овраг.
- Пикадор.
- Хамса.
- Нисский.
- Морозостойкость.
- Воздухоплавание.
- Гвардия.
- Отава.
- Гнесина.
- Орган.
- Энергетик.
- Химия.
- Белянский.
- Лермонтов.
- Иркутяне.
- Фонтека.

По вертикали:

- Миллиграмм.
- Станс.
- Инициал.
- Фракция.
- Устав.
- Шилплохность.
- Пикардия.
- Аномалия.
- Транспортир.
- Пустословие.
- Погрузчик.
- Диссонанс.
- Азур.
- Скиве.
- «Варшавянка».
- Евстигнеев.
- Гварнери.
- «Антигона».
- «Индiana».
- Цицерон.
- Исеть.
- Умбон.

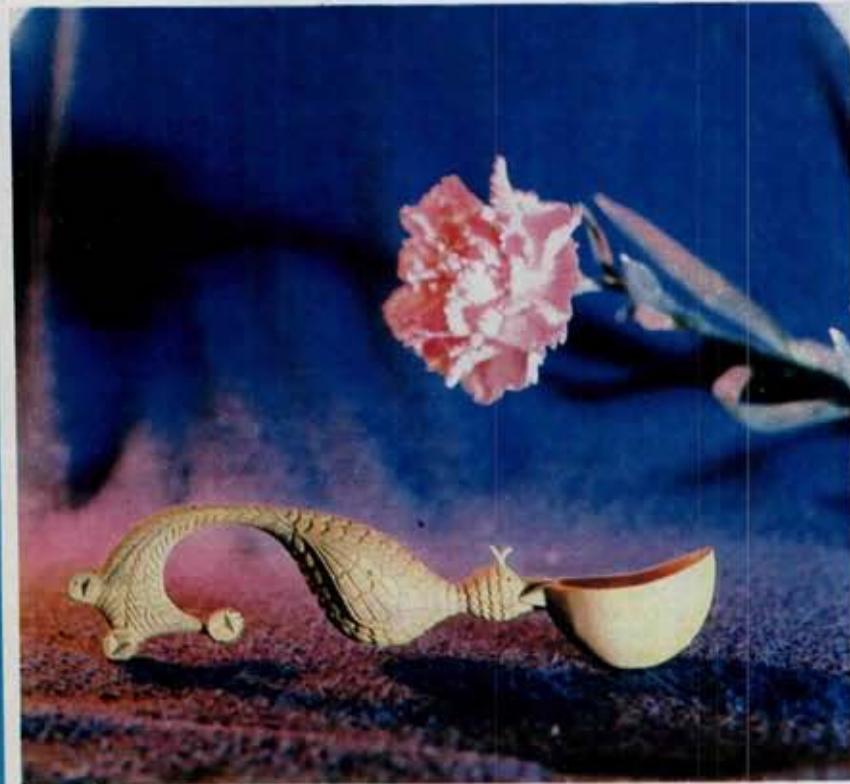
Сдано в набор 19.12.83. Подписано к печати 30.12.83. А 02835. Формат 70×108^{1/4}. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 340. Заказ № 1947.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЕСЕЛЬЕ ПОДЕЛКИ

Откуда это приходит — неведомо. Жи-
вешь привычными заботами, и вдруг
захочется забыть на время все важные
дела, развести гипс или глину и слепить
или выстругать какую-то вещицу...

Знаю одного старого талантливого

ны: деревянная миниатюра, резной ко-
нек над колодцем, ступка, женская за-
колка. И почерк резьбы все время раз-
ный и рисунок. Но это понятно — Усти-
нов только начинает и пробует себя в
разных манерах. Роднит же все его

ЛЕГКОЙ И РАДОСТНОЙ
УВИДЕЛ АВТОР
«ЖАР-ПТИЦУ».

«ДРАКОША»
СДЕЛАН ИЗ ОРЕХА.

рабочего-металлурга. Он пишет замечательные картины. Знаю ученого-микробиолога, который построил для детей сказочный терем неописуемой красоты. Знаю хирурга — интереснейший скульптор. Знаю доктора наук, видного математика, который режет из кости миниатюрные шахматные фигуры и бесконечно счастлив, когда занят этим. У всех этих людей своя форма творческого самовыражения. И их хобби — это их художническая суть.

Теперь я знаю еще одного такого человека. Он фотограф. Вообще-то я знаком с Юрием Устиновым давно, уже много лет. Профессиональный мастер, он открывал людям своими работами красоту человеческого труда, мужества, увлеченности. Он снимал то, что было сотворено другими, и вдруг попробовал творить сам. И тогда я узнал Устинова-художника и искренне обрадовался, открыв в нем дар не только воспроизводить красоту, но и созидать ее.

Посмотрите на эти работы, сделанные в течение одного года. Они разностиль-

ТАК УСТРОИЛ МАСТЕР
ВО ДВОРУ КОЛОДЦЬ
И ЦЫПЛЯЧИЙ ДОМИК.

МИНИАТЮРА ИЗ ЯБЛОНИ —
«ВОИН».

поделки особое изящество и чистота линий.

А началось все прозаично. В отпуске нашел кусок самшита, очистил его и начал стругать карманным ножом. Дошка подсказала форму, а остальное дофантазировал сам. Так получился крокодил. Потом отпуск кончился, навалились дела, думал, что увлечение пройдет. Но не прошло. Едва увидел яблоневый бруск, как почувствовал зуд в руках. Но сдержался, решил прежде сделать эскиз, да и инструмента толкового не было. Он было пошел в магазины, но там, кроме обычных стамесок и штихелей, ничего не купил. Но не стало унывать...

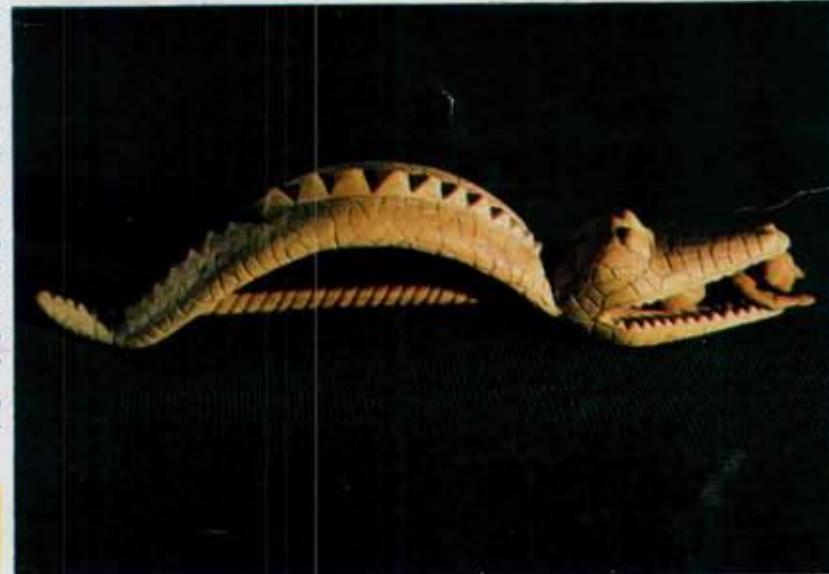
Работал сосредоточенно, не спеша. Жалел, экономил материал, ведь ни орехового, ни грушевого дерева не купишь, да и обычную доску из дуба найти — проблема. Порой выручали друзья. Так из обычной березовой доски вырезал венец для колодца, петуха для цыплячьего домика. Установил их на даче. Двор обычного садового участка сразу преобразился, к Юрию зачастали соседи — посмотреть на его рукоделие, перенять идею. Уважительно называли его мастером, просили построить что-нибудь здакое и для них.

Мастер при этом смущался, отневался.

— Да ведь это несложно. Сами попробуйте. Обязательно получится, только терпение надо, а эскизы я дам...

А что, если действительно попробовать? Ну пусть не в резьбе, так в чем-нибудь другом. Ведь мы порой даже не подозреваем в себе таланта! Главное — не придумывать самим себе отговорок, не останавливать себя, не гасить в себе искры. Удивительной, прекрасной новой гранью может вдруг открыться жизнь.

Владислав ЯНЕЛИС

ПЕРВАЯ РАБОТА —
КРОКОДИЛ ИЗ САМШИТА.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820